Ф 21
Б 529

-1 ОКТ 2012

Проверено 1961 г.

МОНОГР.
2701
I-93645
№ 22
30199 2119 каб. ист. права Гр.

АВРАМЪ ЕЗОФОВИЧЪ

РЕБИЧКОВИЧЪ,

ПОДСКАРБІЙ ЗЕМСКІЙ,

Членъ Рады Великаго Княжества Литовскаго.

Отрывокъ изъ исторіи внутреннихъ отношеній Литвы въ началѣ XVI вѣка.

С. А. БЕРШАДСКАГО.

Ленингр. Правовой Институт имени С. Кр... БИБЛИОТЕКА

Оттискъ изъ „Кіевской Старины."

ИМПЕРАТОРСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ... С.-Петербургск. Университета

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1888.

Въ вышедшихъ 12 книжкахъ „Кіевской Старины“ 1888 года помѣщены слѣдующія статьи: Кіевъ въ 1766 г. **И. В Лучицкаго.**—Грановщина. Эпизодъ изъ исторіи брацл. Украины. **В. Б. Антоновича.**—Ганна Монтовтъ. Истор.-бытов. очеркъ изъ жизни волынск. дворянства. **О. И. Левицкаго.**—Очеркъ литературной исторіи малорусск. нарѣчія въ XVII в. **П. И. Житецкаго.**—На рубежѣ. Романъ **Равиты.** Пер. съ пол. **К. М.**—Протестъ слободской Украины противъ реформы 1765 г. **И. В. Теличенка.**—Къ литературѣ рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ. **В. П. Науменка.**—Къ исторіи колонизаціи слободской Украины. **Н. И. Петрова.**—Экономическія замѣтки и матеріалы. I. Рудни въ Сѣверщинѣ **П. С. Ефименка.**—Нелишнее слово о виршахъ. **Михайлогорскаго.**—Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій. **В. П. Горленка.**—Нѣжинская рада 1663 г. **А. А. Востокова**—Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по магдебург. праву. **И. М. Каманина.**—Сочиненія П. П. Артемовскаго-Гулака. **А. А. Потебни.**—Историч. очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ южн. и зап. Россію Григоріанскій календарь. **Н. Ѳ. Сумцова.**—Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены св. равноап. князь Владиміръ и св. княг. Ольга и имѣемъ ли мы подлинныя ихъ изображенія. **П. Л.**—О началѣ христіанства въ Кіевѣ до торжеств. принятія христіанск. вѣры при св. Владимірѣ. **П. Л.**—Леонардъ Совинскій. **А. В. С—ка.**—Молотники (бытовой разсказъ). **Ганны Барвинокъ.**—Воспоминанія объ Архивѣ Государств. Совѣта. **А. В. Романовича Славатинскаго.** Св. Владиміръ. Лѣтоп. сказ. **П. Л.**—Херсонесъ во время крещенія въ немъ св. Владиміра. **Х. П. Ящуржинскаго.**—Болгары и Хазары **П. В. Голубовскаго.**—Кіевляне и Б. Хмельницкій. **И. М. Каманина.**—Передвиженіе южнорусск. населенія въ эпоху Б. Хмельницкаго. **М. Ф. Владимірскаго-Буданова.**—Обозрѣніе предм. вел.-княж. эпохи въ музеѣ древностей и мюнцъ-кабинетѣ унив. св. Владиміра. **В Б. Антоновича.**—Два предмета кіев. церк.-археол. музея. **Н. Бѣляшевскаго.**—Клады вел.-княж. эпохи въ Кіевѣ. **Его же.**—Памятникъ Б. Хмельницкому.—„Бунтъ“ сквирскаго магистрата. **Н. О.**—Порченная (бытовая повѣсть). **Юліи Левицкой-Пащенко.**—Архивы въ Галиціи. **И.А.Линниченка.**—Очеркъ исторіи города Умани. **К.И. Т—аго.**—Воспоминанія объ А. А. Котляревскомъ. **Алексѣя Веселовскаго.**—Очеркъ кодификаціи малороссійскаго права до введенія Свода Законовъ. **И. Теличенка.**—Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій, членъ Рады великаго княжества литовскаго. **С. А. Бершадскаго.**—Первые четыре года ссылки Шевченка. **Н. И Стороженка.**—Слава Богу, для начала и это хорошо! **Мирона.**—Изъ прошедшей жизни малорусскаго дворянства **Л.**—Двѣнадцать пунктовъ Вельяминова. **Александры Я. Ефименко.**—Графиня Е. М. Румянцева. **И. П. Житецкаго.**—Станиславъ Орѣховскій. **Н. Ѳ Сумцова.**—Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія. **Ѳадея Р. Рыльскаго.**—Матеріалы для исторіи гайдамачины.—Тарасъ изъ Ворохты. Переводъ съ польскаго. **К. М.**—Люди старой Малороссіи. **Ал. М. Лазаревскаго**—Къ пятидесятилѣтію со дня смерти И. П. Котляревскаго. **В. П. Науменка.**—Г. П. Галаганъ. (Некрологъ). **Ѳ. Г. Мищенка.**—Фатальная вдова. **П. К.** Половинщикъ (бытов. разсказъ) **Ганны Барвинокъ.**—Осада и взятіе Очакова. **А.А. Русова.**

Въ отдѣлѣ критики помѣщены рецензіи: В. Б. Антоновича, Д. И. Багалѣя, П. В. Голубовскаго, В. П. Горленка, И. Ж., Г. З., М. За-

АВРАМЪ ЕЗОФОВИЧЪ РЕБИЧКОВИЧЪ,

ПОДСКАРБІЙ ЗЕМСКІЙ, ЧЛЕНЪ Рады ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКАГО.

Отрывокъ изъ исторіи внутреннихъ отношеній Литвы въ началѣ XVI в.

I.

Вмѣсто введенія. — Брошюра г. Вольфа „Еврей министръ короля Сигизмунда“.—Пріемы г. Вольфа.—Пользованіе рукописными источниками.—Напечатанные ранѣе документы въ видѣ рукописей.—Незамѣченныя г. Вольфомъ опечатки.—Мнимыя актовыя книги Метрики Литовской. — Несуществовавшее завѣщаніе Аврама Езофовича.—Истинный смыслъ этого мнимаго завѣщанія.—Пользованіе г. Вольфа печатнымъ матеріаломъ: Томицкій, Volumina legum. — Воззрѣнія г. Вольфа на время возникновенія Рады в. княжества литовскаго. — Болѣе правильныя воззрѣнія на этотъ предметъ короля Сигизмунда Августа.—Составъ Рады по опредѣленію г. В.—Несогласимые элементы этой Рады.—Скрытые г. Вольфомъ вдовы.—Причинъ затрудненій г. В.—Полная непригодность спорнаго документа г. В. для опредѣленія состава рады.—Истинный смыслъ этого документа.—Наши попытки опредѣлить составъ Рады.—Исключенные г. Вольфомъ члены Рады: бискупы, князья Гедиминовичи, старосты и придворные члены.—Опредѣленіе г. Вольфомъ должностей намѣстника, маршалка, воеводы, подскарбія земскаго.—Ошибочныя предположенія г. Вольфа о враждебности членовъ Рады къ Аврааму Езофовичу.—Характеръ отношеній членовъ Рады между собою и отношенія ихъ къ Аврааму Езофовичу, на основаніи актовъ.—Сообщеніе г. Вольфа о первыхъ годахъ дѣятельности Аврама Езофовича.—Противорѣчія и недоказанность положенія г. Вольфа о фамиліи Езофовича.—Мнимое изгнаніе Аврама Езофовича изъ Литвы вмѣстѣ съ остальными евреями въ 1495 г. и принятіе имъ христіанства для возвращенія въ Литву.—Напрасныя жалобы г. Вольфа на бѣдность Метрики Литовской свѣдѣніями объ Аврамѣ Езофовичѣ.

Въ прошломъ году въ Краковѣ появилась небольшая брошюра г. І. Вольфа подъ заманчивымъ заглавіемъ: „Еврей министръ короля Сигизмунда“.

Г. Вольфъ, дебютировавшій сочиненіями по генеалогическимъ и геральдическимъ вопросамъ, захотѣлъ, очевидно, въ небольшомъ историческомъ этюдѣ показать, что ему не чужды и внутреннія отношенія в. княжества литовскаго.

Ожидая брошюры, мы были, правда, въ нѣкоторомъ недоумѣніи: о какомъ евреѣ и какомъ королѣ Сигизмундѣ идетъ рѣчь?

Намъ извѣстно, что у короля Сигизмунда Августа былъ любимецъ еврей Изакъ Бородавка, о которомъ говоритъ А. Горницкій, а еще болѣе акты Метрики Литовской.

Мы знаемъ, что король Сигизмундъ III имѣлъ придворнаго купца („фактора“), знаменитаго въ преданіяхъ литовскихъ евреевъ Шауля Валя.

Но ни тотъ, ни другой еврей не занимали никакой должности въ государственной администраціи.

Наконецъ, въ статьѣ, напечатанной нами въ Еврейской Библіотекѣ за 1879 г.[1]), мы указали на подскарбія земскаго еврея, принявшаго христіанскую религію, Аврама Езофовича, а въ „Документахъ къ исторіи литовскихъ евреевъ“ сообщили изъ Метрики Литовской рядъ актовъ, касающихся какъ самаго Аврама Езофовича, такъ и двухъ его братьевъ. Такъ какъ Аврамъ Езофовичъ становится подскарбіемъ земскимъ *великаго княжества* литовскаго лишь подъ конецъ своей долгой административной дѣятельности, такъ какъ Аврамъ Езофовичъ очень рано переходитъ въ христіанство и ведетъ совершенно самостоятельную, независимую отъ отца и братьетъ жизнь, то намъ казалось въ высшей степени любопытнымъ, какого еврея, въ министры какого короля польскаго Сигизмунда возвелъ г. Вольфъ.

Чтеніе произведенія г. Вольфа привело насъ съ перваго же раза въ глубокое изумленіе.

Не будемъ останавливаться на томъ, что министромъ евреемъ оказался христіанинъ Аврамъ Езофовичъ, не будемъ говорить о томъ, что онъ оказался министромъ не *короля польскаго* Сигизмунда I, а *короля и великаго князя литовскаго*,—не въ этомъ заключались причины нашего изумленія.

---

[1]) Стр. 28, примѣчаніе.

Г. Вольфу былъ извѣстенъ какъ трудъ нашъ, такъ и изданные нами документы, г. Вольфъ пользуется ими, съ тою однако оговоркою, что пользованіе свое онъ ограничиваетъ XV ст., далѣе идутъ повсюду источники первой руки, всюду только и видишь, что ссылки на актовыя книги Метрики Литовской.

Въ виду обилія этихъ ссылокъ, въ виду того, что документы, изданные нами, опять цитируются только въ концѣ брошюры, мы невольно задали себѣ вопросъ: неужели всѣ эти документы, на которые ссылается г. В., не замѣчены были нами раньше?

Появленіе брошюры г. В. въ русскомъ переводѣ несомнѣнно должно возбудить подобнаго же рода недоумѣніе и у русскаго читателя.

Въ виду защиты себя отъ предположенія, будто бы, откапывая различныхъ неизвѣстныхъ исторіи евреевъ, мы не примѣтили такого крупнаго явленія, какъ Аврамъ Езофовичъ, подскарбій земскій в. княжества литовскаго, и что этотъ пропускъ замѣченъ и пополненъ г. Вольфомъ, мы позволимъ себѣ утрудить вниманіе читателей во 1) критическимъ разборомъ брошюры г. Вольфа какъ со стороны пользованія источниками, такъ и со стороны пониманія ихъ; во 2) представленіемъ личности Аврама Езофовича по актовымъ книгамъ Метрики Литовской.

I.

Остановимся прежде всего на пользованіи источниками.

Г. Вольфъ во всей своей брошюрѣ ссылается постоянно на акты Метрики Литовской. Но если кто либо пожелаетъ сличить приводимыя имъ цитаты съ первымъ томомъ нашихъ „Документовъ и регестъ къ исторіи литовскихъ евреевъ“, то получится слѣдующая таблица [1]):

---

[1]) Мы начнемъ съ третьей главы, такъ какъ двѣ первыя написаны на основаніи нашей книги и документовъ, а только съ третьей главы начинаются самостоятельныя (!) заимствованія изъ Метрики Литовской.

І. Вольфъ. *„Еврей министръ короля польскаго Сигизмунда“, 1885 г.*	С. А. Бершадскій. *„Документы и регесты къ исторіи литовскихъ евреевъ“, 1882 г.*
Глава III.	
Примѣчаніе 3 (пр. 1)[1])	№ 60, № 119. № 69, № 159.
„ 3, b (пр. 1, d)	№ 42.
Глава IV.	
Примѣчаніе 2 (пр. 1)	№ 52.
„ 2 b (пр. 2)	№ 54.
„ 3 (пр. 3).	№ 53, b.
„ 3, b (пр. 4)	№ 55.
„ 4 (пр. 1, c)	№ 54, всего одинъ документъ, а не два, какъ у г. В.
„ 5 (пр. 2, c)	№ 55.
Глава V.	
Примѣчаніе 2	№ 54 и 55
„ 3	№ 55.
Глава VI.	
Примѣчаніе 3 (пр. 1)	№ 159.
„ 4 (пр. 2)	№ 119.
„ 1, b (пр. 2, b).	№ 57.
„ 3, b (пр. 4)	№ 59.
„ 4, b (пр. 1, c).	№ 63.
„ 6, b (пр. 3, b)	№ 65.
„ 1, (пр. 2, d)	№ 62.
„ 2, (пр. 3, d)	№ 60.
Глава VII.	
Примѣчаніе 1 (пр. 1).	№ 69.
Глава IX.	
Примѣчаніе 1 (пр. 1)	№ 58.
„ 2 (пр. 1, b)	№ 60, при чемъ дата у г. В. невѣрна, слѣдуетъ 27 рев.
„ 3 (пр. 2)	№ 68, вмѣсто fol, какъ у г. В., слѣдуетъ читать: № документа 35.

[1]) Въ скобкахъ цитаты по польскому оригиналу брошюры.

„	4 (пр. 3)	№ 70.
„	5 (пр. 4)	№ 72.
„	6 (пр. 5)	№ 73.
„	7 (пр. 6)	№ 74.
„	8 (пр. 1, c)	№ 78.
„	1, b (пр. 2, b)	№ 83.
„	2, b (пр. 3, b)	№ 96.
„	3, b (пр. 1, d)	№ 108.
„	4, b (пр. 2, d)	№ 109.
	(пр. 3 d)	№ 119.
„	5, b (пр. 4, d)	№ 130 и 154.

т. е. всѣ документы главы IX и значительная часть документовъ предыдущихъ главъ, взятые г. Вольфомъ изъ Метрики Литовской, напечатаны уже за 3 года до появленія произведенія г. В., напечатаны въ томъ самомъ сборникѣ, на который г. В. ссылается только во второй главѣ своей брошюры. Но этого мало.

Заимствуя акты изъ Метрики Литовской, г. В. не только повторяетъ не оговоренные нами недосмотры, напр. въ пр. 2 главы IV приводитъ листъ 87 акт. книги вмѣсто листа 97, какъ бы слѣдовало (№ 52, „Док. и рег.“), но повторяетъ замѣченныя нами и оговоренныя *опечатки;* такъ, напр. невѣрныя даты [1]), воспроизводятся г. В. съ полнѣйшею пунктуальностью; не ограничиваясь нашими документами, г. В. заимствуетъ непосредственно изъ Метрики Литовской и такіе акты, которые напечатаны полвѣка тому назадъ, какъ напр. грамота Сигизмунда I литов. евреямъ отъ 21 марта 1514 г. [2]).

При этомъ, однако г. В. не захотѣлъ обидѣть и наши документы, не потрудившись однако справиться съ подлинными книгами Метрики Литовской и не разсмотрѣвъ, какъ слѣдуетъ, сдѣланнаго нами заголовка, г. В. помѣстилъ эту грамоту въ двѣ различныя книги Метрики, между тѣмъ какъ въ дѣйствитель-

---

[1]) Срав. пр. I (b) и 6 (b) главы VI съ Док. и рег. №№ 57 и 65.

[2]) Напечаталъ впервые *Działyński* въ 1841 г., въ „Zbiór praw Litewskich“, а затѣмъ въ 1848 г. Археогр. ком. напечатала эту же грамоту изъ актовыхъ книгъ Метр. Лит. Обо всемъ этомъ г. Вольфъ могъ бы узнать изъ нашихъ же „Докум. и регестовъ“.

ности, *начало* этой грамоты находится въ IX книгѣ „*Записей*“, № акта 500, а конецъ въ IV книгѣ „*Судныхъ дѣлъ*“, fol. 142.

Едва ли послѣ приведеннаго можетъ быть сомнѣніе, откуда заимствовалъ г. В. большинство своихъ документовъ.

Но для дополненія позволимъ себѣ еще маленькую подробность: подъ 1507 г., октября 5 помѣщенъ нами документъ объ отдачѣ Авраму Езофовичу въ управленіе таможенныхъ доходовъ въ Ковно и Смоленскѣ.

Прочитавъ *сдѣланный нами заголовокъ* № 52, отъ 5 октября 1507 г., гдѣ говорится, что король Сигизмундъ для погашенія долговъ отдаетъ въ управленіе Аврааму Езофовичу таможенныя пошлины въ Ковно и Смоленскѣ, и замѣтивъ на заголовкѣ № 53, отъ 30 ноября того же 1507 года, что Аврамъ Езофовичъ уже покрылъ эти долги *изъ доходовъ ковенской таможни*, г. Вольфъ не задумывается написать: „Менѣе чѣмъ въ 2 мѣсяца Аврамъ погасилъ королевскіе долги“.

Между тѣмъ изъ *текста* № 52 очевидно, что распоряженіе *отъ 5 октября подтверждало только* болѣе раннюю грамоту отъ *13 іюля* 1507 г. Т. обр. Аврамъ Езофовичъ погасилъ королевскій долгъ въ 1.960 к. гр. *не въ теченіи мѣсяца съ небольшимъ, а въ теченіи почти полугода.*

Но этого мало, г. В. полагаетъ что Аврамъ Езофовичъ покрылъ долги короля изъ доходовъ ковенской товарной таможни, пошлинъ съ соли и пошлинъ съ воску въ Смоленскѣ,—изъ текста же документа очевидно, что королевскіе долги были погашены одними только пошлинами *съ соли въ Ковно.*

Помимо этихъ документовъ, заимствованныхъ г. В. *прямо* изъ Метрики Литовской и страннымъ образомъ напечатанныхъ уже раньше въ другихъ изданіяхъ, у г. Вольфа приведены нѣкоторые документы впервые.

Однако, и эти документы невольно возбуждаютъ вопросъ, дѣйствительно ли видѣлъ г. Вольфъ то, на что такъ смѣло ссылается.

Главнымъ источникомъ г. В. служатъ здѣсь № 1 и 2 „Записей“ Метрики Литовской. 1) Г. В. повсюду ссылается на эти книги, какъ на содержащія въ себѣ такіе же документы, какъ

и другія книги, напр. глава IV, пр. 1 [1]). Между тѣмъ книги записей № 1 и № 2 ничто иное, какъ краткая инвентарная опись отдѣльныхъ документовъ, хранившихся въ Метрикѣ Литовской въ концѣ XVI в. [2]). 2) Цитаты изъ обѣихъ книгъ приводятся г. В. со ссылкою на листы (folium), между тѣмъ, какъ книги скрѣплены по страницамъ (pagina). 3) Листы (sic!) этихъ книгъ цитируются для обѣихъ книгъ одинаково т. е. листъ такой то, книга № I и II, между тѣмъ какъ обѣ книги, тожественныя по содержанію, имѣютъ *различную пагинацію*, поэтому, напр., документъ, находящійся въ I книгѣ на стр. 59, будетъ во II кн. на стр. 46; № I стр. 46 = II стр. 36; № I стр. 94 = № II стр. 80; № I стр. 95 = № II стр. 81 и т. д. 4) Наконецъ, нѣкоторыя извлеченія изъ этой описи сдѣланы съ совершеннымъ непониманіемъ приводимаго документа; напр., въ концѣ VI главы своей брошюры г. В. приводитъ изъ перваго, якобы, завѣщанія Аврама Езофовича выписку слѣдующаго содержанія: „Аврамъ Езофовичъ, подскарбій земскій в. княжества литовскаго, староста ковенскій и солецкій, назначаетъ на случай своей смерти двухъ опекуновъ: *воеводу и старосту краковскаго Кристофа Шидловецкаго* для имѣній своихъ, находящихся въ Польшѣ, а для имѣній литовскихъ—*воеводу полоцкаго Ольбрахта Мартиновича Гаштольта*.

Между тѣмъ подлинная инвентарная опись гласитъ слѣдующее:

„Подскарбій литовскій озабочивается назначеніемъ опекуна послѣ своей смерти“.

„1518. — Аврамъ Езофовичъ, подскарбій в. княжества литовскаго, староста ковенскій и солецкій, отдается подъ охрану

---

[1]) Польскій текстъ пр. 1, 6, или, тамъ же, пр. 4, гдѣ въ подтвержденіе напечатаннаго у насъ оригинала приводится указаніе на книги № I и II, какъ будто бы повторяющія текстъ грамоты!

[2]) Опись эта сдѣлана, вѣроятно, вмѣстѣ съ перепискою актовыхъ книгъ въ канцлерство Льва Сапѣги, между 1593—1595 г., такъ какъ въ ней встрѣчаются документы, помѣченные 1570 г. Отсутствіе въ этой описи документовъ послѣ 1570 г. объясняется: 1) реальной уніей Литвы съ Польшею, въ силу чего документы общегосударственнаго характера стали храниться въ Краковѣ; 2) изданіемъ закона, въ силу котораго копія, явленная въ судѣ, стала равнозначительна оригиналу.

короля его милости. Поименовываетъ и *назначаетъ* по своей смерти *его королевскую милость главнымъ опекуномъ* своего завѣщанія, а также Криштофа Шидловецкаго, воеводу и старосту главнаго краковскаго, *канцлера коронnаго* (назначаетъ опекуномъ), своихъ имѣній, которыми владѣлъ въ Польшѣ,—а Ольбрахта Мартыновича Гаштольта, воеводу полоцкаго, державцу мозерскаго—(опекуномъ) имѣній въ Литвѣ. Въ Брестѣ, дня 8 декабря, индиктъ 1".

„Съ печатью. Литера LII" [1]).

И болѣе ничего.

Вотъ образчикъ документовъ книги „*Записей*" № I и № II. Очевидно, что передъ нашими глазами краткая опись подлиннаго документа, это во первыхъ.

Но главное, во вторыхъ, въ томъ, что г. В. не понялъ выраженій такого совершенно яснаго документа. Можно ли называть этотъ документъ завѣщаніемъ, когда нѣтъ ни лицъ, въ пользу которыхъ составлено завѣщаніе, ни предметовъ, которыми бы распорядился наслѣдодатель? Но этого мало.

Главнымъ опекуномъ назначается король, и г. Вольфъ этого не примѣтилъ.

А между тѣмъ какъ въ началѣ своего завѣщанія отъ 1519 г. Аврамъ Езофовичъ обращается къ опекунамъ: „Господару моему милостивому, королю его милости Жыкгимонту", такъ точно въ 1523 г. марта 14 король Сигизмундъ въ предписаніи, адрессованномъ епископу виленскому [2]), говоритъ, что покойный подскарбій земскій Аврамъ Езофовичъ назначилъ главнымъ опекуномъ, *насъ, государя*.

[1]) M. Л. „*Записей*" № II.

R. 1518. Abram Jozefowicz, Podskarbij W. X. Lit. Starosta Kowienski y Soliecki, poddaie się pod obronę Kro. J. Mci.—*J. Kr. Mc. przednim opiekunem testamentu po smiercy swey mianuie y naznacza*, y Krysztofa Szydłowieckiego Woiewody (sic) y Starosty (sic) głownego Krakowskiego y Canclerza Koronnego, stronny dobr w Polszce które miał, a z strony dobr w Litwie Olbrychta Martynowicza Gasztolta, Woiewody (sic) Połockiego, dzierzawcy Mozerskiego. W Brzesciu, dnia 8, Decembra, indicta I.

S pieczęcia. L-ra LII.

[2]) „Подскарбій земскій, небощикъ п. Аврамъ Езофовичъ *ассекураторомъ* (назначилъ) напередъ насъ, *Господара*". Метр. Лит., Суд. Дѣлъ № 4, f. 26 (b).

Изъ всего указаннаго, кажется, ясно, какъ г. В. пользуется архивными источниками.

Что касается пользованія печатнымъ матеріаломъ, то нельзя сказать, чтобы и здѣсь пріемы г. Вольфа были удачнѣе.

Намъ кажется, что автору, который щеголяетъ своимъ знакомствомъ съ Метрикой Литовской, естественнѣе было бы для опредѣленія того, гдѣ былъ король Сигизмундъ съ 12 февраля 1509 по май 1511 г., обратиться къ актамъ Метрики, или же къ современнымъ лѣтописцамъ, а не случайно выхватывать документы изъ Томицкаго (стр. 21, пр.).

Странность эта увеличивается еще болѣе тѣмъ, что одни и тѣ же документы Томицкаго служатъ г. В. и для доказательства, что король Сигизмундъ въ теченіи полутора года не бывалъ въ Литвѣ, и въ то же время подтверждаютъ, что кор. Сигизмундъ приказалъ арестовать предполагаемыхъ сторонниковъ Глинскаго (стр. 17).

Къ тому же, цитаты изъ Томицкаго относятся къ 1509 и 1511 г. Спрашивается, что же это значитъ? Должны ли мы предполагать, что король, приказавъ произвести арестъ сторонниковъ Глинскаго въ 1509 г., повторяетъ свое приказаніе еще въ другой разъ черезъ 2 года? Или какъ иначе разумѣть эти ссылки?

Точно также мы не можемъ понять, какимъ образомъ показанія Стрыйковскаго можно цитировать рядомъ съ актами Томицкаго. Источникъ въ высшей степени мутный съ несомнѣнными документами изъ государственной канцеляріи.

Непонятно для насъ также, какимъ образомъ собраніе польскихъ законовъ, Volumina legum, могутъ служить источникомъ для выясненія началъ литовскаго права.

А между тѣмъ по мнѣнію г. В., Статутъ короля Александра, опредѣляющій обязанности подскарбія польскаго королевства распространяется и на Литву [1]).

[1]) Стр. 22 гл. V. Правда, г. Вольфъ здѣсь не приводитъ прямо источника, но въ его изданіи „Сенаторы и придворные чины“, стр. 184, обязанности подскарбія опредѣляются тѣми же самыми словами, что и въ разбираемой нами брошюрѣ, т. е. „подскарбій обязанъ оберегать казну, собирать государственные доходы, покрывать (государственные) расходы, представлять отчеты по тѣмъ и другимъ и наблюдать надъ чеканкой монеты“.

Послѣ этихъ замѣчаній перейдемъ къ обсужденію внутреннихъ достоинствъ брошюры г. В.

Но прежде чѣмъ мы коснемся этого труда, посвященнаго дѣятельности одного изъ выдающихся государственныхъ сановниковъ Литвы XVI в., намъ кажется небезъинтереснымъ познакомиться съ воззрѣніями г. Вольфа на государственный строй Литвы вообще и на характеръ той или другой изъ государственныхъ должностей въ частности.

Намъ кажется совершенно необходимымъ коснуться этихъ сторонъ потому во 1), что вопросы эти до сихъ поръ не достаточно обслѣдованы, въ 2), г. Вольфъ издалъ объемистую книгу, посвященную спеціально сенаторскимъ и придворнымъ чинамъ Литвы, и въ 3), наконецъ, потому что отъ пониманія государственнаго и общественнаго строя данной страны въ опредѣленный историческій моментъ зависитъ правильное пониманіе и освѣщеніе излагаемыхъ событій.

Только что названное изданіе [1]) открывается совершенно естественно опредѣленіемъ государственнаго совѣта Литвы, „Рады в. княжества литовскаго".

Посмотримъ, что же это за опредѣленіе

„Вступивши въ соединеніе съ Польшею (въ 1413 г.), Литва понемногу начала устраиваться по образцу Польши, заимствуя ея учрежденія. Актъ Городельской уніи положилъ начало сенату литовскому... Однако (!) до самой уніи Литвы съ короною въ Люблинѣ, въ 1569 г., не было, собственно говоря (?), сената литовскаго, а существовала Рада великокняжеская (!), члены которой носили титулъ: пановъ радъ, ихъ милости". Не останавливаясь на томъ, что трудно, почти невозможно, понять, какимъ образомъ сенатъ, которому начало положено было Городельской уніей, тѣмъ не менѣе въ теченіи полутораста лѣтъ вовсе не существовалъ, что не видно различія сената отъ Рады, мы только замѣтимъ г. Вольфу, что *король Сигизмундъ Августъ еще въ 1563 г.* гораздо правильнѣе указалъ на время возникновенія и характеръ сенаторскихъ должностей въ Литвѣ.

[1]) *Senatorowie i Dignitarzy* wielkiego księstwa litewskiego. 1386—1795. Kraków 1885.

„Еще до Городельской привилегіи чины и народы шляхетскіе за свои заслуги государству и нашимъ предкамъ", говоритъ король Сигизмундъ Августъ, „получили различныя повышенія и почести, какъ это выражено точнымъ образомъ во вступленіи Городельской привилегіи; вотъ эти то вельможи и должностные лица и явились на Городельскій сеймъ".

Раскрывая для поясненія этихъ словъ текстъ Городельской привилегіи, мы видимъ, что въ средѣ литовской шляхты, принимающей польскіе гербы, встрѣчаются: Монивидъ, *воевода виленскій*, Явнъ, *воевода троцкій*, Минкгалъ, *каштелянъ виленскій*, и Сунигалъ, *каштелянъ троцкій* [1]).

Такимъ образомъ король Сигизмундъ Августъ имѣлъ полное право утверждать, что до Городельской уніи въ Литвѣ уже были воеводы и каштеляны.

Въ подкрѣпленіе этого свидѣтельства мы приведемъ нѣсколько документовъ отъ времени, предшествующаго Городельской уніи.

Въ грамотахъ Витовта трокскимъ евреямъ [2]) отъ 24 іюня 1388 г. и брестскимъ [3]) отъ 2 іюня того же года мы встрѣчаемъ Ѳеодора, воеводу луцкаго.

Въ прелиминарныхъ статьяхъ мирнаго договора Витовта съ нѣмецкимъ орденомъ отъ 23 мая 1398 г. мы встрѣчаемъ: Монивида, старо́сту (hauptman) виленскаго, Чупурну, *маршалка*.

Вмѣстѣ съ ними договоръ скрѣпляютъ своими печатями бояре (baiaren), среди которыхъ мы видимъ родоначальника знаменитой фамиліи Гаштольтовъ [4]).

Въ особенности же мы рекомендовали бы вниманію г. Вольфа небольшой документъ в. князя Витовта отъ 26 марта 1410 года, слѣдовательно на 3 года ранѣе Городельской уніи. Здѣсь мы встрѣчаемъ слѣдующихъ сановниковъ: Николай, *бискупъ виленскій*, Альбертъ, иначе Монивидъ, *староста виленскій*, Стани-

---

[1]) Ак. Ю. и З. Р. т. I.

[2]) *Bolinski.* Historia miasta Wilno, 1836, т. I, p. 225.

[3]) *Działynski.* Zbiór praw Litewskich. 1841, p. 112. Ср. наши „Документы и рег.", гдѣ обѣ грамоты напечатаны параллельно. Тамъ же № 2, грамота гроденскимъ евреямъ 1389 г., гдѣ снова является Ѳедоръ, князь, воевода луцкій.

[4]) *Prochaska.* Codex Witoldianus, № CLXXIX.

славъ, иначе Чупурна, маршалокъ *в. княжества литовскаго*, Михель, иначе Купзегайлъ, *староста вилькомирскій*, и Ганнусъ, иначе Супгайлъ, *староста ковенскій*.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что сановники въ Литвѣ существовали гораздо раньше Городельской уніи.

Сановники эти составляли совѣтъ в. князя.

Роль и значеніе каждаго изъ нихъ опредѣлить не легко, но изъ того, что рядомъ съ воеводами, старостами и тивунами коренныхъ литовскихъ областей мы встрѣчаемъ маршалковъ в. княжества литовскаго, мы должны заключить, что уже въ это время рядомъ съ дѣлами, бывшими въ завѣдываніи отдѣльныхъ сановниковъ, существуютъ дѣла общегосударственныя.

Понятно само собою, что подъ вліяніемъ измѣненія политическихъ и общественныхъ отношеній Литвы, подъ вліяніемъ примѣра сосѣднихъ странъ и т. д. и характеръ отдѣльныхъ государственныхъ должностей, а равно и характеръ центральнаго государственнаго учрежденія, „Рады в. князя“ долженъ былъ измѣниться.

Намъ хорошо понятны трудности точнаго опредѣленія большинства литовскихъ государственныхъ должностей до Люблинской уніи, напр. должности подкоморего, подскарбія дворнаго, маршалка,—но значенія другихъ, какъ напр. воеводы, подскарбія земскаго, старосты и т. д., а равнымъ образомъ опредѣленіе, не скажемъ значенія, но, по крайности, состава Рады в. княжества литовскаго не представляетъ для XVI в. непреодолимыхъ трудностей.

Имѣя передъ глазами массы цитатъ изъ Метрики Литовской, читатель естественно предполагаетъ, что г. В. знакомъ не съ одними только именами сановниковъ и временемъ назначенія ихъ въ ту или иную должность, перемѣщенія съ одной должности на другую и временемъ кончины этихъ лицъ. Поэтому то мы съ большимъ любопытствомъ остановились на опредѣленіи г. В. состава Рады в. княжества литовскаго и затѣмъ характера отдѣльныхъ государственныхъ должностей.

„Составъ этой Рады“, говоритъ г. Вольфъ „передъ окончательнымъ (?) упраздненіемъ ея на Люблинскомъ сеймѣ, былъ слѣдующій:

Католическіе епископы (biskupy), воеводы [между ними (?) староста жмудскій, каштеляны виленскій и трокскій (!), гетманъ наивысшій (!), маршалокъ земскій и маршалокъ земли волынской (!)]

Каштеляны (между ними: подканцлеръ, маршалокъ дворный и подскарбій земскій).

Придворные и земскіе чины (подчашій, крайчій, стольникъ, подскарбій надворный, мечникъ, чашникъ, хоружій земскій и дворный).

Маршалки.

Старосты и державцы.

Тивуны жмудскіе (?).

Повѣты (??!).

Князья и паны (?).

Если таковъ былъ составъ Рады передъ ея окончательнымъ упраздненіемъ, скажемъ мы, то весьма понятно, что Сигизмундъ Августъ эту Раду уничтожилъ.

Что ему оставалось дѣлать, если въ составъ Рады вошли не только всѣ князья литовскіе [а ихъ было въ Литвѣ передъ Люблинской уніей до 40 фамилій], но еще и паны. [Какіе паны, что за паны, г. Вольфъ не объясняетъ].

Мало того, въ составъ Рады, т. е. постояннаго великокняжескаго совѣта вступаютъ и юридическія лица, *повѣты*, т. е. *уѣзды!* Мы полагаемъ, что такого вторженія совершенно несогласимыхъ элементовъ было вполнѣ достаточно для разрушенія Рады.

Но г. Вольфъ скрылъ отъ читателей еще одну, и самую важную причину, подвинувшую короля Сигизмунда Августа на уничтоженіе Рады.

Г. Вольфъ не напечаталъ конца приведеннаго имъ документа.

Конецъ же этотъ, вслѣдъ за раздѣломъ „князья и паны“, читается такъ: „*Вдовы*“. Вообразимъ Сигизмунда Августа, вдовца по прежней женѣ, въ государственномъ совѣтѣ, въ составъ котораго *ex officio* входятъ вдовы!!!

Понятно, что ему не было иного выхода, какъ уничтожить Раду.

Но въ чемъ же однако дѣло?

Почему невольно приходятъ на умъ такіе невозможно-комическіе выводы?

Документъ г. Вольфа дѣйствительно заключаетъ всѣ титулы, приведенные выше, и оканчивается такъ, какъ мы только что указали.

Но что же это значитъ? Какимъ образомъ однако всѣ литовскіе князья, всѣ паны, повѣты и наконецъ вдовы оказываются членами Рады в. князя, членами литовскаго государственнаго совѣта? Мы знаемъ документы, подписанные членами Рады въ весьма значительномъ числѣ. Мы встрѣчаемъ среди членовъ этой Рады не только важныхъ, но и менѣе значительныхъ должностныхъ лицъ, въ родѣ писарей в. князя или же державцевъ, встрѣчаемъ въ числѣ членовъ Рады двѣ княжескія фамиліи Гедеминовичей, но ни на одномъ изъ доселѣ извѣстныхъ документовъ намъ не удалось встрѣтить подпись какого либо пана *вообще*, или же повѣта, а тѣмъ менѣе вдовы.

Документъ на лицо, однако, и самъ г. В. не рѣшается ввести въ составъ Рады ни повѣты, ни вдовъ, ни пановъ, ни князей. Какимъ же образомъ г. Вольфъ рѣшился напечатать документъ съ такимъ страннымъ составомъ великокняжеской Рады?

Для отвѣта намъ необходимо ближе познакомить читателя съ тѣмъ документомъ, на который ссылается г. Вольфъ.

Дѣйствительно, въ актовой книгѣ „Публичныхъ дѣлъ“ Метрики Литовской, на оборотѣ мы встрѣчаемъ документъ съ заголовкомъ: „Титулы пановъ радъ ихъ милостей“.

Какой же смыслъ этого заголовка? Самый документъ не находится въ связи ни съ предыдущимъ, ни съ послѣдующимъ документомъ, нѣтъ въ немъ ни обозначенія мѣста выдачи его, ни числа,—а за приведеннымъ заголовкомъ начинается текстъ слѣдующаго содержанія: *князю Валеріану, бискупу виленскому, князю Юрію Юревичу Слуцкому* и т. д. 17 титуловъ разныхъ лицъ съ обозначеніемъ именъ, отчествъ и фамилій въ дательномъ падежѣ.

Затѣмъ—новый заголовокъ: „*Каштеляны*“, и снова списокъ лицъ въ дательномъ падежѣ.

Далѣе другіе заголовки: „*врадники земскіе и дворные*“, „*маршалки*“, „*до старостъ и державцъ*“, „*до Жомоити*“, „*повѣты*“, „*до княжатъ и панятъ*“, „*до вдовъ*“, сопровождаемые каждый спискомъ лицъ въ дательномъ падежѣ.

Такое содержаніе документа заставляетъ предполагать, что мы имѣемъ передъ собою *не исчисленіе членовъ Рады в. княжества литовскаго*, а нѣчто иное.

Для выясненія истинной природы этого документа нѣтъ надобности ходить слишкомъ далеко. Въ той же книгѣ на листѣ 47 мы встрѣчаемъ подобный же заголовокъ: „*Титулы тивуновъ Жомоитскихъ*“, и затѣмъ слѣдуетъ перечисленіе тивуновъ съ обозначеніемъ ихъ имени, отчества, фамиліи и званія, напр. князь, или же должности, напр., державца, и т. д.

Документъ на 47 листѣ находится въ прямой связи съ слѣдующимъ за нимъ документомъ, въ которомъ говорится о посылкѣ окладныхъ листовъ („листовъ поборовыхъ“) къ жмудскимъ тивунамъ.

Въ XIX книгѣ „Записей“ f. 258, мы встрѣчаемся съ совершенно такимъ же документомъ: князья, паны, воеводы, повѣты, слѣдуютъ одни за другими въ дательномъ падежѣ.

А въ заглавіи документа говорится: „*Листы по всему Королевству* (sic) *на войну противъ Московскаго царя*. На первѣй, Салтановичъ повезъ ихъ: до Мѣдникъ, до Ошмены и т. д., до Кнегини Мстиславское, до пана воеводы виленскаго“, и т. д.

Раскроемъ теперь любой изъ универсаловъ в. князя Сигизмунда Августа, и мы встрѣтимся со всѣми только что упомянутыми разрядами.

Отсюда, кажется, ясно, что приведенный г. Вольфомъ документъ есть ничто иное, какъ списокъ лицъ и мѣстъ, которымъ нужно было адрессовать какіе либо окружныя посланія. Что документъ съ заглавіемъ „Титулы пановъ Радъ“ не можетъ считаться спискомъ членовъ государственнаго совѣта в. княжества литовскаго, это чувствуетъ смутно и самъ г. Вольфъ: онъ не только не приводитъ послѣдняго заголовка документа, но точно также устраняетъ изъ состава Рады не только повѣты, тивуновъ, князей, но даже старостъ (за исключеніемъ двухъ) и державцевъ.

На чемъ основано это исключеніе, г. Вольфъ не говоритъ, но что въ противность приведенному имъ документу—это всякому очевидно. Однако на основаніи именно этого документа построено все сочиненіе г. Вольфа: однѣ должности отнесены къ государственнымъ, другія—къ придворнымъ.

Между тѣмъ для опредѣленія состава Рады в. княжества литовскаго имѣется цѣлый рядъ печатныхъ уже документовъ.

Мы приведемъ нѣсколько данныхъ и притомъ лишь изъ документовъ XVI вѣка.

Въ 1506 году въ земской привилегіи Сигизмунда I въ *числѣ пановъ Радъ* мы видимъ *державцу* меречскаго и *державцу* ясвоинскаго.

Подъ 1509 годомъ въ составѣ Рады мы видимъ *старосту городенскаго* Станислава Петровича.

Подъ 1510 годомъ въ составѣ Рады находится *намѣстникъ* мельницкій.

Въ 1517 году мы встрѣчаемъ серебщизну (подать), опредѣленную для *пановъ Радъ*, которые перечислены слѣдующимъ образомъ: *бискупъ виленскій, бискупъ луцкій, бискупъ жомаитскій, панъ (каштелянъ) виленскій, гетманъ, воевода троцкій, маршалокъ великій, староста городенскій, воевода новгородскій, воевода полоцкій, маршалокъ дворный, воевода подляшскій, конюшій дворный.*

Подъ 1528—1529 годами мы имѣемъ королевское посланіе къ панамъ радамъ о представленіи ими жалованныхъ грамотъ, привилегій и т. д. Въ составѣ Рады мы находимъ *подкоморія, конюшаго.*

Для занимающаго насъ вопроса въ особенности характеренъ документъ отъ 1563 года іюня 7-го. Здѣсь, сверхъ католическихъ епископовъ, воеводъ, каштеляновъ и иныхъ обычныхъ, членовъ Рады, мы видимъ *старосту житомірскаго, конюшаго дворнаго, писаря и конюшаго городенскаго, писаря державцу марковскаго и мядъльскаго,*—но этого мало: приводимый нами актъ заключается слѣдующимъ образомъ: „И иные панове, маршалки, *старосты* и *врядники наши*, земскіе и дворные“.

1) Князь Янъ, бискупъ виленскій [1]), 2) князь Павелъ, бискупъ луцкій и берестейскій, 3) князь Николай, бискупъ жомоитскій, 4) Кгаштолтъ, воевода виленскій, 5) князь Костентинъ, воевода троцкій, 6) панъ виленскій (Юр. Мик. Радивилъ) [2]) 7) Янъ Яновичъ Заберезинскій маршалокъ земскій, державца марковскій, ошменскій и довкговскій [3]), воевода новгородскій, 8) Стан. Станиславовичъ (Яновичъ) п. троцкій, староста жомоитскій, 9) п. воевода кіевскій (Андр. Якубовичъ Немировичъ [4]), 10) п. Григорій (Григор.) Остыковичъ (крайчій) [5]), 11) п. Юрій Григоревичъ, воеводичъ троцкій (державца оникштенскій) [6]), воевода витебскій, маршалокъ, державца мстиславскій и радуньскій [7]), 12) п. Янъ Юревичъ Глѣбовичъ, 13) п. Янъ Миколаевичъ (Радивилъ) *подчашій* господарскій, 14) п. Станиславъ Миколаевичъ, *державца* пенепскій, 15) п. Александръ Ивановичъ Ходкевичъ (*староста* берестейскій), 16) п. Иванъ Андреевичъ, подскарбій дворный, 17) п. Александръ Салтановичъ (маршалокъ), 19) п. Миколай Миколаевичъ Кгесгайловича, 20) п. Матѣй Охмистровичъ (маршалокъ господарскій, староста волковыйскій) [8]), 21) панъ Богданъ Мартыновичъ Хребтовича (дворанинъ господарскій) [9]), 22) п. Василій Богдановичъ Чижъ, *конюшій* дворный, 23) п. Якубъ Михайловичъ Монтовтовича (воеводичъ троцкій), 24) панъ Павелъ Ивановичъ Сопѣга (мечный?), 25) п. Янъ Стецковичъ Цыбулька (маршалокъ господарскій, державца меньскій [10]), 26) п. Венцлавъ (Япушъ?) Костевичъ (воевода подляшскій, маршалокъ, державца

---

[1]) Державца житомірскій, съ 18 сентября 1525 г. Ср. Метр. Лит., Зап., XIII, 270.

[2]) Наши Документы и регесты, т. I, № 125.

[3]) М. Л., Зап. XIII, 382, отъ 1528 г., мая 1.

[4]) Ibidem, Зап. XV, 70.

[5]) Ibidem, Зап. XIV, 299 (b), отъ 27 мая 1527 г.

[6]) М. Л. Зап. XII, 390, отъ 1528 г.

[7]) Записи Метр. Лит. XII, 358, отъ 1527 г.

[8]) *Бершадскій*, Док. и рег., т. I №№ 120 и 121, отъ 1527 г. декабрь.

[9]) М. Л. Зап. XII, 336 „дворанинъ Нашъ“ говоритъ король и в. князь, отъ 17 іюля 1528 г. Жена Бг. Хребтовича—княжна Горская. Обоимъ имъ король подтверждаетъ рядъ имѣній. ibid. 391 (b), отъ 20 іюня 1528.

[10]) Ibid., Зап. XIV, 195, отъ 1524, окт. 29.

ожскій и переломскій)[1]), 27) п. Юрій Немировичъ (маршалокъ дворный)[2]), 28) п. Миколай Немировичъ, 29) п. Станиславъ Щитъ[3]), 30) п. Миколай Пацевичъ (подкоморій)[4]), 31) п. Янъ Юревичъ (Илиничъ, державца мстиславскій[5]), 32) п. Иванъ Михайловичъ, староста пинскій, 33) п. Скопъ (Станиславъ Якубовичъ, писарь латинскій, державца скерстомоньскій и тендзинскій), 34) п. Петръ Станиславовичъ, воевода полоцкій[6]), 35) панъ Станиславъ Иличъ (старостичъ берестейскій), 36) п. Богужъ Боговитиновичъ, подскарбій земскій, 37) п. Копоть Васильевичъ (маршалокъ и писарь, державца жижморскій), 38) п. Ивашко Горностай (маршалокъ, намѣстникъ дорсунишскій), 39) п. Петръ Громыка (писарь, ключникъ виленскій, намѣстникъ свислоцкій), 40) п. Павелъ Нарушевичъ (писарь господарскій)[7]).

Затѣмъ въ нашемъ документѣ идетъ заголовокъ: „Второго реестру справа“, а за нимъ перечисленіе различныхъ незначительныхъ должностныхъ лицъ, въ родѣ, напр., Михаила Халецкаго державцы вруцкаго, Льва Чижевича, маршалка *пана старосты городенскаго*, ожаровскаго, *намѣстника* князя бискупа виленскаго, Станислава Довойновича, коморника королевы, доктора Чиса, и цѣлаго ряда дворянъ государевыхъ.

Въ общемъ оглавленіи нашего документа оба эти заголовка соединены въ одно цѣлое подъ слѣдующимъ титуломъ: „*Почотъ*

---

[1]) Ibid., XIV Зап., 54, отъ 8 марта 1524 г.

[2]) Ibid., Зап., XII, 101 (b). По челобитью державцы Любошанскаго п. Юрья Немировича даетъ ему маршальство, „которое отъ насъ держалъ старостичъ жомоитскій п. Миколай Станиславовичъ“ въ Краковѣ, 1523 года, іюня 18. „Маетъ онъ въ томъ врядѣ будучи на дворѣ Нашомъ Господарскомъ справовати какъ иншіи маршалки“.

[3]) Ibid., Зап. XV, 31. „Панъ Станиславъ Щитъ, а братъ его Миколай Щитъ—маршалокъ“; отъ 1526 г.

[4]) Ibid. Зап., XII, 364.

[5]) М. Л. Зап. XII, 397, отъ 15 авг. 1528, въ Вильно. Ему же снова грамота на державу мстиславльскую и радомильскую 15 авг. 1528 г., вл. и держава мстиславская дана и со всими дворы и фольварки *того замку нашого* и съ корчмою и присудили (sic), кромъ дани медовое и грошовое.

[6]) Док. и регесты т. I, № 129. Ср. М. Л. Зап. XV, 69 (b), отъ 1529 (?) г., гдѣ Петр. Стопъ названъ воеводою полоцкимъ, старостою дорогобузскимъ.

[7]) М. Л. Зап. XII, 180, отъ 1524 г., іюля 4, также Зап. XIV, 50 (b).

пановъ Радъ ихъ милости и врядниковъ, также дворянъ Господарскихъ и нѣкоторое шляхты значнѣйшое". Затѣмъ, въ оригиналѣ слѣдуетъ: „То реестръ почтовъ княжецкихъ" (?) „Реестръ сумы паней и вдовъ *воеводиныхъ и старостоныхъ*, многихъ княжнъ и паней" (f. 7). „Повинность ѣхати на службу военную нѣкоторое шляхты, повѣтъ виленскій, повѣтъ троцкій, татарове, воеводство подляшское, Волынь, земля Жомоитская".

Во всѣхъ этихъ спискахъ, дающихъ намъ *всю* наличную шляхту в. княжества литовскаго, мы не видимъ государственныхъ сановниковъ въ рядахъ мѣстной шляхты. Только на Волыни встрѣчаемъ двухъ старостъ луцкаго и володимерскаго, да *вновь* записанъ подскарбій земскій Богушъ Боговитиновичъ.

А такъ какъ законъ, въ силу котораго появился цитируемый нами документъ былъ изданъ по случаю войны, перечисленіе же шляхты сдѣлано на основаніи земскихъ книгъ и „каждый князь и панъ зъ большихъ становъ и до меншихъ на имя описаны суть", то понятно, что иныхъ государственныхъ сановниковъ, кромѣ обозначенныхъ въ приведенномъ выше „почтѣ пановъ Радъ, ихъ милостей", не было и не могло быть.

Поэтому мы вправѣ утверждать, что въ приведенномъ нами спискѣ поименованы всѣ паны Рады.

Только что приведенный списокъ членовъ Рады в. княжества литовскаго не включаетъ въ себѣ ни князей, ни повѣтовъ, ни пановъ, вообще, ни вдовъ; но взамѣнъ ихъ мы найдемъ въ этомъ спискѣ много такихъ лицъ, которыхъ г. Вольфъ почему то не удостоиваетъ помѣстить въ число членовъ Рады, между тѣмъ какъ они несомнѣнно были таковыми.

Прежде всего католическіе епископы (бискупы).

Г. Вольфъ не признаетъ ихъ, въ противность собственному же документу, членами Рады, такъ какъ списокъ сенаторовъ начинаетъ прямо съ воеводъ.

Но почему же такая обида бискупамъ?

Мы видимъ, что католическіе епископы засѣдаютъ вмѣстѣ съ прочими членами Рады на сеймахъ, и при томъ на первомъ мѣстѣ; наравнѣ съ другими участвуютъ въ пограничныхъ коммиссіяхъ,—разбираютъ по порученію в. князя совершенно свѣт-

скія дѣла. Мало того, бискупы наравнѣ съ прочими членами Рады получаютъ отъ в. князя староства и управляютъ ими. Объясняются эти факты тѣмъ обстоятельствомъ, что многіе бискупы происходили отъ знатныхъ литовскихъ фамилій и весьма часто до принятія духовнаго сана занимали болѣе или менѣе выдающіяся государственныя должности, такъ напр. Вежкгойло, Фальчевскій, Нарушевичъ и т. д.

Помимо этихъ важнѣйшихъ сановниковъ, г. Вольфъ исключилъ также совершенно произвольно изъ числа членовъ Рады Гедеминовичей—князей Слуцкихъ и князей Вишневецкихъ. По крайности, о нихъ, какъ членахъ Рады, мы не встрѣчаемъ въ книгѣ г. Вольфа ни слова.

Также неосновательно исключены имъ старосты и державцы главнѣйшихъ в. княжескихъ волостей, писаря и затѣмъ придворные чины: маршалки, подкоморій, крайчій, мечникъ, конюшій.

Правда, у г. Вольфа трудно понять, кто принадлежитъ къ Радѣ и кто нѣтъ.

Придворныхъ чиновъ мы встрѣчаемъ подъ названіемъ сановники (dignitarze) и далѣе г. Вольфъ говоритъ, что они принадлежали къ Радѣ, но если такъ, то спрашивается: что же значитъ выдѣленіе въ особый *сенаторскій* отдѣлъ; воеводъ, каштеляновъ и министровъ (!).

Но допустимъ, что придворные чины присчитаны къ Радѣ; спрашивается, куда же исчезли изъ Рады паны, князья, тивуны жмудскіе и повѣты? Почему они исключены изъ числа членовъ Рады?

Изъ всего нами сказаннаго, кажется, совершенно ясно, что обширный трудъ г. Вольфа не имѣетъ, по крайности для времени до Люблинской уніи, никакого твердаго отправнаго пункта.

Поэтому, въ противность увѣреніямъ г. В., что литовскій сенатъ (?) сложился въ промежутокъ между первою уніей въ Городлѣ и окончательной уніей въ Люблинѣ (стр. 2), мы имѣемъ полное основаніе утверждать, что если литовскій сенатъ и сложился въ указанное время, то составъ этого сената остался совершенно неизвѣстенъ г. Вольфу.

Если такимъ обр. составъ центральнаго государственнаго учрежденія г. В. неизвѣстенъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что и характеръ отдѣльныхъ государственныхъ должностей опредѣленъ г. В. также неудовлетворительно.

Возьмемъ для примѣра должность намѣстника:

На страницѣ 2 г. В. говоритъ: (около 1471 г.) „провинціями (?) управляютъ намѣстники, назначенные королемъ и независимые отъ воеводъ?“

Отлично.

Но что же разумѣетъ г. В. подъ провинціей?

Воеводство, староство, землю, повѣтъ?

Неизвѣстно.

Относительно же воеводъ мы встрѣчаемъ слѣдующее разъясненіе (стр. 7). Воеводы въ Литвѣ, учрежденные по образцу польскихъ [1]), являются *намѣстниками провинціи*, суть совѣтники короля и судьи. Неугодно ли понять послѣ этого, что такое намѣстникъ, что такое воевода? Съ одной стороны намѣстникъ независитъ отъ воеводы, съ другой—воевода есть самъ намѣстникъ!

Возьмемъ другой примѣръ.

„Великій маршалокъ, говоритъ г. В., былъ не только министромъ двора, но еще министромъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, потому что стоялъ во главѣ правосудія и администраціи страны.“

Приведенное только что опредѣленіе стоитъ въ такомъ рѣшительномъ противорѣчіи со всѣмъ, что извѣстно о внутреннемъ устройствѣ Литвы, что остается только пожалѣть, что г. В. не привелъ, хотя бы изъ Метрики Литовской, которая ему такъ прекрасно извѣстна, тѣхъ документовъ, на основаніи которыхъ построено опредѣленіе имъ обязанности маршалка земскаго. Это было бы, въ высшей степени поучительно!

Насколько намъ извѣстно, управленіе Литвы въ XV и XVI в. отличалось самою широкою децентрализаціею. Единственнымъ центральнымъ органомъ управленія для всей Литвы служили время отъ времени происходившія засѣданія Рады. *По-*

[1]) Почему польскихъ? Развѣ древняя Русь не знала воеводъ?

стоянныхъ же органовъ центральнаго управленія вовсе не существовало. Всякая земля, входившая въ составъ в. княжества литовскаго, управлялась своими мѣстными властями, на основаніи жалованныхъ грамотъ и мѣстныхъ земскихъ обычаевъ, различныхъ для Волыни, Жмуди, Полоцка и т. д.

Поэтому въ литовскомъ государственномъ организмѣ этого времени совершенно напрасно было бы искать чего либо сходнаго съ началами министерскаго управленія.

Но если даже допустить, что въ Литвѣ до Люблинской уніи существовали министры, то спрашивается, какого рода функціи маршалка земскаго даже въ самой отдаленной степени могутъ быть приравнены къ функціямъ современныхъ министровъ внутреннихъ дѣлъ?

Мѣры внутренней безопасности, какъ напр. надзоръ за передвиженіемъ народонаселенія, за бѣглыми, подозрительными и лихими людьми, наблюденіе за безопасностію движенія по дорогамъ, охраненіе спокойствія и порядка въ населенныхъ мѣстностяхъ, предупрежденіе заразительныхъ болѣзней, пожаровъ и т. п., всѣ эти мѣры осуществлялись самостоятельною дѣятельностію мѣстныхъ властей: воеводъ, старостъ, войтовъ, старцевъ, десятниковъ, подорожниковъ, выводныхъ и т. д.

Мѣры внутренняго благосостоянія, насколько они сознавались въ XVI в. осуществлялись точно также отчасти мѣстными властями, отчасти заботами церкви и частныхъ союзовъ, въ родѣ братствъ, цеховъ и т. д. Устройство и содержаніе школъ, больницъ, богадѣленъ, гостинныхъ дворовъ, складочныхъ мѣстъ, рынковъ, мостовъ, перевозовъ, организація призрѣнія бѣдныхъ и т. д.— все это совершилось по почину мѣстности безъ всякаго вмѣшательства и контроля какихъ бы то ни было административныхъ органовъ государственной власти.

Въ этомъ отсутствіи публичнаго элемента можно видѣть недостатокъ, но отвергать существованіе именно такого порядка вещей, на нашъ взглядъ, совершенно невозможно.

Если великій маршалокъ не былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, то равнымъ образомъ онъ не могъ быть и министромъ юстиціи.

Правда, на маршалкѣ великомъ и на маршалкѣ дворномъ лежали опредѣленныя судебныя функціи, но съ этой стороны они обое могутъ быть приравнены никакъ не къ министрамъ, а всего скорѣе къ англійскимъ путешествующимъ судьямъ или же къ missi dominici Каролинговъ.

До установленія въ 30 гг. XVI в. ежегодныхъ засѣданій Рады въ опредѣленные сроки, съ спеціальною цѣлью ревизіи вершонныхъ дѣлъ и рѣшенія въ первой инстанціи дѣлъ тѣхъ особъ, „которые въ повѣтахъ не судятся“, маршалки, съ особою коммиссіею, разрѣшали всѣ только что указанныя дѣла, путешествуя изъ одного мѣста Литвы въ другое [1]).

Если обязанности маршалка *дворнаго* и подходятъ нѣсколько къ положенію и обязанностямъ современныхъ *министровъ двора*, то все таки мы не видимъ изъ сочиненія г. В., въ чемъ и на сколько существовало такое сходство. И съ этой стороны мы видимъ ничѣмъ недоказанныя утвержденія. Между тѣмъ изъ актовыхъ книгъ Метрики можно было бы указать, что маршалкамъ дворнымъ принадлежало *право* присутствовать при отчетахъ управляющихъ дворцовыми имѣніями, право и обязанность предводительствовать в. княжескими дворянами и т. п.

Но если, какъ мы видѣли, опредѣленіе должности маршалка великаго не удалось г. Вольфу, то быть можетъ ему удается опредѣлить точнѣе обязанности маршалка дворнаго и вообще выяснить значеніе этой должности въ литовскомъ государственномъ строѣ.

---

[1]) Не имѣя возможности входить здѣсь въ подробности, приведемъ одинъ образчикъ состава такой коммиссіи: по жалобѣ могилевской волости, король Сигизмундъ I іюля 1, 1536 г. распоряжается для разбора претензій: „З рамени Нашого Господарского казали того межи ними досмотрѣти комиссарамъ нашимъ, которые при дворѣ нашомъ судятъ: *Маршалку* Нашому Князю Андрею Михайловичу Коширскому, Конюшому дворному и держ. Кричовскому и Ахинскому и Вел. Бгд. *Чижу, тивуну Виленскому*, держ. Ушп. Пенялъ и Радун. *Ш. Мацковичу, Городничому Городенскому* князю Одинцевичу и Секретарю Нашому латинскому, державцы Скертомольскому и. *Павлу Нарушевичу*“. Эта коммиссія сопровождала короля въ его путешествіи по Литвѣ.—Достаточно раскрыть для примѣра М. Л. Суд. Д. кн. III, чтобы на каждой страницѣ встрѣтить маршалка земскаго (великого) Яна Миколаевича, судящаго то въ Вильнѣ (f. 129), то въ Полоцкѣ (130 b), Слонимѣ (134), Брестѣ (1 b) и т. д.

„Маршалки надворные, потомъ (?) дворные", говоритъ г. Вольфъ, „первоначально были частными министрами (ministrami priwatnemi) и начальниками иныхъ придворныхъ чиновъ. Впослѣдствіи (sic) маршалокъ дворный сталъ замѣстителемъ маршалка великаго".

Существовали еще иные маршалки: „маршалки двора или дворскіе, по польски королевскіе, или его королевской милости, по русски господарскіе, а обыкновенно называвшіеся просто маршалками,—до учрежденія королемъ Александромъ спеціальныхъ (właściwych) маршалковъ надворныхъ исполняли ихъ обязанности. Въ это время они были частными министрами государя и начальниками придворнаго штата. Послѣ учрежденія маршалковства дворнаго титулъ маршалка сдѣлался только (?) почетнымъ, не соединяющимъ съ собою никакихъ правъ. Однако (!) до самой уніи 1569 г. эти маршалки имѣли право засѣдать въ Радѣ в. княжества; а въ служебной іерархіи маршалки шли сейчасъ же за земскими и придворными чинами, но выше старостъ и державцевъ".

Итакъ, со времени короля Александра, т. е. съ 1501 г. появляется должность особаго маршалка надворнаго или дворнаго, строго отличаемая г. В. отъ должности маршалковъ двора или дворныхъ? Прекрасно. Но какимъ же образомъ Гр. Ст. Остыковичъ становится маршалкомъ дворнымъ уже въ 1494, т. е. когда Александръ Ягеллонъ былъ всего только в. княземъ литовскимъ? Далѣе. По словамъ самого же г. В. должность маршалка дворнаго была выше должности просто маршалка, такъ что если бы кто либо занималъ эту должность, то обращеніе его въ маршалки, безъ титула, было бы, такъ сказать, разжалованіемъ. По собственнымъ же словамъ г. В., Г. С. Остыковичъ „Маршалокъ господарскій, намѣстникъ Оникштенскій, *назначенъ* маршалкомъ дворнымъ въ іюлѣ 1494 г." „1494 г. іюня 29 онъ только маршалокъ, а 16 іюля 1494 г. маршалокъ дворный".—Все это совершенно согласно съ источниками. Но какъ объяснитъ г. Вольфъ слѣдующее свидѣтельство актовъ: іюня 14, года 1494 (Зап. V, 18) Гр. С. Остыковичъ бьетъ в. князю челомъ, какъ *маршалокъ дворный*, а 1496 г. ноября 12 (З. VI, 88) тотъ же Г. С. Осты-

ковичъ титулуется снова просто *маршалкомъ*? Не слѣдуетъ ли заключить отсюда, что различія между маршалками дворными и просто маршалками вовсе не существовало? Иначе, какъ объяснить, что Остыковичъ 14 іюня маршалокъ дворный, 29 іюня того же года—*просто* маршалокъ, 16 іюля снова маршалокъ дворный, а черезъ два года опять *просто* маршалокъ?

Не будемъ останавливаться на непонятномъ для насъ опредѣленіи „частный министръ", такое сочетаніе словъ, по нашему мнѣнію, невозможно, т. к. есть contradictio in adjecto. Но предположимъ, что даже были такіе частные министры, то все таки спрашивается, какимъ образомъ въ то время, когда эта должность, по словамъ самого г. В., не была еще просто титулярною, напр. при королѣ Казимирѣ Ягеллонѣ, существовало заразъ четыре маршалка?

Намъ кажется, что и въ теченіи всего времени до Люблинской уніи должность маршалка не была простымъ титуломъ, что не говоря о весьма важномъ правѣ засѣдать въ Радѣ в. княжества литовскаго, на маршалкахъ лежали еще и иныя весьма существенныя и не титулярныя только обязанности.

Но объ этомъ въ другой разъ.

Вообще нельзя не замѣтить, что г. Вольфъ весьма охотно переноситъ на Литву XVI вѣка представленія, которыя были бы умѣстны только для Польши того времени.

Такъ напр., предполагая совершенно основательно, что уже въ началѣ XVI в. принятіе еврея, хотя бы и католика, въ среду польскаго сената дѣло почти невозможное, г. В. думаетъ, что подобнаго же рода трудности существовали и въ Литвѣ.

„Метрика Литовская, говоритъ г. В. (стр. 21), не сохранила намъ акта о назначеніи Аврама въ должность подскарбія земскаго, а современные источники *упорно* молчатъ не только о подробностяхъ событій (?!), которыя д. б. сопутствовать этому назначенію, но *какъ бы умышленно* не дѣлаютъ упоминанія и о самомъ Аврамѣ Езофовичѣ (?) Во всякомъ случаѣ это назначеніе не могло быть хорошо принято панами и ему *несомнѣнно сопутствовали* энергическіе протесты съ ихъ стороны". На чемъ основываетъ г. Вольфъ свои слова мы не знаемъ, ника-

кихъ актовъ изъ Метрики въ подтвержденіе ихъ онъ не приводитъ.

Мы же беремъ на себя смѣлость утверждать, что всѣ эти соображенія и предположенія г. Вольфа не только голословны, но стоятъ въ совершенномъ противорѣчіи съ данными Метрики Литовской.

Что въ Метрикѣ не сохранилось акта о возведеніи Авр. Езофовича въ должность подскарбія в. княжества литовскаго, этому, мы полагаемъ, менѣе всѣхъ долженъ удивляться г. Вольфъ, такъ какъ въ его же спеціальномъ трудѣ о сенаторахъ и сановникахъ литовскихъ мы не видимъ, чтобы такого рода акты сохранились не только для предшественниковъ Аврама Езофовича, но и для цѣлаго ряда его преемниковъ.

Акты Метрики Литовской не сохранили, напр., назначеній въ должность ни Богуша Боговитиновича, ни Ивана Горностая, ни Остафія Богдановича Воловича. Неужели же и противъ нихъ имѣла что нибудь Метрика Литовская?

Мы не знаемъ, о какихъ современныхъ Аврааму Езофовичу актахъ говоритъ г. Вольфъ, но извѣстные намъ источники литовской исторіи, въ родѣ лѣтописцевъ, скудны свѣдѣніями о многихъ и гораздо болѣе важныхъ событіяхъ, чѣмъ назначеніе въ должность того или инаго подскарбія.

Можемъ ли мы, напр., сказать съ точностью, каковъ былъ характеръ религіозныхъ притѣсненій короля Александра Литовской Руси, на которыя ссылаются отъѣзжающіе въ Москву князья?

Каковы были ближайшія причины бунта князя Михаила Глинскаго, каково было отношеніе къ нему народонаселенія и т. д.?

Если объ этомъ молчатъ лѣтописцы, то что же удивительнаго, что они не вѣдаютъ объ Аврамѣ Езофовичѣ?

Для насъ также совершенно не понятны предположенія г. В. о непремѣнной враждебности къ Аврааму Езофовичу членовъ Рады в. княжества литовскаго.

Обращаясь къ актамъ, мы, напротивъ, видимъ, что отношенія выдающихся членовъ Рады къ Аврааму Езофовичу какъ до

возведенія его въ должность подскарбія, такъ и послѣ этого событія были дружественныя; напр., въ 1506 г. *первый членъ Рады виленскій католическій епископъ Войтехъ* ходатайствуетъ передъ в. княземъ, чтобы онъ „не рушилъ“ Аврама Езофовича съ откупа, обѣщаннаго ему королемъ Александромъ.

Въ 1509 г. другой магнатъ—воевода трокскій Николай Николаевичъ Радивилъ ходатайствуетъ у короля объ оказаніи Авраму Езофовичу какой либо милости. „Абыхмо, говоритъ король, чимъ его смотрѣли и пожаловали“.

Вскорѣ по вступленіи своемъ въ должность подскарбія, Аврамъ Езофовичъ настолько сближается съ однимъ изъ могущественнѣйшихъ магнатовъ Литвы, Юріемъ Ивановичемъ Илиничемъ, старостою берестейскимъ, что этотъ послѣдній просватываетъ свою дочь за сына Аврама Езофовича.

Наконецъ, первое лицо въ Литвѣ послѣ в. князя, знаменитый Ольбрахтъ Мартиновичъ Гаштолтъ соглашается быть душеприкащикомъ Аврама Езофовича.

Трудно допустить, чтобы враждебныя отношенія, энергическіе протесты могли бы въ какіе либо 7—8 лѣтъ обратиться въ дружественныя и даже родственныя.

Трудно предположить подобную перемѣну, потому что вообще отношенія между членами Рады далеко не были пріязненными.

Враждуютъ старѣйшіе члены Рады между собою и въ то же время непріязненно косятся на младшихъ.

Въ 1517 г., напр., О. М. Гаштолтъ, воевода трокскій, заявляетъ в. князю, что въ виду своей жестокой ссоры („мерзячки“) съ воеводою виленскимъ, канцлеромъ в. княжества литовскаго Н. Н. Радивиломъ, онъ опасается („не безпеченъ“) посѣщать засѣданія Рады.

Король для обезпеченія жизни и здоровья своихъ поссорившихся совѣтниковъ назначаетъ штрафъ въ 20,000 копъ литовскихъ грошей (около 1,500,100 руб.) на того изъ нихъ, кто осмѣлится позволить себѣ по отношенію къ противнику какія либо насильственныя дѣйствія.

Эти враждебныя отношенія между членами Рады не только носили хроническій характеръ, но подчасъ выражались въ крайне

непривлекательныхъ формахъ. Такъ напр. [1]), князь Михаилъ Глинскій жалуется королю Александру, что Янъ Заберезинскій, воевода трокскій, подкупаетъ дворянина королевскаго Коликрайтера „нашедши часъ подобный, забить“ его, Глинскаго.

Поэтому в. князю не только приходится постоянно возвышать „заруку“, но и грозить непослушнымъ смертною казнію, если бы они, полагаясь на незначительность своего имѣнія сравнительно съ цифрою назначеннаго штрафа, дерзнули бы нарушить повелѣніе в. князя [2]).

Обыкновенно же в. князь предпочиталъ отдавать на время своего отсутствія изъ Литвы слабѣйшихъ членовъ Рады подъ покровительство сильнѣйшихъ, какъ это, напр., мы видимъ въ 1536 г. окт. 29, когда король и в. князь Сигизмундъ I, уѣзжая въ Польшу, отдаетъ подъ покровительство Яна Заберезинскаго, воеводы виленскаго, никого инаго, какъ одного изъ ближайшихъ преемниковъ Аврама Езофовича, а именно подскарбія земскаго Ивана Горностая [3]).

Несмотря на усиливающееся въ Литвѣ вліяніе внѣшней цивилизаціи, сношенія между членами Рады долгое время сохраняютъ не только рѣзкій, но прямо безобразно грубый оттѣнокъ.

Мы видимъ, что за два года до Люблинской уніи тотъ же подскарбій земскій Ив. Горностай благодаритъ Іеронима Ходкевича за обѣщаніе ему помощи противъ п. виленскаго, который грозился Горностая „бить и за бороду рвать“.

Мы привели на выдержку лишь нѣсколько случайно попавшихся намъ фактовъ.

Очевидно, что если бы Аврама Езофовича встрѣтило враждебное настроеніе тѣхъ или иныхъ членовъ Рады, то, вѣроятно, сохранились бы въ Метрикѣ, хотя какіе нибудь, слѣды этой вражды; но ничего подобнаго, ни малѣйшаго намека мы не встрѣчаемъ въ актовыхъ книгахъ.

---

[1]) М. Л. Зап. VI, 459.

[2]) М. Л. CDII, 222. Такъ ли бы который, думаючи на малость имѣній своихъ, смѣлъ... напротивко уставы е. м. вчинити... король е. м. маеть имѣнемъ карати,... *„а достолы тое заруки на горлѣ выступного смотрѣти“*.

[3]) М. Л. Зап. XIX, 275.

Мы видимъ, напротивъ, что *сейчасъ же по вступленіи* въ должность, Аврамъ Езофовичъ подписывается вмѣстѣ съ другими членами Рады подъ болѣе важными документами, вмѣстѣ съ писаремъ контрассигнуетъ по предметамъ своего вѣдомства менѣе важныя распоряженія.

Видимъ его членомъ судебныхъ коммиссій; король даетъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ и иныя болѣе деликатныя порученія, какъ напр., въ 1517 г. поручаетъ ему уговорить вдову п. Литавора Хребтовича не препятствовать своей дочери вступить въ бракъ по ея свободному выбору и т. д.

Въ виду приведенныхъ нами фактовъ, едва ли нужны дальнѣйшія доказательства, что предположеніе г. Вольфа о враждебности къ Аврааму Езофовичу литовскихъ вельможъ ровно ни на чемъ не обосновано.

Если мы неправы, то предлагаемъ г. Вольфу доказать свои слова какими либо документами.

Разъ не было розни между Авр. Езофовичемъ и его сотоварищами по Радѣ, то и не было повода Аврааму Езофовичу оказывать королю Сигизмунду поддержку на Петроковскомъ сеймѣ, гдѣ, какъ утверждаетъ г. В., Аврамъ Езофовичъ „въ противуположность литовскимъ панамъ, стремившимся къ сепаратизму (sic), принялъ сторону короля“.

Утвержденіе это г. В. основываетъ на томъ обстоятельствѣ, что сейчасъ же по вступленіи Аврама Езофовича въ должность подскарбія, „на сеймѣ въ Петроковѣ постановлено (?), чтобы в. к. литовское и Пруссія участвовали совмѣстно съ Польшей въ податяхъ, установленныхъ для общаго блага или для такъ наз. Рѣчи Посполитой“.

Раскрываемъ Volumina legum, т. I, f. 366, на который ссылается г. Вольфъ.

Что же мы видимъ?

Буквально слѣдующее:

„*О присоединеніи Литвы и Пруссіи къ платежу коронныхъ податей*“.

„Такъ какъ признано всѣми, что соединенная сила бываетъ и значительнѣе и прочнѣе, чѣмъ раздѣленная; (то) *Мы* (т. е.

король) *объщаемъ позаботиться* (promittimus Nos operam daturos), чтобы в. княжество литовское и земли прусскія и иныя земли, лежащія въ границахъ королевства, были соединены во едино и, насколько то возможно будетъ въ дѣйствительности, чтобы всѣ сообща несли общія тягости, чтобы всѣми была принята одинаковая монетная единица, въ особенности же, *когда для всего этого устроимъ* для обоихъ названныхъ государствъ (Литвы и Пруссіи) общій сеймъ“ [1]).

Изъ текста, кажется, ясно видно, что дѣло идетъ не объ установленіи налоговъ, а лишь о королевскомъ обѣщаніи позаботиться о реальномъ соединеніи съ Польшей Литвы и Пруссіи. При чемъ же здѣсь могъ быть Аврамъ Езофовичъ, при чемъ сепаратизмъ пановъ литовскихъ? Гдѣ же усмотрѣлъ г. Вольфъ установленіе налоговъ, общихъ для всей „Рѣчи Посполитой“?

Тѣмъ болѣе приходитъ на умъ этотъ вопросъ, что *ни въ одномъ изъ постановленій Петроковскаго сейма 1510 г. нѣтъ и рѣчи о налогахъ.*

Въ виду этого нѣтъ, кажется, надобности останавливаться на психологической несообразности въ поведеніи Аврама Езофовича, несообразности, которая необходимо вытекаетъ изъ утвержденій г. Вольфа.

Черезъ мѣсяцъ послѣ назначенія въ должность, при самыхъ неблагопріятныхъ для него условіяхъ, при нерасположенности и т. д. членовъ Рады, Аврамъ Езофовичъ тѣмъ не менѣе становится самъ, по своей доброй волѣ, въ открыто враждебныя отношенія со всѣми или съ большинствомъ членовъ Рады.

---

[1]) V. l., т. I, f. 366. Constitutiones conventus Petrokoviensis 1510. *De uniendis Lithvaniae et Prussiae Terris, ad ferenda onera Regni.*

Cum compertum ab omnibus habeatur, quod virtus unita fortior solidiorque esse consvevit, ipsa divisa: promittimus Nos operam daturos, ut Mag. Ducatum Lithvaniae, Terrasque Prussiae, et alias terras in finibus Regni consistentes ad unionem redegamus; et quantum possibile factu erit, omnibus communia, communiter ferenda, simulac monetam aequalem communiter recipiendam imponemus: praesertim, dum Conventum utrisque Dominiis praefatis ob hoc percifiendum constituerimus.

Не слѣдуетъ ли искать причины такого яснаго недоразумѣнія въ томъ, что г. В. вмѣсто Volumina legum прибѣгнулъ къ Скарбцу г. Даниловича?

Помимо внутренней несообразности такого поступка, существуетъ еще одна важная причина, почему Аврамъ Езофовичъ не могъ оказывать поддержки королю на Петроковскомъ сеймѣ. Въ Петроковѣ въ 1510 г. происходило засѣданіе *польскаго*, а не литовскаго сейма.

Да къ тому же Аврамъ Езофовичъ находился не въ Петроковѣ, а въ Литвѣ, какъ въ этомъ можно убѣдиться изъ расходныхъ книгъ короля польскаго, в. князя литовскаго Сигизмунда I. Мы видимъ здѣсь, что ассигновки изъ Петрокова отъ февраля мѣсяца 1510 г. идутъ черезъ руки не Аврама Езофовича, а писаря Богухвала; но этого мало, самъ король упоминаетъ 29 ноября 1510 года, что Аврамъ Езофовичъ, *будучи подскарбіемъ*, пріѣхалъ къ нему въ Краковъ (изъ Литвы) только въ ноябрѣ мѣсяцѣ.

Третью главу своего этюда г. Вольфъ открываетъ слѣдующими словами: „Въ то время самыми знаменитыми евреями въ Литвѣ были три брата Езофовичи изъ Бреста: Абрагамъ, Михель и Айзакъ“.

Остановимся на этой небольшой фразѣ: что ни слово, то недоумѣніе! Прежде всего, о какомъ времени говоритъ г. Вольфъ? Что понимаетъ онъ подъ такимъ неопредѣленнымъ выраженіемъ, какъ „тогда“, „въ то время“?

Если г. В. говоритъ о времени до 1495 г., какъ можно предполагать изъ текста, то слова его невѣрны въ томъ отношеніи, что до 1495 г. акты Метрики Литовской ни разу не говорятъ о Михелѣ, одинъ разъ упоминаютъ объ Айзакѣ и два раза объ Аврамѣ, но во всѣхъ этихъ случаяхъ вскользь.

Знаменитѣйшими же евреями въ это время были совершенно иныя лица, какъ напр., Левонъ Шаломичъ [1]), Зубецъ, Симха Рабчикъ [2]), Содко и Шамонъ Даниловичи, Самодыка, Рижко [3]) Мордеча Гадаевичъ, Перко Юдиничъ [4]), Меровидъ и Израель [5]) и т. д.

[1]) Док. и рег. № 5, № 13.
[2]) Ibid. № 9.
[3]) Ibid. № 10, 13.
[4]) Idid. № 11.
[5]) Ibid. № 24.

Въ подтвержденіе своихъ словъ г. Вольфъ однако ссылается на документы изъ Метрики Литовской (т. е. правильнѣе „Док. и рег.“ № 60, 119 (b), 159) которые всѣ относятся не только къ XVI ст., но самый ранній изъ нихъ помѣченъ 1513 г.

Опираясь на эту ссылку, мы въ правѣ предположить, что г. Вольфъ подъ словами „въ то время“ понимаетъ XVI ст. и притомъ не ранѣе 1513 г.

Дѣйствительно, въ это время самыми богатыми евреями въ Литвѣ были братья Езофовичи изъ Бреста: Михель и Айзакъ.

Но Аврамъ Езофовичъ въ это время, т. е. въ 1513 г. былъ не только христіаниномъ, но подскарбіемъ земскимъ, членомъ Рады в. княжества литовскаго, поэтому зачислять его въ евреи едва ли правильно.

Не смущаясь нисколько, или, быть можетъ, и не подозрѣвая этихъ противорѣчій [3]), г. Вольфъ спокойно повѣствуетъ далѣе, что, по всей вѣроятности, (*еврей*) Аврамъ Езофовичъ до катастрофы 1495 г. занималъ должность ковенскаго городничаго и что декретъ объ изгнаніи евреевъ заставилъ его явиться въ Вильно для представленія отчетовъ съ имѣній (dzierżow) (!?), которыя находились у него въ рукахъ.

Болѣе мы ничего и не узнаемъ объ Аврамѣ Езофовичѣ до 1506 г., такъ какъ, по словамъ г. Вольфа, и въ современныхъ источникахъ мы совершенно не встрѣчаемъ слѣдовъ его дѣятельности въ теченіи *послѣдующихъ 10 лѣтъ*.

Вотъ какъ скупа Метрика для Аврама Езофовича! Между тѣмъ, если бы г. Вольфъ потрудился внимательнѣе изучить *только изданные нами документы*, хотя бы даже за то время,

---

[3]) Любопытно однако то обстоятельство, что, приводя документы изъ Метрики, г. Вольфъ на этотъ разъ, въ противность своему обыкновенію, не указываетъ дать, между тѣмъ какъ обозначеніе года этихъ документовъ сразу показало бы читателю то время, о которомъ говоритъ г. Вольфъ. Мы пополнимъ этотъ пробѣлъ и приведемъ время документовъ въ той послѣдовательности, какъ документы помѣщены у г. Вольфа.

Г. Вольфъ: *№ 7, f. 585* (Д. и р. № 60) отъ 27 февр. *1514 г.*; *№ 12, f. 365* (Д. и р. № 119) отъ 7 авг. *1527 г.*; *№ 15, f. 109* (Д. и р. № 69) отъ 28 сент. *1519 г.*; *№ 17, f. 454* (Д. и рег. № 159) отъ декабря *1535 г.*

для котораго онъ ими пользовался, то не только братья Езофовичи не стали бы самыми извѣстными евреями конца XV столѣтія, но и біографія Аврама Езофовича могла бы получить гораздо большую точность и опредѣленность.

Что же касается молчанія Метрики о жизни Аврама Езофовича въ теченіи 10 лѣтъ съ 1495 г., то объ этомъ ниже.

II.

Біографія Аврама Езофовича на основаніи документовъ Метрики Литовской.—Рабей или Рабчикъ, отецъ Аврама Езофовича и Симха—дядя Аврама.—Занятія Рабея и Симхи въ Кіевѣ, Луцкѣ и Брестѣ.—Сыновья Рабея.—Первое появленіе Аврама Езофовича въ актовыхъ книгахъ Метрики Литовской.—Значеніе присловья „жидъ“ въ началѣ XVI в.—Аврамъ Езофовичъ—христіанинъ. — Примѣры перехода евреевъ въ православіе въ XVI в.—Кіевская область въ концѣ XV ст. и вырабатываемые ею типы.—Служебное положеніе Аврама Езофовича въ царствованіе короля Казиміра.—Аврамъ Езофовичъ—городничій ковенскій.—Существенныя черты должности городничаго: его обязанности, какъ строителя крѣпости, финансоваго чиновника и коменданта.—Спеціальныя требованія отъ ковенскаго городничаго въ концѣ XIV в.—Аврамъ Езофовичъ въ Смоленскѣ.—Защита имъ пограничныхъ крѣпостей отъ нападенія войскъ вел. князя московскаго.—Аврамъ Езофовичъ—войтъ минскій.—Управленіе Аврама Езофовича таможенными откупами.—Аврамъ Езофовичъ становится старостою смоленскимъ.—Характерныя черты этой должности въ Смоленскѣ.—Возведеніе Аврама Езофовича въ шляхетское званіе и пожалованіе ему помѣстья Войдуны.—Политическое положеніе Литвы въ концѣ XV в.—Уступки в. князей вотчинникамъ подъ вліяніемъ финансовыхъ затрудненій.—Военныя нужды государства.—Вступленіе новыхъ людей въ ряды литовской аристократіи.—Пожалованіе Авраму Езофовичу Волутиной горы и хутора Шейничи.—Размѣры этихъ пожалованій примѣнительно къ помѣстной единицѣ того времени, т. е. „службѣ“.—„Служба панцырная“ и „служба тяглая“.—Размѣры поземельнаго имущества Аврама Езофовича въ концѣ царствованія Александра Ягеллона.

Прежде чѣмъ приступить къ біографіи самого Аврама Езофовича, постараемся установить его происхожденіе.

Въ числѣ откупщиковъ таможенныхъ доходовъ при королѣ Казимірѣ Ягеллонѣ мы встрѣчаемъ подъ 1486—87 г. *мытника кіевскаго Рабчика*. Вмѣстѣ съ братомъ и товарищемъ своимъ

Симхою онъ получаетъ съ ключа (изъ доходовъ, собираемыхъ в. княжескимъ чиновникомъ—ключникомъ) 10 колодъ (ульевъ, кадей) прѣснаго меду [1]). До разоренія Кіева татарами въ 1482 г. Рабчикъ съ Симхою завѣдывали сборомъ пошлинъ на таможняхъ кіевской, вышегородской и житомирской [2]). Въ 1486 г. іюля 27 въ товариществѣ съ трокскими евреями Симха и Рабей или Рабчикъ берутъ на откупъ таможенныя пошлины и питейный откупъ въ Путивлѣ.

Разореніе Кіева потрясло на нѣкоторое время состояніе Рабея, такъ какъ онъ вмѣсто аренды первоклассной таможни, какою была кіевская, довольствуется небольшою таможенною заставой, да и ту получаетъ въ погашеніе стараго королевскаго долга въ 600 к. гр. [3]), какъ это видно изъ того обстоятельства, что старый товарищъ Симхи и Рабея—Огропъ, не принявшій участія въ этомъ откупѣ, получилъ отъ короля Казиміра особое обязательство на 260 копъ и 80 гр. Въ 1488 г. октября 29 мы видимъ Рабея вмѣстѣ съ племянникомъ своимъ Нисаномъ получающими *съ ключа Луцкаго* колоду меду прѣснаго, а іюня 2—телѣгу соли съ волами съ мыта *Луцкаго*. Въ слѣдующемъ году, іюля 2, Рабей снова получаетъ 2 колоды меду *въ Луцкѣ*. При всѣхъ этихъ дачахъ Рабей называется „старымъ мытникомъ кіевскимъ“, такъ что сомнѣнію въ тожествѣ Рабея и Рабчика не можетъ быть мѣста.

Мая 20-го 1489 г. король Казиміръ свелъ счеты со своими откупщиками кіевскими и путивльскими за три года.

Откупная сумма за это время простиралась до 3,950 к. гр., да сверхъ того по королевскимъ ассигновкамъ они выдали 324 к. гр.

Несмотря на то, что Рабей съ Нисаномъ взяли въ 1496 г. на откупъ только путивльскія пошлины и корчмы, а кіевскія

---

[1]) Документы и регесты къ исторіи лит. евреевъ, т. I, № 9.

[2]) Ibid. № 10.

[3]) Ibid. № 13.

отданы были другой компаніи, тѣмъ не менѣе въ 1489 г. мы видимъ снова во главѣ всего предпріятія Рабея.

Рабей и Симха были родными братьями, что видно изъ документа отъ 1489 г. мая 24-го, гдѣ сынъ Рабея Еско, „жидъ луцкій", жалуется на сына Симхи Нисана „дядковича своего" [1]).

Рабей съ братомъ послѣ татарскаго погрома 1482 г. мѣняютъ Кіевъ на Луцкъ [2]). Недолго однако Рабею жилось и въ Луцкѣ: въ 1494 г. мы видимъ его жителемъ Бреста, снова въ компаніи откупщиковъ таможенныхъ пошлинъ [3]).

Имѣлъ ли Рабей поземельную собственность, мы въ точности не знаемъ; у племянника же его Нисана было небольшое имѣніе на Волыни, въ Тополи, „дворецъ съ двема человѣки", который въ 1496 г. марта 12 былъ пожалованъ въ вотчину волынскому земянину Михаилу Семашковичу [4]).

У Рабея были три извѣстные по актамъ сына: Есько [5]), (Акзахъ [6]), Изакъ [7]), Айзикъ [8]), Айзакъ [9]), Михель [10]) и Аврамъ [11]), впослѣдствіи подскарбій земскій в. к. литовскаго (государственный казначей).

Тождество Рабея съ Езофомъ, отцомъ Михеля, Еска и Аврама Езофовичей вытекаетъ изъ того обстоятельства, что акты называютъ Михеля Езофовича то Михелемъ Ребинковичемъ [12]), то Рябичковичъ [13]), а равнымъ образомъ и Есько называется Ре-

---

[1]) Док. и рег. № 23. „Жаловалсь намъ" говоритъ король Казиміръ Ягеллонъ, „жидъ луцкій Есько Рабеевичъ на дядьковича своего, на Симшина сына, на Нисана".

[2]) Ibid. id.

[3]) Ibidem. № 25. „Мыто Берестейское и Дорогицкое и Кгороденское и Бѣльское" „проданы" жидовѣ Берестейской: Говашу Ограновичу, а Игудѣ, а *Рабею* а *Нисану Имшичу*".

[4]) Документы и регесты, т. I. № 32.

[5]) Ibid. № 23.

[6]) Ibid. № 69.

[7]) Ibid. № 67.

[8]) Ibid. № 72.

[9]) Ibid. № 71.

[10]) Что Михель и Айзакъ были братьями, сравни тамъ же № 69 и № 84, III.

[11]) Аврамъ братъ Михеля и Айзика №№ 69, 96.

[12]) Ibid. № 51.

[13]) Ibid. № 58.

беевичемъ [1]). Мы же видѣли раньше, что Рабей и Рабчикъ одно и то же лицо.

Изъ сыновей Рабея первымъ мы встрѣчаемъ въ актахъ Аврама.

Уже около 80-хъ годовъ XV ст. Аврамъ Езофовичъ становится самостоятельнымъ, ведетъ свои дѣла независимо отъ братьевъ [2]).

Ближайшею причиною этого отдѣленія было, по нашему мнѣнію, принятіе Авраномъ Езофовичемъ христіанства.

Всѣ акты, говорящіе объ Аврамѣ Езофовичѣ (первый изъ нихъ относится къ 1488 г.), не сопровождаютъ его имени эпитетомъ „жидъ“. Между тѣмъ, если не всегда, то большею частію акты уже XV ст. не забываютъ приложить этотъ эпитетъ тамъ, гдѣ онъ имѣлъ реальное значеніе.

Замѣтимъ къ тому же, что слово „жидъ“ не только въ XV но и во все продолженіе XVI в. въ Литвѣ не имѣло какого либо пренебрежительнаго оттѣнка. Слово „жидъ“ обозначало просто принадлежность къ извѣстной этнографической группѣ и употреблялось наравнѣ и съ одинаковымъ смысломъ, какъ слова „татаринъ“, „москвичъ“, „турокъ“ и т. д. Мы видимъ, напр., въ актахъ начала XVI ст., что Янъ Яновичъ Заберезинскій, воевода новгородскій, державца марковскій и довкговскій, 4 января 1519 г. заявляетъ, что остался долженъ „*пану* Айзаку Езофовичу“ „жиду берестейскому“ извѣстную сумму денегъ, которую и обязывается отдать „*его милости*“ въ опредѣленный срокъ [3]). Такимъ обр. мы видимъ, что одинъ изъ членовъ Рады великаго князя, самъ „панъ, его милость“, придаетъ этотъ важный титулъ еврею, не задумываясь поставить оный рядомъ съ эпитетомъ „жидъ“.

Поэтому, если мы въ актахъ не встрѣчаемъ *ни разу* имени Аврама Езофовича съ эпитетомъ жидъ, то слѣдовательно, въ то время, къ которому относятся акты, Аврамъ Езофовичъ не принадлежалъ болѣе къ еврейскому вѣроисповѣданію.

[1]) Ср. выше № 23.

[2]) М. Л. Зап. IV, f. 74. „Авраму 3 рубли грошей з винъ въ п. Солтана, а 10 бочокъ ржи у Стрета, а 10 бочокъ ржи у Гринашка“ октября 28 индикта 7 (1488 г.).

[3]) Метр. Лит. „Судныхъ Дѣлъ“ № VII, f. 200 и 211 (b); срав. также наше изслѣдованіе „Литовскіе евреи“ Спб., 1883 г.

Теперь далѣе.

Подъ 1511 г. мы встрѣчаемъ грамоту кіевскаго митрополита Іосифа *Солтана* объ отношеніяхъ между священниками виленскихъ церквей и виленскими мѣщанами[1]). Вопросы, разрѣшенные въ этой грамотѣ митрополитомъ Іосифомъ, касались весьма важныхъ сторонъ религіозной жизни *православнаго населенія* города Вильно. Грамота издана послѣ предварительнаго опроса различныхъ лицъ, главнымъ образомъ священниковъ различныхъ виленскихъ церквей, митрополичьихъ дворянъ и т. д. Такъ какъ вопросъ объ отношеніи клиропанъ въ церквахъ столичнаго города Литвы былъ для того времени весьма важнымъ, то естественно, что въ числѣ лицъ, присутствовавшихъ при разсмотрѣніи этого дѣла, мы встрѣчаемъ архимандрита троицкаго Изосиму, намѣстника митрополичьяго Іону, архимандрита лаврашовскаго Іону, и другихъ духовныхъ лицъ. Но такъ какъ дѣло, о которомъ шла рѣчь, не было только каноническимъ, а включало и свѣтскіе элементы, то на разбирательствѣ присутствовали и свѣтскія лица, значительные православные сановники, находившіеся тогда въ Вильно: объ этомъ митрополитъ выражается такъ: „А при томъ были *дѣти наши, панъ Аврамъ, подскарбій* великій земскій, и панъ Иванъ Кошка, окольничій смоленскій, и панъ Янко, городничій виленскій". Если иногда при выдачѣ грамотъ по духовнымъ дѣламъ православнаго населенія Литвы мы и встрѣчаемъ не только католическихъ свѣтскихъ лицъ, но и бискуповъ, то подобное явленіе объясняется тѣмъ, что бискупы ex officio были членами Рады. Но никогда мы не встрѣчали, чтобы католическій епископъ называлъ православныхъ своими дѣтьми, или же наоборотъ. Поэтому мы утверждаемъ, что присутствіе Аврама Езофовича при выдачѣ митрополитомъ Іосифомъ Солтаномъ грамоты, а равно и названіе его со стороны митрополита сыномъ (духовнымъ, конечно), несомнѣнно свидѣтельствуютъ о принадлежности Аврама Езофовича къ православію.

Имѣя въ рукахъ этотъ фактъ, мы можемъ опредѣлить приблизительно и время перехода Аврама Езофовича въ христіанство.

---

[1]) Археографическій Сборникъ, т. VI, № док. 4.

Несомнѣнные документы свидѣтельствуютъ намъ, какъ увидимъ ниже, о пребываніи Аврама Езофовича въ Литвѣ въ 1499 г., т. е. за 4 года до возвращенія королемъ Александромъ изгнанныхъ имъ евреевъ. Поэтому, Аврамъ Езофовичъ въ противность утвержденію г. Вольфа былъ христіаниномъ уже въ моментъ изгнанія евреевъ, т. е. въ 1495 г.

Въ другомъ мѣстѣ намъ, кажется, удалось доказать, что однимъ изъ главныхъ мотивовъ изгнанія евреевъ былъ ярый прозелитизмъ короля Александра: невозможно допустить, чтобы государь, принуждавшій *свою собственную жену* къ переходу изъ православія въ *католичество,* сталъ бы покровительствовать переходу изъ еврейства въ православіе.

Заслужить благосклонность в. князя переходомъ въ православіе едва ли было возможно, когда однимъ изъ мотивовъ для князей, *отъѣзжавшихъ* изъ Литвы въ Москву, было именно гоненіе на православіе. Еслибы, поэтому, Аврамъ Езофовичъ перешелъ въ христіанство изъ своекорыстныхъ цѣлей во время гоненія на евреевъ, то, очевидно, мы никогда бы его не увидѣли православнымъ.

Мы видимъ, правда, что подъ конецъ жизни онъ переходитъ въ католичество, но опять таки не изъ за какихъ либо корыстныхъ видовъ; переходитъ онъ уже будучи подскарбіемъ земскимъ, членомъ Рады, переходитъ при королѣ, чуждомъ религіознаго фанатизма, и въ то время, когда православная религія ни въ какомъ случаѣ не могла служить помѣхою для служебнаго положенія. Мало того, переходя самъ въ католичество, Аврамъ Езофовичъ оставляетъ своихъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей православными.

Если, такимъ образомъ, Аврамъ Езофовичъ былъ христіаниномъ еще до изгнанія евреевъ, то станетъ понятно, почему при его имени мы не встрѣчаемъ эпитета „жидъ“. Отъ современнаго намъ состоянія актовъ по исторіи Литвы трудно требовать большаго количества свидѣтельствъ и по болѣе важнымъ вопросамъ, чѣмъ принятіе христіанства тѣмъ или инымъ евреемъ, тѣмъ не менѣе мы можемъ привести для Волыни и Кіевской земли нѣсколько такихъ случаевъ. Такъ, въ 1502 г. мы видимъ

пана Ивана Корсаковича, владѣвшаго во владимірскомъ повѣтѣ двумя селами: предкомъ его былъ мытникъ володимірскій жидъ *Шань*, которому эти села были пожалованы великими князьями Витовтомъ и Швитригайломъ [1]). Точно также подъ 1513 г. мы видимъ, что игумену и старцамъ Пустыннаго монастыря подлѣ Кіева присуждено „селищо Борщовка... со всимъ съ тымъ, какъ предокъ ихъ Агронъ, жидъ, изстарины держалъ и послѣ его сынъ его, *будучи въ христіанствѣ, на имя Миколай*, держалъ". Пожалованіе же Пустынному монастырю этой земли послѣдовало при королѣ Александрѣ *послѣ смерти Николая*.

Замѣтимъ, что и позже на Волыни и въ Кіевской землѣ встрѣчаются подобные же переходы евреевъ въ христіанство: такъ, напр., во второй половинѣ XVI в. *глава* луцкой караимской общины, весьма богатый человѣкъ, Батко Мисановичъ принимаетъ православіе [2]), а сынъ его остается евреемъ.

Что южные евреи, вѣроятно потомки древне русскихъ, гораздо легче переходили въ христіанство, мы видимъ изъ того обстоятельства, что въ числѣ евреевъ, принявшихъ христіанство изъ опасенія быть изгнанными изъ Литвы въ 1495 года, встрѣчаются три кіевскіе еврея: Ѳедоръ, зять его Петръ и Иванъ, новокрещенные [3]).

Въ концѣ XV ст. кіевская область въ полномъ смыслѣ слова была Украиною, порубежною страною, за которою начинались „дикія поля". Противу набѣговъ татаръ укрѣпленныя мѣста не всегда представляли достаточную защиту: самъ Кіевъ былъ взятъ татарами въ 1482 г. Между тѣмъ Кіевъ былъ твердынею въ сравненіи съ ничтожными крѣпостцами, какими въ то время были не только Житомиръ, Браславль, но даже Кременецъ, какъ мы видимъ изъ инвентаря 1480 г. *Весь городъ* Кременецъ

[1]) Акты З. Р., т. II.

[2]) Ср. наши Матеріалы для исторіи евреевъ въ Литвѣ и ю.-зап. Руси, помѣщенные въ Еврейской Библіотекѣ за 1878 г. Что Батко переходитъ въ *православіе*, мы предполагаемъ на основаніи его имени „*Семенъ*".

[3]) Что эти новокрещенцы были кіевскими евреями, мы заключаемъ изъ того, что Иванъ названъ бывшимъ мытникомъ путивльскимъ, а такими мы видимъ въ 1490 г. жидову кіевскую: Мероваха и Исраеля и жида слуцкаго (луцкаго?) Аврама. Также переходятъ и караимы: ср. „Лит. евреи" стр. 25, и „Док. и рег." № 37.

состоитъ изъ *30 дворовъ*, а старинная крѣпость вооружена всего 10 пушками и одною пищалью [1]). Между тѣмъ внѣ крѣпостныхъ стѣнъ было такъ мало безопасности, что населеніе держалось только у замковъ: „На селищахъ", говоритъ ревизія 1545 г., „не смѣютъ передъ татарами жити". Тѣмъ не менѣе богатство кіевской области, такъ краснорѣчиво описанное современниками, постоянно привлекало населеніе изъ Литвы, Червоной Руси, далекой Польши, Богеміи и даже Германіи. Поэтому то въ Кіевщинѣ и на Волыни, въ виду постоянныхъ опасностей, долженъ былъ выработаться особый типъ населенія. Высшая государственная власть далека, мѣстная—весьма часто въ отсутствіи, каждый поэтому не только въ „дикихъ поляхъ", но и въ городѣ въ замкѣ долженъ полагаться на свои собственныя силы. Такъ какъ эти условія были для всѣхъ одинаковы, то понятно, что на ряду съ безпокойною шляхтою, предпріимчивымъ и буйнымъ мѣщанствомъ и мѣстные евреи должны были сложиться по иному типу, чѣмъ въ Польшѣ.

И дѣйствительно, не только въ половинѣ XVI в., но и въ началѣ XVII, по отзывамъ современниковъ, „между Русскими, Волынскими, Подольскими евреями было много крѣпкихъ и неутомимыхъ молодцовъ, которые съ саблею на перевязи, лукомъ или ружьемъ за плечами охотно садились на коня и мужественно сражались, гдѣ имъ случится" [2]).

Характеръ Аврама Езофовича, вѣроятно, какъ разъ пришелся къ этимъ условіямъ, а потому мы и встрѣчаемъ его подъ 1488 г. въ спискѣ служебныхъ лицъ, получающихъ жалованіе изъ в. княжеской казны. Въ расходныхъ книгахъ короля Кази-

---

Любопытно, что случаи перехода евреевъ въ православіе встрѣчаются еще въ концѣ XVI в.; такъ, напр., въ 1594 г., октября 18, Сигизмундъ III жалуетъ своему коморнику Георг. Лавданскому выморочное имущество по „sławetnym Janie, *medyku* miasta N. Wilenskiego, który się z Żydowskiey wiary na religią Russką był okrzcił. M. L. LXXVI, 529.

[1]) М. Л. Записей № 4, f. 107 (b). Къ этому вооруженію слѣдуетъ впрочемъ прибавить 7 крѣпостныхъ ружей, 3 фуклера и 4 пороховницы. Для всѣхъ этихъ огнестрѣльныхъ снарядовъ имѣлось пороху полбочки.

[2]) „Литовск. Евреи" стр. 412, изъ современной брошюры ненавистника евреевъ Менчинскаго. Брошюра эта появилась въ Краковѣ въ 1617 году.

міра Ягелона мы видимъ, что Аврамъ (Езофовичъ) получаетъ 10 бочекъ ржи у Стрета (городничаго ковенскаго), 10 бочекъ ржи у Гринашка Ходкевича (городничаго гродненскаго) и 3 рубля грошей изъ судебныхъ штрафовъ („винъ“) у п. Солтана.

Судя по мѣстностямъ, изъ которыхъ происходитъ выдача этихъ предметовъ, мы вправѣ заключить, что занятія Аврама имѣли мѣсто въ сѣверозападной части Литвы. По самимъ предметамъ выдачи мы заключаемъ, что получаемое имъ вознагражденіе составляетъ жалованіе, „юргельтъ“, по размѣрамъ жалованья мы полагаемъ, что Аврамъ Езофовичъ занималъ должность королевскаго дворянина или же „ключника“, такъ какъ подобнаго рода жалованье дворянамъ мы встрѣчаемъ еще въ началѣ XVI вѣка [1]). Т. обр. Аврамъ Езофовичъ живетъ самостоятельно въ то время, какъ его братья живутъ при отцѣ, такъ какъ самостоятельными мы встрѣчаемъ ихъ лишь въ началѣ XVI вѣка.

Въ подтвержденіе нашего предположенія о ранней самостоятельности Аврама Езофовича мы имѣемъ его собственное свидѣтельство. Въ 1512 г. Аврамъ Езофовичъ подтверждаетъ передъ королемъ показанія своихъ братьевъ, „воскобничныхъ и соленичныхъ Берестейскихъ“, Михеля Рябичковича и брата его

---

[1]) Метр. Лит. „Записей“ № XV и XIII. Ср. также дачи короля Сигизмунда Августа выходцамъ изъ Москвы „Записей“ № XXXVII, 411, четыремъ лицамъ: 4 бочки жита, 8 солоду, 2 ячменю, гороху 2 бочки и т. д. f. 435 и пр.

Приведемъ еще для образца выдержку изъ расходныхъ книгъ кор. и в. князя Сигизмунда 1 отъ 1510 г., когда Аврамъ Езофовичъ былъ самъ уже подскарбіемъ.

„Пріѣхали до короля *дворяне* тын, кот. именей не маютъ, м. октября 28 д. индикт. 14 (1510 г.) Тиша Радогощанинъ, лежанье въ тивуна виленскаго, стирта сѣна, *10 бочекъ жита, 10 бочекъ овса, 37 викъ 3 рубли*, (съ) скарбу 8 копъ з мытъ“ и цѣлый рядъ дворянъ, получающихъ такое же точно жалованье.

Мы видимъ, правда, что жалованье это нѣсколько выше того, что получалъ Аврамъ Езофовичъ: прибавлена стирта сѣна и 8 копъ грошей, но не слѣдуетъ забывать, что между 1488 и 1510 г., къ которымъ относятся приводимые документы, лежатъ почти 25 лѣтъ, и что начало XVI в. соотвѣтствуетъ какъ разъ времени постепенно усиливающагося паденія цѣнности драгоцѣнныхъ металловъ.

Нельзя не отмѣтить любопытной черты консерватизма литовской административной практики: не только главныя дачи хлѣбомъ и размѣръ денежнаго вознагражденія остаются тѣми же, но сверхъ того самый разсчетъ ведется на рубли, между тѣмъ какъ въ иныхъ дачахъ мы видимъ уже замѣну этого счета (русскаго) на копы (польскій счетъ).

Айзака Рябичковича „штожъ они *зъ молодыхъ лѣтъ* посполу торгуютъ и товаръ не раздѣленъ межи собою маютъ. Во всемъ ихъ товарѣ какова *дѣльница* Михелю, такова его брату Айзаку".— Въ 1488 г. городничимъ въ Ковно былъ Васько [1]) вѣроятнымъ его преемникомъ былъ Аврамъ Езофовичъ, т. какъ въ 1494 г. мы встрѣчаемъ его уже въ качествѣ ковенскаго городничаго. „Мая 6, индикта 13 (т. е. 1495 г.), говорится въ актахъ [2]), *Занько, дьякъ,* дѣлалъ личбу (съ) спижового ковенскаго у Вильни. Положилъ 200 и 90 и $1^1/_2$ копъ и 16 грошей, а золотыхъ 100 и 40 и 1 золотый и корабельникъ.—Тому расходъ: 100 копъ далъ п. Андрею, подскарбію, а *Авраму* городничому 100 копъ и 40 копъ и 16 золотыхъ. А воску купилъ за 50 копъ безъ 3 копъ, три копы себѣ взялъ, на то листъ вказалъ.—А князю великому далъ 100 золотыхъ и 20 и 6 золотыхъ и корабельникъ (талеръ)".

Вслѣдъ за дьякомъ Занькомъ, того же дня, *Аврамъ,* городничій ковенскій, представлялъ счеты („дѣлалъ личбу") въ Вильно. *Въ приходѣ* показалъ 48 к. и 18 грошей, что съ полученными отъ Занька (дьяка) $145^1/_2$ копами, составило $193^1/_2$ к. Въ расходѣ же оказалось: за пріобрѣтеніе 4 штукъ (воску) 150 копъ и дано пану Станьку 20 копъ.—Спижоваго сбора Аврамъ показалъ 47 копъ: изъ нихъ еврею Зубу далъ 18 камней (13 пуд. 4 ф.) нетопленнаго воску, и соли пріобрѣлъ 130 бочекъ, а сверхъ того воску пропущено безпошлинно черезъ ковенскую таможню 125 штукъ (4,630 пудовъ). Пошлинъ съ товаровъ на ковенской таможнѣ Аврамъ представилъ $62^1/_2$ копы и 10 гр. Изъ собранныхъ имъ денегъ израсходовано 89 копъ, соли же 65 бочекъ.

Въ чемъ же состояла должность городничаго?

Хотя въ современныхъ актахъ она встрѣчается нерѣдко, однако *точное* опредѣленіе ея довольно затруднительно. Тѣмъ не менѣе, на основаніи имѣющихся у насъ матеріаловъ, попытаемся сдѣлать характеристику этой должности. Мы считаемъ необходимымъ остановиться на опредѣленіи должности городничаго: во 1), для того, чтобы уяснить, на сколько основательны

[1]) Метр. Лѣт. кн. „Записей" № IV, f. 67... Котюлѣ 2 дякла ржи въ городничого ковенского Васька...

[2]) Ibid. Зап. VI, f. 65.

предположенія г. Вольфа, что Аврамъ Езофовичъ явился въ Вильну потому, что, будучи евреемъ, долженъ былъ покинуть Литву вмѣстѣ со своими изгоняемыми единовѣрцами; во 2), для полученія новаго подкрѣпленія нашему утвержденію, что прежде занятія должности городничаго Аврамъ Езофовичъ долженъ былъ пройти продолжительный служебный искусъ; наконецъ, въ 3), для уясненія вопроса о томъ, насколько деньги, и только одни деньги, играли роль въ дальнѣйшей служебной карьерѣ Аврама Езофовича.

Начнемъ съ того, что обязанности городничаго были тѣсно связаны съ возведеніемъ новыхъ, поддержаніемъ старыхъ замковъ, „городовъ“, а равно и заботою какъ о боевой годности оныхъ, такъ и безопасности ихъ въ мирное время. Поэтому, въ XV еще вѣкѣ мы видимъ, что должность эта замѣщается по личному усмотрѣнію в. князя и большею частію соединяется съ должностію намѣстника или же старосты в. князя; т. напр., замокъ Мозырь былъ выстроенъ при Казимірѣ Ягеллонѣ нѣкіимъ Михаиломъ Гагинымъ, который былъ назначенъ въ Мозырь вмѣстѣ старостою и *городничимъ*. Точно также Казиміръ Ягеллонъ по просьбѣ полочанъ соединяетъ должность полоцкаго намѣстника съ должностью городничаго, „какъ было издавна“ [1]). Должность городничаго была изстариною въ Литовской Руси и среди мѣстныхъ в. княжескихъ чиновниковъ городничимъ принадлежало первенствующее положеніе, какъ въ этомъ нетрудно убѣдиться изъ любой грамоты на отдачу въ залогъ любаго изъ в. княжескихъ имѣній. Т., напр., въ 1518 г. король Сигизмундъ, дозволяя воеводѣ новгородскому Яну Заберезинскому выкупить в. княжескій дворъ Меречъ у наслѣдниковъ С. Г. Остиковича, обезпечиваетъ Заберезинскаго въ томъ, что воевода троцкій не будетъ всылать въ мерецкую волость дѣцкихъ (судебныхъ приставовъ), а также „*врадники* наши троцкіе: *городничій*, *мѣсничій*, *тивунъ*, *конюшій*, *ключникъ* и *подключій* не мають въ ту волость въѣждчати и слугъ своихъ всылати, и доходовъ нашихъ и своихъ никоторыхъ не мають правити“ [2]). Такъ какъ каждая изъ этихъ должностей,

[1]) Ак. З. Р. т. I, № 64, отъ 1460 г.

[2]) М. Л. к. „Записей“ № X, f. 29. Ср. также № XI, f. 84, гдѣ сверхъ названныхъ урядниковъ, т. е. чиновниковъ, упомянутъ „Скирончій“ виленскій.

пріурочена была къ осуществленію извѣстныхъ мѣстныхъ цѣлей и такъ какъ вознагражденіе за службу отчасти лишь получалось изъ казны, а главнымъ образомъ слагалось изъ пошлинъ за совершеніе отдѣльныхъ актовъ, т. е. сбора той или иной подати, дозволенія рубить лѣсъ и т. д., то всякая должность пріобрѣталась у короля за извѣстное „челобитье“.

Поэтому короли всячески стараются сохранить раздачу этихъ должностей за собою, магнаты же и сами должностныя лица слить эти должности въ возможно большемъ размѣрѣ. Такъ мы видимъ, что въ 1509 г. по челобитью воеводы новгородскаго Я. Я. Заберезинскаго „в. князь и тыи врядцы: городничое и конюшое новгородское ему къ воеводству далъ [1])“. Въ Луцкѣ должность городничаго соединялась въ XVI в. съ должностью ключника [2]).

Тамъ, гдѣ не было городничихъ изстари, напр., во вновь построенныхъ замкахъ, мы видимъ, что старосты или державцы, назначаютъ городничихъ отъ себя [3]).

На этой должности встрѣчаются самыя разнообразныя личности: въ концѣ XV в. мы видимъ, напр., въ Слонимѣ городничимъ Солтана [4]), впослѣдствіи подскарбія земскаго; въ Ковнѣ— Богуша Боговитиновича [5]), впослѣдствіи также подскарбія земскаго; п. Иванъ Горностай, также подскарбій земскій, служитъ въ 1486 г. ключникомъ кіевскимъ [6]). Т. обр. должность город-

---

[1]) М. Л. „Записей“, № VIII, f. 339, Петроковъ, февраля 30 (sic), индикт 13 (1509 г.)

[2]) Ib. Суд. Дѣлъ № VII f. 122, ключникъ и городничій и мостовничій луцк. п. Дохно.

[3]) Васильевичъ 1535 г. Симеону митрополиту.

[4]) М. Л. Зп., № IV f. 11, (b). „Стирта жита въ п. Солтана (1486 г.), f. 1. „Пятнадцать коп грш. съ *корчомъ* слонимскихъ въ п. Солтана“.—Выдача зерна, сѣна и сборъ акциза съ питей составлялъ, какъ увидимъ, обязанность городничаго.

[5]) Ibid, Записей № VIII f. 371, въ 1507 году мы видимъ Б. Боговитиновича городничимъ троцкимъ. Должность эта ему пожалована еще королемъ Александромъ, а въ 1509 онъ уступаетъ ее кор. Сигизмунду взамѣнъ пожизненнаго владѣнія имѣніемъ Довкги; онъ отказывается отъ всякихъ претензій на полученіе 100 коп гр. „широкихъ“ и 100 золотыхъ, занятыхъ имъ королю Александру взамѣнъ пожалованія должности троцкаго городничаго.

[6]) Ib. Зап. IV, f. 19.

ничаго какъ бы подготовляла къ занятію высшихъ финансовыхъ должностей въ в. к. литовскомъ.

Замокъ называется въ Литовской Руси городомъ, (огороженное мѣсто), въ противуположность „мѣсту“, „подзамчью“, русскому „пригороду“. Большинство литовскихъ замковъ XVI в. были деревянными. Деревянная ограда возводилась обыкновенно изъ сосноваго лѣса, въ двѣ или даже три стѣны, промежутокъ между которыми заполнялся глиною. Съ внутренней стороны устраивался крытый ходъ („обланки“), съ котораго можно было бы сквозь отверстія въ стѣнѣ стрѣлять въ непріятеля. Съ наружной стороны стѣны покрывались толстымъ слоемъ глины [1]). Стѣны замка дѣлились на участки длиною въ 3, много 4 сажни. Такой участокъ назывался „городнею“, каждый замокъ складывался изъ большаго или меньшаго количества городней; такъ, напр., въ владимірскомъ замкѣ въ 1552 г. было 71 городня, въ Кіевѣ 133 и т. д. Такъ какъ мосты, ведущіе непосредственно въ замокъ, или же на дорогахъ къ нему были деревянными и строились на устояхъ, въ клѣтку, то и мосты дѣлились на городни. Такъ, напр., мостъ на Стырѣ въ Луцкѣ состоялъ изъ 167 городень.

Наблюденіе за постройкою и ремонтомъ городень и вообще за состояніемъ укрѣпленій замка составляло одну изъ главнѣйшихъ обязанностей городничаго [2]). Такъ, мы видимъ, что во Владимірѣ люди земянскіе всего владимірскаго повѣта обязаны были весною о св. Юрью вешнемъ показать городничему всѣ свои городни въ цѣлости и надлежащей исправности, каждое село свои городни особо. Городничему же принадлежало наблюденіе за исправностью мостовъ, гдѣ они находились въ связи съ замками, какъ это мы видимъ напр. въ Луцкѣ [3]). Городничіе, далѣе, завѣ-

[1]) М. Л. Переписей № VI, A. f. 28 (b); стѣны кіевскаго замка облѣплены глиною „ажъ до бланкованья, толсто на 2 пяди, а отъ земли толстѣй“,—1551 г.

[2]) Съ этимъ характеромъ мы встрѣчаемъ городничаго уже въ половинѣ XV в. Ср. грам. Каз. Ягел. отъ 1460 г. Акты Зап. Р. т. 1, № 64.

[3]) А. М. Л. Пер. № VI, A, f. 169. „Первая городня (моста) Муровицкая в. Григорія Ходкевича—ляха, зновъ робити треба. *Городничій* дей князя старосты тамошнего—Янко Боровичъ, взялъ коня *за то въ сесь годъ и не направилъ*“; f. 168. „Робота тыхъ мостовъ“ (передъ замкомъ) „робять мельники яко Господарскіе, такъ князскіи, панскіи, бискупіи и владычніи и земянскіи, гдѣ и хто колвекъ въ 7

дывали огнестрѣльнымъ оружіемъ и снарядами. Такъ, мы видимъ, что въ 1514 г.[1]) виленскій городничій Кучукъ отправляетъ въ г. Смоленскъ, Полоцкъ, Крычовъ ружейный и пушечный порохъ, селитру, свинецъ, орудія, снаряды и т. д.

Вмѣстѣ съ заботами о снабженіи замка военными запасами на обязанности городничихъ лежало и заготовленіе для замковъ съѣстныхъ припасовъ, какъ объ этомъ, мы напр., заключаемъ изъ посланія литовской Рады къ королю Сигизмунду I Старому, около 1520 г. Здѣсь говорится, что Рада в. князя находится въ затрудненіи относительно обезпеченія жизненными припасами пограничныхъ замковъ, потому что на вопросы, обращенные по этому поводу къ великокняжескимъ *городничимъ*, эти послѣдніе заявили, что у нихъ *нѣтъ ни ржи, ни овса*[2]). Сообразно этой обязанности правительства снабжать замки провіантомъ городничимъ предоставлено было съ королевскихъ дворовъ, причисленныхъ къ данному замку, полученіе такъ называемаго „дякла“ (annona ducalis), т. е. опредѣленной дани житомъ, овсомъ и сѣномъ съ тяглыхъ „службъ“[3]).

Понятно отсюда, почему въ распоряженіяхъ короля Казиміра о выдачѣ разнымъ лицамъ жита, овса и сѣна лица эти направляются за полученіемъ пожалованнаго къ городничимъ.

миляхъ около замку мають, *яко их Городничій обошлетъ винни прійти и робити* за своею стравою и кромъ всякое помочи“. Ср. также М. Л. „Запис.“ XV, f. 235. Отъ 1528 г., гдѣ распоряженія объ укрѣпленіи Кіева, Полоцка, Витебска оканчивается такою фразою: „А роботу городовую мають имъ (рабочимъ) росказовати *Городничіи тыхъ городовъ*“.

[1]) М. Л. „Записей“ № VII. „Приказаньемъ Господаря нашого, Короля Жикгимонта с. м. Я. Кучукъ, Городничій Виленскій далъ есьми пороху до Смоленска ручничого и гаковничого: Ручничого 60 каменей, а солетры 60 каменей безъ полкамеця“ и т. д. Пониже, индиктъ 2 (т. е. 1514 г.), нояб. 25. Изъ Кракова до Вильни пороховъ привезено (до) тарасницъ 15 бочокъ, до гаковницъ 12 бочокъ, до ручницъ 3 бочки и т. д. „Воеводѣ Смоленскому... на его городъ, на Дубравку далъ есми 3 гаковницы, *въ мене* еще тыхъ гаковницъ остало 100 безъ одное“.

[2]) М. Л. Записей № VII, f. 410.

[3]) Акты З. Р. т. II, № 159. Уставная грамота объ управленіи великокняжескими дворами троцкаго и виленскаго повѣтовъ. § 9 .... „*жита наши данныи и овсы т. е. дякла* державцы наши *обы* суполно *до Городничого отдавали*. И ниже § 11.

На городничихъ же лежала обязанность сбора акциза, „корчомнымъ пенезей“ или, „канцизны“, понятно, тамъ, гдѣ существовала самая должность городничаго, слѣдовательно, во всѣхъ замкахъ. Такъ, по крайности, мы заключаемъ изъ цѣлаго ряда обращеній короля къ различнымъ городничимъ. Въ 1518 г., напримѣръ, 18 ноября, изъ Бреста король (в. князь), извѣщая объ отдачѣ въ пожизненное владѣніе Юрію Глѣбовичу двора Вольковыско „пєсь *пенязми корчомными* и зъ дяклы оржаными и овсяными и зъ сѣномъ подякольнымъ“ и т. д., предписываетъ гродненскому *городничему* „въ дякло, а дворянамъ, которые коли будутъ корчомные пенези правити“, не вступаться ни въ эти деньги, ни въ иные доходы [1]). Замѣтимъ здѣсь, пока, что королевскіе дворяне были посылаемы обыкновенно только для производства принудительныхъ взысканій [2]). Въ 1522 году, король Сигизмундъ предписываетъ городничему виленскому Ульриху Гозію и его преемникамъ не требовать „канцизны“ съ корчмы, которую имѣетъ въ своемъ домѣ боярин виленскаго повѣта Маркъ Лобковскій [3]). Это распоряженіе подтверждаетъ лишь старинную практику, такъ какъ подобное же предписаніе *городничему* виленскому Запку Ивановичу мы встрѣчаемъ подъ 1508 г. [4]).

На городничаго же возлагалась ближайшимъ образомъ забота о безопасности замка, а потому и надзоръ за стражею у замковыхъ воротъ и по стѣнамъ [5]). Изъ грамоты королевы Боны отъ 1548 г., въ которой подтверждаются старинныя обязанности бургграбія т. е. городничаго кременецкаго, мы видимъ, что на

[1]) Метр. Лит. Зап. XI, 25.—Ibid., XII, 78 (b). Мы видимъ слѣдующее исчисленіе мѣстныхъ должностей: „Уряды Городенскіе: Городничое, конюшое, ключництво, лѣсничое“, а пониже: вряды: Городничое, пенези корчомные, конюшое, ключництво“.

[2]) М. Л. Зап. VIII, 102 (1508 г.). И. Коноть Васильевичъ, *писарь* гродскій короля с. м., представилъ отчетъ передъ подскарбіемъ п. Иваномъ и передъ п. Ив. Сопегою... „зъ *недополковъ* дани грошовое, медовое и бобровъ и съ куницъ“.

[3]) М. Л. книга Записей № XII, f. 33.

[4]) М. Л. Зап. № VIII, f. 233.

[5]) М. Л. кн. „Перек.“ № VI, f. 167 (b). Въ Луцкѣ „сторожи въ ночи у воротъ лежать съ бронями, а въ день въ замку послугують старостѣ и подстаростѣ. А коли обмѣниваются даютъ *городничему* каждый изъ нихъ по грошу и куницѣ“.—И ниже, жалоба, что староста гонитъ по 6 человѣкъ на сторожу, „а городничій его беретъ на нихъ по грошу“.

городничемъ лежали слѣдующія обязанности: отдача приказаній о закрытіи въ опредѣленное время замковыхъ воротъ; охраненіе замка отъ пожара; наблюденіе, чтобы пушкари всегда ночевали въ замкѣ, а сторожа внимательно стерегли и кликали на замковыхъ стѣнахъ. Ему же принадлежитъ наблюденіе за тѣмъ, чтобы всѣ арестованные и преступники содержались добропорядочно и подъ крѣпкою стражею. Въ отсутствіе же старосты на городничаго возлагаются и всѣ обязанности по завѣдыванію замкомъ [1]).

Въ виду всего сказаннаго, естественно, что должность городничаго принадлежала къ числу постоянно замѣщаемыхъ должностей въ каждомъ литовскомъ воеводствѣ и старостве, буде въ ономъ находился замокъ. Мы знаемъ городничихъ въ Вильно [2]), Трокахъ [3]), Ковно [4]), Гродно [5]), Кіевѣ, Луцкѣ, Витебскѣ [6]), Новгородкѣ, Кременцѣ, Минскѣ [7]), Каменцѣ [8]).

На основаніи приведенныхъ нами актовыхъ свидѣтельствъ мы вправѣ сдѣлать слѣдующее заключеніе о должности городничаго. Должность эта по преимуществу военная; приравнять ее на современные нравы можно всего скорѣе къ должности коменданта крѣпости. Сравненіе здѣсь будетъ, правда, только приблизительное, такъ какъ въ военное время обыкновенно замками и крѣпостями въ Литвѣ командовали сами воеводы, старосты, державцы, а городничіе были только ихъ помощниками. Съ другой стороны, въ мирное время о снабженіи замка всѣмъ нужнымъ заботились непосредственно городничіе, хотя прямая отвѣтственность передъ в. княземъ за исправное состояніе замка лежала на старостѣ или же на державцѣ [9]).

---

[1]) Метр. Лит., Записей № XXII, f. 28. „А въ небытности старостиной, ижбы вся опатрность замковая на нимъ (т. е. бургграбіи) лежала.

[2]) М. Л. Зап. IV, 53 (b).

[3]) Ibidem, idem.

[4]) Ibid. 67.

[5]) Ibidem, id.

[6]) Сапуновъ. Витебская старина, т. IV, стр. 55.

[7]) М. Л. Сд. Д. I, 71.

[8]) Ibid., f. 87 p., гдѣ городничій б. назначенъ державцею каменецкимъ кн. С. А. Чарторыйскимъ 1513 г.

[9]) Должность городничаго не безъизвѣстна и московскому государству. Ср. напр. Наказъ Іоанна Грознаго полоцкимъ боярамъ и воеводамъ отъ 1563 г., фек-

Сообразно такому значенію должности городничаго, а тѣмъ болѣе на границѣ государства [1]), въ одномъ изъ богатѣйшихъ городовъ в. княжества, должность эта не могла быть поручена первому встрѣчному, а лишь только лицу, доказавшему свое знакомство съ обязанностями городничаго, т. е. понимавшему какъ должно строить замки и содержать ихъ въ исправности, какъ содержать въ исправности орудія, снаряды, порохъ и т. д. Если принять, далѣе, во вниманіе буйный характеръ вообще литовской шляхты, и въ особенности пограничной, то очевидно, что обязанности городничаго по надзору за спокойствіемъ и безопасностью замковъ требовали достаточно энергіи и личнаго мужества. Не забудемъ также, что прошло только какихъ нибудь 25 лѣтъ со времени принесенія впервые в. магистромъ ордена ленной присяги польскому королю, что отношенія подданства были крайне непрочны, что въ 1495 и 1512—19 гг. дѣло чуть было не дошло до вооруженнаго столкновенія съ Пруссіей.

По всему этому на должность городничаго ковенскаго могъ быть назначенъ человѣкъ только испытанной вѣрности, осторожности и мужества.

Что касается вопроса, *былъ ли* однако назначенный на эту важную должность *ковенскій городничій Авраамъ Езофовичъ Ре-*

рала 26. Акты Историч., т. I, № 169. „*Городничимъ* Василью Головину и Василью Замитницкому ходити съ фонаремъ по ночамъ, перемѣняясь, по *всѣмъ сторожемъ и замикать городъ* городничимъ... самимъ“... „А *нарядъ вельти пушки, пищали по всему городу и по острогу* и зелья (порохъ) и ядра вѣдати *городничимъ*. Пушкарей и воротниковъ вѣдати и управа давати городничимъ“. Ср. также А. П. Сапуновъ, „Витебская старина“, т IV, 1885 г. (стр. 55) видимъ, что городничій находился въ числѣ военныхъ должностныхъ лицъ.

„И къ Царю и В. К. Полотцкимъ Владыкою и Пол. Воеводою съ Довойномъ и съ Яномъ Глѣбовичемъ Иванъ Черемисиновъ пріѣхалъ, да съ нимъ же пріѣхалъ *городничій Полотцкій Быстрешской* и иные многіе *паны* Полотцкіе“.

[1]) Ковно въ началѣ XVI в. далеко еще не утратило значенія пограничной крѣпости. Въ этомъ мы убѣждаемся изъ того, что король Сигизмундъ назначилъ Васка Дашковича *городничимъ* ковенскимъ „для того, ижъ онъ Намъ подвезался *замокъ нашъ Ковенъ оправляти муромъ и деревомъ*“. Петроковъ, лп. 11, инв. 14.— Ср. также: Договоръ великаго магистра Прусскаго и магистра Ливонскаго орденовъ отъ 1507 г. въ виду грозящей имъ войны съ *Польшею* и Россіей.

бичковичъ евреемъ, какъ утверждаетъ г. Вольфъ, то въ виду всего сказаннаго и въ виду, наконецъ, спеціальной грамоты в. князя Александра [1]) отъ *1492 г.*, которою *воспрещено евреямъ жить въ Ковно*,—едва ли представляется надобность въ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ.—Что Аврамъ Езофовичъ и не думалъ покидать Литвы со своими бывшими единовѣрцами, это очевидно изъ того, что 24 октября 1499 г. (индикта 3) въ Вильно п. Григорій (Хребтовичъ), маршалокъ дворный, и писарь в. князя п. Федько Григорьевичъ съ п. Федькомъ Янушкевичемъ принимали отчетъ („брали лычбу“) у *мытника* смоленскаго *Аврама* и онъ, завѣдуя (самостоятельно) смоленскою таможнею въ теченіи 5 мѣсяцовъ [2]), представилъ 600 к. гр., т. е. ту сумму за которую были взяты на откупъ смоленскіе пошлины на 3 года, т. е. по 9 іюня 1496 г.

Мы не знаемъ навѣрное, соединилъ ли Аврамъ Езофовичъ съ завѣдываніемъ таможенными пошлинами въ Смоленскѣ еще и какую либо иную должность, какъ ранѣе въ Ковно должность городничаго, но что это болѣе чѣмъ вѣроятно видно изъ того обстоятельства, что въ слѣдующемъ 1500 году [3]) онъ защищаетъ пограничные литовскіе замки, подтверждая на восточной границѣ государства, что предъидущая его служба прошла не въ собираніи только податей и пошлинъ, что сабля была ему также по рукѣ, какъ чернило и счеты. Объ этомъ свидѣтельствуетъ въ жалованной грамотѣ самъ король Александръ, объявляя во всеуслышаніе, что во время нашествія непріятельскаго на пограничные замки и города литовскіе Аврамъ Езофовичъ неуклонно служилъ в. князю, не щадя ни своей жизни, ни крови [4]).

[1]) *Balinski*, Starożytna Polska, т. III, стр. 407.

[2]) М. Лит. Зап. № 6, f. 536. „И онъ не державши ни полугода отъ св. Петра на лычбѣ положилъ 600 копъ гр., што были на три года кушли, на годъ по 200 копъ, а зышъ еще тыхъ трохъ годовъ положилъ 20 копъ и $1^1/_2$ к. и 6 гровей.

[3]) Война в. князя Александра съ великимъ княземъ московскимъ Василіемъ Ивановичемъ, въ которой произведены были нападенія на Смоленскъ, относится къ 1500 г. Въ первую же войну Александра съ Василіемъ Ивановичемъ въ 1494 г., мы видимъ Аврама еще въ Ковно

[4]) Бершадскій. „Докум. и р.“ т. 1, № 42, отъ 1506 г., іюня 17, подтверждающая болѣе раннюю грамоту отъ 1503 года: король и в. князь свидѣтельствуетъ,

14 марта 1499 года в. князь Александръ пожаловалъ г. Минску магдебургское право [1]) первымъ войтомъ минскимъ былъ назначенъ одинъ изъ новообращенныхъ евреевъ, а именно Израэль, бывшій мытникъ путивльскій, названный въ грамотѣ Иваномъ *Новокрещенным* [2]). Вотъ этому то Ивану Новокрещенному 29 мая 1503 г. въ Вильно (инд. 6, годъ 7011) король Александръ предоставляетъ должность минскаго войта, *вѣчно*, ему самому и его женѣ и ихъ счадкамъ, съ правомъ полнаго распоряженія оною: войтъ можетъ эту должность не только передать въ пользованіе, но и продать. Другою грамотою отъ того же года Ивану Новокрещенному отданы были *пожизненно* доходы съ питей въ г. Минскѣ, въ вознагражденіе сдѣланной имъ надбавки въ 50 к. гр. къ откупной суммѣ, такъ что казна в. князя должна была получать по 200 к. гр. въ годъ вмѣсто прежнихъ 150 [3]). Иванъ Новокрещенный скоро воспользовался предоставленными ему правами: 7 ноября того же 1503 г. [4]), мы встрѣчаемъ уже Аврама Езофовича съ титуломъ войта минска-

„штожъ онъ (Аврамъ Езофовичъ) въ тыи лѣта, часу нахоженья непріятельскаго на граничные замки и мѣста наши, завжды заслуговалъ намъ, *крови своее и горла своего не минуючи*“.

[2]) Акты зап. Рос. т. I, № 165.

[3]) М. Л. Зап., VI f. 224, объ этомъ мы заключаемъ изъ словъ грамоты: „*перво сего* дали ему (Ивану), говоритъ король, войтовство Менское со всими платами и доходами“. Сверхъ того: въ 1499 г. Иванъ, Федоръ и зять его Петръ мытники путивльскіе ходатайствуютъ о передачѣ имъ смоленскаго мыта въ Смоленскѣ, предлагая за него в. князю надбавку въ 300 злотыхъ (М. Л. Зап., VI, f. 176) въ чемъ и успѣваютъ, такъ какъ мыто и корчма смоленскіе находятся въ ихъ рукахъ уже въ 1500 г. Но Иванъ Новокрещенный въ томъ же году вмѣстѣ съ женою и дѣтьми попадаетъ въ плѣнъ къ москвичамъ, изъ котораго возвращается въ Литву лишь въ 1502 г., т. какъ ему и его товарищамъ даются въ возмѣщеніе ихъ убытковъ нѣкоторыя льготы грамотою отъ 12 января 1502 г. (М. Л. Зап. VI, f. 202 (b), поэтому мы предполагаемъ, что войтовство было пожаловано ему одновременно съ передачею мыта въ Смоленскѣ, п. ч. трудно предположить, чтобы сейчасъ по возвращеніи изъ плѣна, потерпѣвъ убытки въ таможенныхъ доходахъ отъ войны и въ питейномъ откупѣ отъ смоленскаго гарнизона, который въ теченіи 2-хъ лѣтъ мѣшалъ ему съ товарищами пиво варить и медъ сытить (ibid), Иванъ Новокрещенный могъ бы заплатить за войтовство сколько нибудь значительное „челобитье“. А безъ это о полученіе войтовства было немыслимо въ XV в.

[3]) М. Л. Зап. VI, f. 447.

[4]) Ibidem, 523.

го. Но Иванъ Новокрещенный продалъ только свое войтовство Нитейный откупъ, несмотря на грамоту короля, остается въ рукахъ Аврама Езофовича. Не Иванъ Новокрещенный, а Аврамъ представляетъ въ 1505 г., октября 12, отчетъ съ откупныхъ доходовъ минскихъ за $3^1/_2$ года, т. е. съ 12 апрѣля 1502 г. [1]).

Удержавъ за собою въ 1502 г. минскій питейный откупъ, Аврамъ Езофовичъ успѣваетъ въ слѣдующемъ году 7 ноября получить на откупъ таможенныя пошлины въ Смоленскѣ за 1080 к. гр. [2]), а черезъ двѣ недѣли, т. е. 20 ноября 1503 г. присоединить къ таможеннымъ доходамъ питейный откупъ въ Смоленскѣ, то и другое на три года за 2,400 к. гр. „дробное личбы, за грошъ по 2 полугрошки [3]), або по 10 пенезей“.

Если попытка Ивана Новокрещеннаго перебить у Аврама Езофовича питейный откупъ въ Минскѣ оказалась неудачною, то, наоборотъ, Аврамъ Езофовичъ успѣваетъ въ 1503 г. перебить смоленскій откупъ у виленскаго мѣщанина Андрея Тихаго.

Въ промежутокъ между 1496 и 1505 гг. Аврамъ Езофовичъ успѣваетъ сдѣлаться и смоленскимъ старостою, такъ какъ съ этимъ титуломъ мы встрѣчаемъ его въ актахъ 12 октября 1505 года [4]).

Должность старосты въ Смоленскѣ имѣла совершенно особый характеръ, далеко непохожій на должность остальныхъ польскихъ и литовскихъ старостъ. Подъ именемъ старосты разумѣлось въ XVI в. въ Литвѣ и въ Польшѣ должность, существенныя черты которой вытекали изъ управленія какимъ либо изъ населенныхъ в. княжескихъ помѣстій, дворовъ, державъ съ принадлежащею къ нимъ волостью. Въ Смоленскѣ же должность

[1]) Ibidem, f. 232.

[2]) Ibidem, f. 523.

[3]) Вотъ, слѣдовательно, когда уже существуютъ въ Литвѣ полугрошки, несмотря на заявленіе г. Вольфа и его ссылки на Загоровскаго и на несуществующіе въ Метрикѣ акты. Г. Вольфъ въ подкрѣпленіе словъ Загоровскаго ссылается на книгу Зап. VIII, f. 110; но на этомъ листѣ кромѣ напечатаннаго у меня документа нѣтъ болѣе ничего, а слѣдовательно нѣтъ ничего о полугрошкахъ.

[4]) М. Л. Записей, VI, f. 482.—Въ Судомирѣ, октября 12, индикта 9 (1505). Марш. господарскій дворный, намѣстникъ бѣлицкій и утеньскій кн. Мх. Льв. Глинскій принимаетъ отчетъ отъ *старосты* и мытника смоленскаго Аврама.

старосты равнозначительна должности войта магдебургскихъ городовъ, главы мѣщанскаго населенія города. Въ этомъ мы легко убѣдимся, если обратимъ вниманіе:

Во 1), на порядокъ, въ которомъ исчислены должностныя лица смоленской области: король обращается къ намѣстнику смоленскому, епископу (православному), окольничимъ, казначею смоленскому и, наконецъ, *къ старостамъ*. Староста такимъ образомъ стоитъ ниже всѣхъ. Иногда, впрочемъ, староста не упоминается и вовсе, какъ, напр., въ 1498 г. мая 15 [1]) въ оповѣщеніи в. князя тѣмъ же властямъ объ отдачѣ питейнаго откупа въ Смоленскѣ смоленскимъ же мѣщанамъ, несмотря на то, что *староста* въ это время несомнѣнно существовалъ, такъ какъ въ 1497 г.[2]), 1500 [3]), 1502 гг.[4]) мы встрѣчаемъ его въ правительственныхъ актахъ. Итакъ, въ Смоленскѣ староста не только не былъ начальникомъ замка и тянувшей къ нему области, какъ, напр., въ Брестѣ, Гродно и т. д., но стоялъ ниже казначея и окольничихъ.

Во 2), староста смоленскій всегда упоминается рядомъ съ мѣщанами: такъ, въ 1497 г. *староста* мѣста Смоленскаго и *вси мьщане* жаловались на епископа смоленскаго Іосифа, что онъ „много людей въ мѣстѣ (т. е. въ мѣщанской части города) мѣлъ а въ томъ мѣсту... шкода была“. Въ 1500 г. *староста* г. Смоленска бьетъ в. князю челомъ съ мѣщанами отъ всего „мѣста (города) Смоленскаго“; тоже и въ 1503 г., при чемъ „*мьсто*“, т. е. городъ ясно отличается отъ *замка* [5]), что существовало и въ дѣйствительности [6]).

[1]) М. Л. Зап., VI, f. 171 (b).

[2]) Акты З. Р. т. I, № 144, 1 и 2.

[3]) Ib. № 182.

[4]) Ib. № 199.

[5]) Акты З. Р. т. I, № 182. „Били намъ челомъ: староста мѣста Смоленского и вси мѣщане, *отъ всего мьста Смоленского*“. Ib. № 199. „Староста мѣста См. и вси мѣщане... повѣдили, што въ тыми рады *тое мьсто нашо Смоленское скарано* и люди вси зграблены отъ служебныхъ нашихъ которые *тамъ жо у Смоленску, на замку нашомъ мьшкаютъ*“.

[6]) *A. Gwagnini*. Rerum Polanicarum etc. Frcf. 1584.

Smolensko civitas ingens et insignis, ad Boristhenem fluvium *arcem ex roboribus* aedificatum in ulteriori fluminis ripa habet.... *civitas ipsa* in vallo sita est, collibus undique, silvis vastissimis cingitur.

Принимая во вниманіе болѣе раннюю службу Аврама Езофовича въ должности городничаго ковенскаго, мы можемъ съ вѣроятностію предположить, что должность старосты смоленскаго была дана ему за заслуги.

О большей доходности смоленскаго староства не только сравнительно съ ковенскимъ и другими городничествами, но даже и со многими литовскими староствами мы заключаемъ изъ того, что ковенское городничество дано Ваську Дашковичу подъ условіемъ только *ремонта* замковыхъ укрѣпленій [1]), городничество троцкое даровано королемъ Александромъ въ пожизненное владѣніе Богушу Боговитиновичу за 140 копъ грошей [2]), новгородское *городничество* и ключничество предоставлено воеводѣ новгородскому Я. Я. Заберезинскому въ возмѣщеніе ремонта замка и обязанности „подымать короля стацею всякою на кухню пашу и на оброки (?) а конемъ сѣна и овса достатокъ дати, поки въ *Новгородѣ* будемъ мѣшкати“ [3]). Между тѣмъ смоленскій мѣщанинъ Олисей Лисневъ заплатилъ отъ *староства смоленскаго* королю Александру и его приближеннымъ 250 к. гр. [4]). Около того же времени за староство берестейское съ ключомъ берестейскимъ, т. е. за право управленія и суда въ брестской волости Юр. Ив. Илиничъ даетъ королю „челомбитья“ всего 300 золотыхъ, т. е. около 150 к. гр. [5]).

Первый актъ, въ которомъ Аврамъ Езофовичъ опредѣленно названъ смоленскимъ старостою, относится къ 12 октября 1505 г., гдѣ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ названъ и мытникомъ смоленскимъ [6]); а уже въ предъидущемъ 1504 г., іюня 18, король Александръ жалуетъ ему за вѣрную и безупречную службу имѣнье *Войдуны* въ виленскомъ повѣтѣ [7]). Пожалованное имѣнье было довольно

[1]) Зап. № VIII, f. 411 (b).

[2]) Ibid., f. 371.

[3]) Зап. № VIII, f. 339, отъ 1509 г.

[4]) Зап. № VIII, f 98 (b).

[5]) Ibid , f. 346, отъ 1510 г.

[6]) М. Л. Запис., VI, f. 482.

[7]) Записей № XXXVII, f. 465. Изъ позднѣйшаго перечисленія привилегій на имѣнія вдовы п. троцкаго Мык. Юревича, проданныя ею королю Сигизмунду Августу, между прочимъ: „Листъ короля Александра *на пергаминѣ, съ печатью*

незначительнаго размѣра, а именно 8 тяглыхъ службъ и 8 пущъ. Однако пожалованіе это было важно въ томъ отношеніи, что сопровождалось дарованіемъ Аврааму Езофовичу шляхетскаго званія; а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вводился въ число земянъ, вступалъ въ составъ литовской осѣдлой шляхты землевладѣльцевъ. При слѣдующемъ пожалованіи король называетъ Аврама Езофовича уже не просто Аврамомъ, а *шляхетнымъ* Аврамомъ Езофовичемъ [1]).

Мы привели выше цѣлый рядъ документовъ за десятилѣтній періодъ жизни Аврама Езофовича. Читатель изъ нихъ уже могъ убѣдиться, насколько основательны сѣтованія г. Вольфа на отсутствіе матеріаловъ. Но этого мало. Изъ сопоставленія приведенныхъ имъ данныхъ съ иными документами той же Метрики представится полная возможность опредѣлить существенныя черты нравственной физіономіи Аврама Езофовича уже въ этотъ, такъ сказать подготовительный, періодъ его дѣятельности. Происходя изъ богатаго семейства откупщиковъ, Аврамъ Езофовичъ, выросши въ кіевской области, успѣваетъ сочетать въ своей личности тѣ существенныя черты характера, которыя пролагали въ его время дорогу къ высшимъ должностямъ въ государствѣ, т. е. искусство пріобрѣтенія съ личною отвагою и преданностію своему государю.

Сравнивая списки литовскихъ должностныхъ лицъ XV и XVI в., мы замѣчаемъ, какъ мало по малу изъ рядовъ литовской аристократіи изчезаютъ древнія княжескія фамиліи, уступая мѣсто неродовитымъ, нетитулованнымъ представителямъ низшей шляхты.

Что именно эти качества цѣнятся болѣе всего въ Литвѣ въ концѣ XV и началѣ XVI в., это объясняется лучше всего тѣми политическими условіями, въ которыя была поставлена въ это время Литва.

завысистою, въ которомъ пишетъ, изъ за вѣрныя а справедливые службы Аврама Езофовича далъ ему имѣнье у Виленскомъ повѣтѣ на имя Войдуны зъ людми въ томъ же листѣ имены описаными служобъ 8, а къ тому пустовщинъ 8. Дата того листа 1504 г., мц. іюля 18 дня". Что эта грамота не тождественна съ позднѣйшею, это видно изъ того, что это послѣдняя показана особо и съ указаніемъ на присоединеніе къ пожалованному „острова ловищъ" королевскихъ.

[1]) Наши „Док. и рег." т. I, № 42.

Сверженіе татарскаго ига, присоединеніе Новгорода и Пскова, уничтоженіе послѣднихъ удѣловъ не окончили еще многовѣковой задачи—собиранія Руси: взоры в. князей московскихъ обратились на западъ. Тамъ за литовскимъ рубежомъ лежали древнѣйшія владѣнія Рюриковичей. Со времени паденія рязанскаго княжества борьба съ Литвою стала неминуема: границы московскаго государства и Литвы столкнулись. Между тѣмъ многолѣтнее мирное царствованіе Казиміра Ягеллона ослабило въ значительной степени боевую годность литовской шляхты. Съ другой стороны, успѣхи военнаго искуства вообще выдвигали на первый планъ значеніе спеціальныхъ родовъ войскъ, въ особенности же артиллеріи. Для отпора московскимъ государямъ требовалось, съ одной стороны, возведеніе и поддержаніе цѣлаго ряда пограничныхъ крѣпостей, а съ другой постоянное отбываніе тяжелой сторожевой и гарнизонной службы отъ всего, обязаннаго воинскою повинностію, пограничнаго населенія. Результатомъ такого рода условій мы видимъ, что в. князья по необходимости даруютъ цѣлый рядъ льготныхъ грамотъ пограничнымъ землямъ. Льготы эти естественно идутъ въ ущербъ правамъ центральной власти, т. к. слагаются изъ уступокъ мѣстнымъ, обязаннымъ службою землевладѣльцамъ того или инаго в. княжескаго права.

Такимъ образомъ расширяются права вотчинниковъ. Но это расширеніе ихъ правъ неминуемо лишаетъ в. княжескую казну того или иного источника доходовъ. Поэтому князьямъ не остается ничего иного, какъ пополнять дефицитъ широкою раздачею населенныхъ земель. Раздачи же эти, практикуемыя безъ всякой системы, при отсутствіи точныхъ свѣдѣній о томъ, что дано въ вотчину и что въ помѣстье, вели къ обращенію сплошь и рядомъ помѣстій въ вотчины. Правда, всякій вотчинникъ долженъ былъ доказывать свои права письменными домументами, но такъ какъ весь административный организмъ в. княжества слагался изъ крупныхъ землевладѣльцевъ, то понятно само собою, что провѣрка основанія и пространства правъ литовскихъ помѣщиковъ была крайне проблематична. Занятые въ это же время польскими дѣлами, в. князья и не пытались до самаго Сигизмунда I произвести подобнаго рода провѣрку. Когда же Сигиз-

мундъ I попробовалъ произвести провѣрку правъ землевладѣльцевъ, приказавъ имъ представить свои привилегіи, то въ большей части Литвы требованіе это разбилось о глухое сопротивленіе шляхты, дѣйствовавшей на этотъ разъ съ замѣчательнымъ единодушіемъ [1]).

Громадныя территоріальныя потери в. князя Александра, отсутствіе въ теченіи всего XVI в. прочнаго мира съ Москвою, постоянныя войны съ крымскими татарами, угрожающее положеніе турокъ, ненадежность нѣмецкаго ордена—все это требовало такого увеличенія военныхъ силъ, на которое никакъ не могли разсчитывать в. князья. Поэтому то для противодѣйствія москвичамъ Литвѣ приходилось напрягать всѣ свои силы, нужны были деньги, много денегъ. Пушкари требовали за свои услуги огромныхъ денегъ, не меньшаго мастера, приготовлявшіе селитру, и т. д., и все это приходилось выплачивать изъ за границы,—изъ Польши, Богеміи и т. д. Наемныя войска впервые появляются въ Литвѣ при Сигизмундѣ I. Содержаніе ихъ ложится тяжкимъ бременемъ на литовское казначейство; достаточно привести тотъ фактъ, что на уплату жалованья наемнымъ войскамъ напр. въ 1530 г. издержано около 15,000 копъ грошей, т. е. болѣе половины обыкновеннаго государственнаго бюджета, между тѣмъ наемники составляли всего 4,000 человѣкъ на 18,000 человѣкъ помѣстнаго войска. Жалованье не только спеціальнымъ родамъ войска было велико, но и простые кавалерійскіе солдаты получали на готовомъ содержаніи до 5 копъ на человѣка, т. е. до 300 рублей на наши деньги. Поэтому хотя Рада и писала къ в. князю: „Яко Ваша милость почали служебные въ здѣшнемъ панствѣ Вашой милости хавати и што кольвекъ В. м. намъ, слугамъ Вашимъ, розказали на тыи служебныи дати, ничимъ есми не были вымовны, даючи серебщины и поголовщины [2])“, тѣмъ не менѣе и чрезвычайныхъ налоговъ оказывалось недостаточно. При отсутствіи же государственнаго кредита, казнѣ приходилось добывать деньги не иначе, какъ на

[1]) М. Л. Переписей, VI. А. Ревизія волынскихъ замковъ.

[2]) М. Л. Запис. № VII, f. 411.

тяжелыхъ условіяхъ, не иначе, какъ подъ закладъ драгоцѣнностей или же залогъ государственныхъ имуществъ. Несмотря, далѣе, на постоянныя старанія казны замѣнить натуральные платежи деньгами, доходы в. княжества въ концѣ XV и началѣ XVI в. все еще въ значительной степени поступали натурою: медомъ, воскомъ, мѣхами, хлѣбомъ и т. д. А деньги становились ежеминутно все болѣе и болѣе нужны. Поэтому то лицу, умѣвшему успѣшно обращать сырье въ деньги, лицу съ готовымъ денежнымъ капиталомъ, Литва представляла въ это время широкое поле для осуществленія самыхъ розовыхъ надеждъ. Замѣтимъ, однако,—подъ однимъ непремѣннымъ условіемъ: чтобы денежная сила подкрѣпляема была непремѣнно личною отвагою. Таковъ былъ вѣкъ. Да и самыя деньги требовались прежде всего для защиты государства. Мы видимъ поэтому, что неизвѣстныя дотолѣ лица,—шляхтичи и не шляхтичи, благодаря соединенію только что указанныхъ требованій, быстро достигаютъ значенія и почестей въ государствѣ. Къ числу такихъ „новыхъ людей“ принадлежалъ какъ Аврамъ Езофовичъ, такъ равно и два ближайшіе его преемника—Богушъ Боговитиновичъ и Иванъ Горностай: начавъ службу при королѣ Казимірѣ сначала дворяниномъ, а затѣмъ дьякомъ, Богушъ Боговитиновичъ становится въ княженіе Александра Казиміровича трокскимъ городничимъ, по вступленіи на престолъ Сигизмунда I—державцею довкговскимъ, затѣмъ каменецкимъ, писаремъ, и наконецъ подскарбіемъ земскимъ в. княжества литовскаго. Его ловкость въ увеличеніи своего имущества по истинѣ изумительна: одно великокняжеское имѣніе за другимъ переходятъ къ нему то въ собственность, то въ залогъ, то въ державу. А умирая, Богушъ Боговитиновичъ не только оставляетъ своей женѣ и дѣтямъ громадное состояніе, свободное отъ всякихъ долговъ, но еще дѣлаетъ подарокъ в. князю за опеку надъ остающимися вдовою и сиротами; подарокъ въ 5,000 к. гр. т. е. въ 300,000 руб. на наши деньги, кромѣ уступки всѣхъ суммъ, выданныхъ подъ залогъ королевскихъ имѣній. Что огромное имущество Богуша Боговитиновича было плодомъ его личной энергіи, видно всего лучше изъ того,

что отецъ его п. Боговитинъ и братъ Иванъ Боговитиновичъ обладаютъ сравнительно незначительнымъ имуществомъ [1]).

Такимъ же путемъ идетъ и преемникъ Богуша Боговитиновича Горностай. Въ 1486 г. мы встрѣчаемъ его кіевскимъ ключникомъ [2]), въ 1506 г. въ числѣ иныхъ дворянъ и дьяковъ онъ ѣдетъ на Волынь для производства переписи [3]). Мало по малу служебное положеніе Горностая подымается: онъ становится писаремъ, державцею дорсунинскимъ и слонимскимъ, маршалкомъ и, наконецъ, преемникомъ Богуша Боговитиновича и воеводою повгородскимъ [4]). Такимъ же путемъ шелъ и предшественникъ Аврама Езофовича—Ѳедько Хребтовичъ: въ 1463 г. онъ только дьякъ господарскій [5]), въ 1496 г.—онъ уже писарь [6]), и въ началѣ XVI вѣка онъ уже состоитъ подскарбіемъ земскимъ в. княжества литовскаго [7]).

Сверхъ имѣнія Войдуны Аврамъ Езофовичъ получилъ отъ короля Александра имѣніе Волутину гору, принадлежавшее ранѣе смоленскимъ мѣщанамъ Волутинцамъ вмѣстѣ съ небольшимъ селомъ на Стыганцы. Все это вмѣстѣ составляло одну „службу", т. е. совокупность земель и угодій, обязанныхъ въ пользу в. князя тѣми или иными податьми и повинностями. Судя по незначительнымъ размѣрамъ этого имѣнія, состоявшаго изъ одной только тяглой службы, и потому, что обращеніе онаго въ вотчину произошло гораздо позже, мы въ правѣ предположить, что пріобрѣтеніе этого имѣнія относится къ весьма раннему періоду дѣятельности Аврама Езофовича въ Смоленскѣ. Это имѣніе составляло часть болѣе обширнаго, лежавшаго въ смоленскомъ повѣтѣ,

[1]) М. Л. Публич. Дѣлъ № I, f. 193. Здѣсь мы видимъ Б. Боговитиновича на родинѣ, на Волыни: онъ ставитъ со своихъ имѣній 14 тяжело вооруженныхъ всадниковъ, братъ его 15, а отецъ 7. Между тѣмъ, какъ членъ Рады, Богушъ Боговитиновичъ, сверхъ волынскихъ имѣній, ставитъ еще 64 тяжело вооруженныхъ всадниковъ. Что имущества эти не принадлежали женѣ, это видно изъ духов. завѣщ. Б. Б. Акты юж. и з. Р. т. I, № 91.

[2]) М. Л. Зап. IV, f. 19 (b).

[3]) Ib. Зп. VIII, f. 291.

[4]) Бершадскій. Литовскіе евреи, стр. 287, примѣч. 62.

[5]) Метр. Литов. Зап. IV, f. 1. Ѳедковъ реестръ.

[6]) Ib. Зап. VI. 552. Пр. Ѳедку писарю.

[7]) Ib. Зап. VIII, f. 414.

села Подгорскаго, въ составъ котораго Волутина гора входила подъ именемъ „тяглой службы Евсюкова на Волутиной горѣ“, все же „село“ состояло изъ 4 панцырныхъ службъ и 2-хъ тяглыхъ“ [1]). Сверхъ только что упомянутыхъ имѣній Аврамъ Езофовичъ получилъ еще въ минскомъ повѣтѣ дворецъ (т. е. хуторъ, фольваркъ) Шейничи на рѣкѣ Свислочи съ двумя службами [2]).

Для опредѣленія хотя приблизительныхъ размѣровъ этихъ имѣній мы должны сказать нѣсколько словъ о терминѣ „служба“, которымъ сопровождаются всѣ эти пожалованія.

Подъ именемъ „службы“ разумѣлась въ Литвѣ совокупность самыхъ разнообразныхъ по мѣсту и времени обязанностей, лежавшихъ на томъ или иномъ участкѣ земли. По характеру этихъ обязанностей различались службы своими названіями и размѣромъ земли. Главные роды службы, извѣстные въ Литвѣ, были службы „панцырныя“ и „тяглыя“. Какъ первый, такъ и второй родъ распадался на множество видовъ.

Панцырная служба, или служба конемъ, военная, шляхетская, состояла въ обязанности по первому требованію в. князя являться въ панцырѣ и на конѣ въ назначенное мѣсто и время. Тяглая служба состояла въ обязанности вносить въ казну опредѣленное мѣстными обычаями количество податей и отбывать тѣ или иныя повинности, напр. подводную, постоялую, дорожную и т. д. Главнымъ признакомъ тяглой службы былъ платежъ т. наз. „дякла“ (annona ducalis), т. е. опредѣленной мѣры ржи, овса и сѣна въ казну. Тяглая служба предполагала живущаго на ней „простого“ человѣка [3]), панцырная—„боярина“.

Сообразно отсутствію замкнутости сословій въ Литвѣ, до самой люблинской уніи между панцырною и тяглою службою существовалъ рядъ переходовъ: „служба щитная“, „служба ну-

[1]) М. Л. Зап. VIII, f. 164 (b). „Въ Смоленскомъ повѣтѣ дано ему (Аврааму Езофовичу) село Подгорское 6 службъ: 4 панцырныя и 2 тяглыя, на имя Евсюкова на Валутиной горѣ, а Орибѣзова, а Жаворонково, а Бобровниково, а Дмитрово Стрыйголниково, а Михайлово Сениково“.

[2]) Такъ мы заключаемъ изъ словъ грамоты, „А у Менскомъ повѣтѣ на рѣцѣ по Свислочи (дворецъ) на имя Шейничи, а *Нефеда* съ сыны, а *Малявку Семеновича* съ братею“.

[3]) (b) М. Л. Суд. VI f. 102.

тная", „ловецкая", съ другой стороны тяглыя службы принимали по мѣстнымъ условіямъ разнообразный характеръ: „соленицкая", „бытовницкая", „рудницкая" и т. д., при чемъ повинности могли носить или совершенно спеціальный характеръ, т. е. съ угольницкой могъ быть, напр., доставляемъ только уголь, съ рудницкой—желѣзо, съ соляницкой—соль, или же эти повинности могли быть соединяемы еще и съ иными, напр., съ двухъ службъ бобровниковъ одно дякло, съ угольницкой по кабану и т. д.; все это мы видимъ, напр., въ королевскомъ дворѣ Волковыйскомъ въ началѣ XVI в. [1]). При чемъ нѣкоторые изъ этихъ „простыхъ" тяглыхъ людей обязаны являться на войну со своимъ „державцею" разумѣется, легко вооруженные.

Изъ сказаннаго очевидно, что размѣры панцырной и тяглой службы не только различались по временнымъ и мѣстнымъ условіямъ, напр. плодородію, количеству угодій и т. д. [2]), но и по характеру податныхъ отношеній и по количеству земли.

Панцырная служба, т. е. обязанность являться на конѣ въ тяжеломъ вооруженіи, панцырѣ, считалась тяжелою обязанностью, а потому земли, пожалованныя в. князьями съ обязанностью нести эту службу на свой счетъ, обыкновенно освобождались отъ всякихъ иныхъ повинностей. Затѣмъ, по размѣру земли эти равнялись большею частію нѣсколькимъ тяглымъ службамъ. Обыкновенно признавалось за общее начало, что одинъ тяжеловооруженный, т. е. взрослый мужчина („пахолокъ") въ панцырѣ и шлемѣ, съ мечомъ и копьемъ, на хорошемъ конѣ, цѣною не ме-

---

[1]) М. Л. Зап. VII, f. 648.

[2]) Вотъ, напримѣръ, что понималось подъ службою въ началѣ XVI в: татаринъ Майко Богдановичъ Тауновичъ продаетъ „посполь съ женою и съ дѣтьми" у селѣ у Броницахъ (новгородск. повѣта) „*службу людей* на имя Бориса и брата его Мартина Наумовича, и съ ихъ дѣтьми и со всими *землями*, и съ *гаи*, и *сѣножатыми*, и съ поплатками и съ службами, ничого на себе не зостовляютъ, за 25 копъ грошей", т. е. на современныя деньги около 1,500 руб. Или вотъ другой примѣръ: Сенько Терешковичъ, возражая золотовлянамъ, людямъ Дубровенскаго пути, „объясняетъ, что „избъ тыхъ отчичовъ на томъ сельци (Золотовичи) только 5, а *другая пять* истобокъ прихожихъ людей, *дольничниковъ* ихъ. А живутъ уводномъ мѣсти на томъ же сельци, а *служба съ того села идетъ панцырная*. Март. 27, Витебскъ, индикть 15 (т. е. 1495 г.) М. Л. Зап. III, f. 89.

нѣе 5 копъ грошей (т. е. 300 руб.), можетъ быть поставленъ безъ отягощенія съ *восьми* тяглыхъ службъ.

И мы видимъ, что большинство литовской шляхты обладаетъ этимъ минимальнымъ размѣромъ: такъ какъ, напр., въ переписи 1528 г. число лицъ, не имѣющихъ восьми тяглыхъ службъ представляется весьма незначительнымъ. Мы въ правѣ, далѣе, предположить, что панцырная служба въ среднемъ размѣрѣ равнялась не менѣе, какъ 5 тяглымъ службамъ т. к. въ критическіе моменты государственной жизни шляхта ставила тяжело вооруженныхъ и съ 5 тяглыхъ службъ.

Изъ другихъ данныхъ мы видимъ, что *тяглая служба* по своимъ размѣрамъ приравнивалась *къ населеной „волокъ“* земли, т. е. 20 десятинамъ[1]), или же двумъ дворамъ („дымамъ“).

Что таковъ былъ размѣръ панцырныхъ службъ въ смоленскомъ повѣтѣ, въ этомъ мы убѣждаемся изъ переписи смоленскихъ князей, бояръ, слугъ панцырныхъ и щитныхъ конца XV в.[2]); напр., въ дубровенскомъ пути считалось „панцырныхъ слугъ“ 131 человѣкъ, но всѣ они составляли только 11 службъ, т. е. на одну службу приходилось среднимъ числомъ около 12 человѣкъ. Что дѣйствительность не рознилась отъ этого вычисленія, возьмемъ, напр., панцырную службу въ мацинскомъ *пути:* „Ахоня Лесутиничъ самъ *пять* чоторы брата въ него, *все слуги добрыи*, а дядя ихъ Ѳома, а *пять* сыновъ у него, а *все молодцы, у подъль, а служба одна*“, слѣдовательно на панцырномъ участкѣ находятъ возможность жить 11 семей.

Такимъ образомъ уже къ началу царствованія Сигизмунда I Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ принадлежалъ къ числу среднихъ землевладѣльцевъ Литвы, т. е. ставилъ на военную службу 6 тяжело вооруженныхъ всадниковъ, или владѣлъ около 1,200 десятинъ населенной земли. Если мы прибавимъ доходы отъ минскаго войтовства, т. е. третью часть всѣхъ судебныхъ по-

---

[1]) М. Л. Записей 47, f. 119, отъ 1567 г., сравни также жалобы волынской шляхты въ 1545 г. на то, что „завжды суть неравно бо́льшіи *службы* литовскіи, нижели наши *дворища* волынскіи“, М. Л. Переписей VI в. „Попись волынскихъ замковъ“.

[2]) М. Л. Зап. IV, f. 155 и слѣд. до 168 (b).

пошлинъ и штрафовъ, право имѣть одинъ не подлежащій акцизу питейный домъ, затѣмъ доходы отъ смоленскаго староства, откупъ таможенныхъ доходовъ и т. д., то станетъ естественно, что уже въ началѣ XVI в. Аврамъ Езофовичъ становится замѣтною величиною среди литовской служилой шляхты.

Проживая въ Смоленскѣ, Аврамъ Езофовичъ не покидалъ однако изъ виду Ковно.

III.

Полученное Аврамомъ Езофовичемъ отъ короля Александра обѣщаніе ковенскаго таможеннаго откупа.—Восшествіе на в. княжескій престолъ Литвы Сигизмунда Ягеллона.—Поддержка виленскаго бискупа Войтеха Табора въ полученіи Аврамомъ Езофовичемъ таможеннаго откупа въ Ковнѣ.—Обстоятельства, при которыхъ этотъ откупъ былъ уступленъ Кгрекгелю.—Несостоятельность этого откупщика.—Переходъ ковенскаго таможеннаго откупа въ руки Авраму.—Полученіе Аврамомъ таможенныхъ откуповъ въ Минскѣ и Новгородкѣ.—Конкурренты Аврама на полученіе смоленскаго таможеннаго откупа.—Андрей Тихій, бывшій минцарь виленскій.—Устраненіе этого соперника.—Переходъ въ руки Аврама таможеннаго откупа и въ Смоленскѣ.—Примиреніе Аврама съ Андреемъ Тихимъ.—Подтвержденіе Авраму всѣхъ его пожалованій и пріобрѣтеній.—Реализація Аврамомъ откупныхъ договоровъ.—Ковенская таможня.—Провѣрка ея доходовъ.—Отказъ Аврама Езофовича въ пользу казны отъ убыточныхъ для нея откупныхъ договоровъ.—Проекты, предложенные Аврамомъ королю относительно управленія ковенской таможнею.—Колебанія Сигизмунда I.—Его неполное довѣріе къ Авраму.—Блистательное оправданіе заявленій Аврама опытомъ со смоленскими питейными доходами.—Поступленіе доходовъ на ковенской таможнѣ.—Счеты, предъявленные королю служебными людьми въ 1508 г.—Затруднительное финансовое положеніе короля.—Появленіе Аврама съ доходами съ ковенской таможни.—Отчетъ о приходѣ суммъ на этой таможнѣ въ 1507—8 гг.—Долгъ короля Авраму.—Передача ему для покрытія долга восковыхъ пошлинъ въ Смоленскѣ и Полоцкѣ.—Разсчетъ короля съ Аврамомъ Езофовичемъ въ іюлѣ 1509 г. въ Краковѣ.—Назначеніе Аврама Езофовича управляющимъ монетнымъ дворомъ.—Поземельныя пожалованія короля Сигизмунда Авр. Езофовичу.

Важная перемѣна, происшедшая въ началѣ XVI ст. въ направленіи торговли солью, вслѣдствіе враждебныхъ отношеній Литвы къ Крыму, не ушла отъ вниманія Аврама Езофовича. Поэтому то онъ въ 1506 г. іюня 10 не задумывается предложить королю Александру за таможенный откупъ въ Ковно 603 копы грошей безъ 10 грошей, и 20 поставовъ сукна люньскихъ и новогоньскихъ, т. е. около 50,000 руб. на наши деньги. Оче-

видно, произошла громадная перемѣна въ торговомъ движеніи, такъ какъ не болѣе 10 лѣтъ назадъ всѣ таможенные доходы въ Ковнѣ были отданы минцерю Шлакиру за 450 к. гр.[1]), т. е. ровно за половину. Получивъ право сбора таможенныхъ пошлинъ на одинъ годъ, Аврамъ ничуть не сомнѣвается черезъ самый короткій промежутокъ времени занять королю Александру еще 1,200 злотыхъ[2]).

При возшествіи на престолъ в. князя Сигизмунда Казиміровича первою заботою Аврама Езофовича было укрѣпленіе за собою того служебнаго и имущественнаго положенія, которое онъ пріобрѣлъ въ царствованіе Александра Ягеллона.

Вокняженіе Сигизмунда на литовскомъ престолѣ при затруднительныхъ обстоятельствахъ внѣшнихъ и внутреннихъ и занятіе имъ вскорѣ польскаго престола, понятно, отложили на значительное время подтвержденіе правъ, дарованныхъ различнымъ лицамъ его предшественниками. Ограничившись наиболѣе важными дѣлами, подтвердивъ и расширивъ 7 декабря въ Гродно земскую привилегію Литвы, обезпечивъ пограничные города посылкою въ нихъ надежныхъ лицъ, в. князь ограничился уплатою нѣкоторыхъ наиболѣе нетерпящихъ долговъ и подтвержденіемъ незначительнаго числа привилегій. Только послѣ коронаціи въ Краковѣ Сигизмундъ Казиміровичъ, теперь уже Сигизмундъ I, король польскій и великій князь литовскій, приступаетъ къ обычному подтвержденію привилегій, грамотъ, раздачѣ должностей, откуповъ, уплатѣ жалованья и т. д.

Ранѣе заботъ о подтвержденіи какихъ либо иныхъ правъ, Аврамъ Езофовичъ торопится возстановить данное ему королемъ Александромъ право на таможенный откупъ въ Ковно, такъ какъ в. князь Сигизмундъ успѣлъ отдать уже этотъ откупъ нѣмцу Габріелю Кгрекгелю. Заручившись поддержкою виленскаго бискупа Войтеха Табора, перваго члена Рады, Аврамъ Езофовичъ прислалъ къ королю въ Краковъ: во 1) обязательство короля Александра и Рады в. княжества литов. на 600 коп

[1]) М. Л. Зап. VI, 169. Городно, марта 1, индикта 14 (1496 г.).

[2]) Т. е. 440 коп грошей, такъ какъ въ это время злотый считался въ 22 литовскихъ гроша.

грошей, 10 поставовъ сукна луньскаго и 10 новогоньскаго, взятыя у него для государственныхъ нуждъ („ку потребѣ земской“); во 2) такое же обязательство на 1,200 злотыхъ, взятыхъ у него наличными деньгами [1]); въ 3) грамоту короля Александра, данную Авраму на таможенный откупъ въ Ковно въ теченіи 2-хъ лѣтъ [2]).

Представляя эти документы, Аврамъ Езофовичъ ходатайствовалъ о возстановленіи дарованныхъ ему правъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и виленскій бискупъ обращался къ королю съ письмомъ, чтобы король Аврама „въ томъ мытѣ не рушилъ“.

Ковенскій таможенный откупъ былъ отданъ Кгрекгелю подъ вліяніемъ настоятельнѣйшей государственной нужды,—въ то время, когда, вступивши на великокняжескій престолъ, Сигизмундъ Казиміровичъ торопился увѣдомить объ этомъ фактѣ сосѣднихъ государей: в. князя московскаго и крымскаго хана. Значительны были расходы на посольство въ Москву [3]), но гораздо еще большіе для Крыма.

Размѣръ этихъ упоминковъ былъ значителенъ уже въ 1501 г. [4]), въ виду же войны съ татарами въ 1506 г. в. князь Сигизмундъ имѣлъ полное основаніе опасаться, что татары не пропустятъ удобнаго момента для репрессій. Поэтому Сигизмундъ рѣшился значительно повысить количество упоминковъ [5]). И ко-

---

[1]) M. Л. Зап. VIII, f. 88 (b). „Готовыми пенезьми за золотый беручи по 20 и по 2 грошп“.

[2]) Ibid. „Рочокъ отъ середопостя прійдучого до того жъ року середопостя кот. будетъ индикта 12“, т. е. съ 1507 по 1509 годъ.

[3]) M. Л. Зап. № VIII, f. 414. „Ѣдучи дорогою зъ Мельника давано“... „*Посполъ, шлючи до Москвы* маршалку п. Яну Миколаевичу воеводичу виленскому 90 копъ грошей съ скарбу. Кухмистру п. Петру Олехновичу 60 копъ грошей, тамъ жо. П. Богдану Сопезѣ 30 копъ грошей съ скарбу“, такъ что издержки эти доходили до 200 копъ грошей, т. е. около 15000 руб. на наши деньги. Здѣсь имѣется въ виду путешествіе в. князя изъ Вильно въ Краковъ для коронаціи, слѣдоват., конецъ 1506 или начало 1507 г.

[4]) Акты З. Р. т. I, № 193.

[5]) Размѣръ ордынщины 1501 г. не превосходилъ 700 или 800 копъ грошей. Если мы прибавимъ къ этой суммѣ расходы на посольство въ Москву, т. е. 200 к. гр., то окажется, что на упоминки татарамъ предполагалось употребить около 1400 к. гр.—почти вдвое противъ 1501 г.

венское мыто было спѣшно отдано Кгрекгелю на 3 года за 2000 копъ грошей съ тѣмъ, чтобы онъ немедленно внесъ въ казну, въ руки подскарбія земскаго Ѳедка Хребтовича 1,600 к. гр. Этотъ контрактъ съ Крекгелемъ давалъ казнѣ необходимыя для упоминковъ суммы. Съ другой стороны Кгрекгель, повысивъ значительно откупную сумму и уплативъ большую ея часть впередъ, обезпечивалъ себя тѣмъ отъ конкуррентовъ. Однако ни ожиданіямъ в. князя, ни надеждамъ Кгрекгеля не суждено было сбыться. Кгрекгель, не будучи самъ капиталистомъ, не могъ въ то же время составить компаніи для эксплоатаціи ковенскаго мыта. Поэтому в. князю пришлось изыскивать иныя средства для отправки посольствъ. Изъ нихъ посольство въ Москву было отправлено въ концѣ 1506 или самомъ началѣ 1507 г.[1]), посольство же въ орду еще ранѣе, такъ какъ въ концѣ 1506 или началѣ 1507 г. Сигизмундъ уже получилъ благопріятный отвѣтъ отъ хана вмѣстѣ съ ярлыкомъ[2]) на то, что или находилось уже подъ властью в. князя, какъ, напр., Кіевъ, или же на то, что никогда не принадлежало крымскому хану, напр., Псковъ и Великій Новгородъ (!). Однимъ словомъ, это былъ „легкій поклонъ“ за полученные уже „тяжелые упоминки“.

Между тѣмъ государственный казначей Ѳедко Хребтовичъ донесъ королю въ началѣ 1507 г., что Кгрекгель не далъ въ казну „ни пенезя“, казна же по прежнему нуждается въ деньгахъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ и не желая нарушить обязательствъ своего прешественника, король Сигизмундъ, въ качествѣ в. князя литовскаго, отдаетъ Аврааму Езофовичу и его товарищу Яну Дитриховичу таможенныя пошлины въ Ковно на тотъ же срокъ и за ту же цѣну, что и Кгрекгелю, съ тѣмъ, однако, чтобы новые откупщики внесли немедленно же въ казну 800 копъ грошей и вознаградили Кгрекгеля за расходы, сдѣланные имъ для полученія откупнаго контракта[3]). Такимъ образомъ

---

[1]) Содержаніе посольству было назначено на дорогѣ в. князя изъ Мельника въ Краковъ, ранѣе коронаціи, которая произошла 25-го января 1507 г. Ср. Tomiciana T. I.

[2]) Акты зап. Р. т. II, № 6.

[3]) „Што на канцелярью выдалъ отъ оранды“. Краковъ, февраля 15, инд. 10 (г. е. 1507 г.) M. L. Зап. VIII, f. 88 (b).

одна изъ главныхъ таможень в. княжества переходитъ въ руки Аврама Езофовича. Воспользовавшись благопріятнымъ обстоятельствомъ, Аврамъ Езофовичъ успѣваетъ черезъ 4 дня получить на откупъ таможенные пошлины въ Минскѣ на 3 года за 600 копъ грошей [1]) и въ Новгородкѣ на тотъ же срокъ за 300 копъ гр. [2]).

Смоленская таможня принадлежала къ числу важнѣйшихъ таможень Литвы, и мы видѣли, что уже въ 1499 г. она перешла къ Авраму Езофовичу отъ виленскаго мѣщанина Мартина Янчелевича, которому была отдана въ 1495 г. іюня 9 на 3 года за 600 копъ грошей [3]). Хотя въ 1498 г. іюля 18 смоленское мыто было вновь отдано на откупъ тому же Мартину за тѣ же 600 к. гр., но мы видѣли, что въ 1499 г. Аврамъ Езофовичъ фигурируетъ уже въ качествѣ смоленскаго откупщика, между тѣмъ какъ Мартинъ Янчелевичъ отдаетъ въ томъ же году іюня 21 отчетъ по минскому таможенному откупу.

Мы предполагали выше, что Аврамъ Езофовичъ управлялъ таможеннымъ откупомъ въ Смоленскѣ съ 1496 г. Предположеніе это подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что смоленское мыто въ 1499 г. марта 12 было передано въ руки путивльскихъ мытниковъ Ивана, Ѳедора и Петра Новокрещенныхъ [4]), во 1) въ виду ихъ жалобъ, что купцы, уклоняясь отъ платежа пошлинъ, направляются съ товарами, минуя Путивль, прямо на Смоленскъ, отчего откупщики терпятъ убытки, но главное, во 2) потому, что откупщики предложили в. князю надбавку въ 300 злотыхъ, между тѣмъ какъ Аврамъ Езофовичъ уплатилъ за 3 года всего 600 копъ гр. Дѣйствительно, въ теченіи слѣдующихъ

[1]) M. Л. Зап. VIII, f. 88 (b). Краковъ, февр. 19, индикта 10.

[2]) Ibid., f. 90.

[3]) M. Л. Зап. № VI, f. 167. Іюня 9, индикта 13. Вильно. Таможенные доходы въ Смоленскѣ были отданы Мартину Янчелевичу для возмѣщенія долга в. князя Александра въ 300 к. гр., такъ что М. Янчелевичъ обязанъ былъ уплачивать въ теченіи 3 лѣтъ въ казну только по 100 к. гр. ежегодно, а на 100 к. гр. погашать в. княжескій долгъ.

[4]) Ibid. f. 176, марта 12, инд. 2, Вильно.

3 лѣтъ мы видимъ ихъ въ Смоленскѣ въ качествѣ откупщиковъ таможенныхъ и питейныхъ доходовъ [1]).

Въ 1503 г. ноября 7 Аврамъ Езофовичъ успѣваетъ, какъ мы видѣли, снова получить на откупъ таможенныя пошлины въ Смоленскѣ, а въ 1504 г. присоединяетъ къ этому и смоленскій питейный откупъ, перебивъ его у виленскаго мѣщанина Андрея Тихаго. При восшествіи на престолъ Сигизмунда Казиміровича, Андрей Тихій успѣваетъ получить снова таможенный и питейный откупъ въ Смоленскѣ съ 6 января 1507 г. впредь на 3 года и при томъ за половину противъ той суммы, за которую эти пошлины были на откупѣ при королѣ Александрѣ. Одною изъ главныхъ причинъ такого невыгоднаго для казны договора было, всего вѣроятнѣе, то обстоятельство, что Андрей Тихій вмѣстѣ съ полученіемъ откупной грамоты уплатилъ впередъ откупную сумму за 2 года наличными деньгами. Вмѣстѣ съ тѣмъ Андрей обезпечилъ за собою откупъ и на третій годъ подъ тѣмъ условіемъ, что если бы кто либо пожелалъ предложить в. князю за этотъ откупъ большую сумму, то онъ, Андрей, имѣетъ право, уплативъ эту надбавку, удержать откупъ за собою и на третій годъ [2]). При такихъ условіяхъ Андрею Тихому, повидимому, нечего было опасаться потери откупа, тѣмъ болѣе, что в. князь Сигизмундъ Казиміровичъ твердо держался непарушимости разъ заключенныхъ договоровъ. Однако судьба и здѣсь улыбнулась Авраму Езофовичу: находясь въ Краковѣ, онъ напомнилъ королю (в. князю) Сигизмунду о томъ, что его слуги „поймали Андреевыхъ слугъ на дрейскихъ лукахъ [3]) и листъ его (Андрея) въ нихъ знашли, который онъ писалъ до дьяка своего, што на Бѣлой мешность, о серебро и о свинецъ и о панцыри, хотячи тые речи за границу (т. е. въ Москву) пропустити". А такъ какъ вывозъ этихъ товаровъ настрого запрещенъ королемъ Александромъ, то подобный поступокъ Андрея составляетъ преступленіе. Въ виду же того,

---

[1]) Ibid. f. 182 (b) Привѣщ. кор. Александра объ отдачѣ имъ питейнаго откупа въ Смоленскѣ 7 янв. инд. 4 (1501), ibid. f. 224, отъ 7011 г. (1503 г.), мар. 29, гдѣ. Иванъ Новокрещенный названъ смоленскимъ мытникомъ.

[2]) М. Л. Зап. № VIII, f. 87, января 4, индикт 10.

[3]) Позднѣйшій г. Дриса, на правомъ бер. р. Двины, при сліяніи ея съ р. Дриссою

что Андрей не принялъ никакихъ мѣръ къ своему оправданію, король объясняетъ, что „не годиться *ему того вряду, мыта Смоленскаго*, отъ насъ держати“. Поэтому, уничтожая заключенный съ Андреемъ договоръ, в. князь отдаетъ смоленскую таможню на откупъ Аврааму Езофовичу и его товарищу Яну Дитриховичу на три года за прежнюю сумму, т. е. 1,200 к. гр. [1]). Такимъ образомъ Аврамъ Езофовичъ удерживаетъ за собою таможенныя пошлины въ Смоленскѣ снова на 3 года.

По всей вѣроятности, Андрею Тихому и не пришлось вступить въ управленіе смоленскою таможнею, такъ какъ въ расходныхъ книгахъ короля Сигизмунда ассигновки на смоленскую таможню изъ Кракова (конецъ января и начало февраля) адресованы къ Аврааму [2]).

Обвиненіе Андрея Тихаго не имѣло, однако, серьезныхъ основаній и было, всего скорѣе, плодомъ какого-либо недоразумѣнія; это всего лучше видно изъ того, что король приказываетъ новымъ откупщикамъ уплатить Андрею 400 копъ грошей, внесенныхъ имъ уже въ счетъ откупной суммы, но еще болѣе изъ того обстоятельства, что черезъ полгода Андрей Тихій вступаетъ въ компанію съ Аврамомъ Езофовичемъ.

Соединивъ капиталы, они берутъ у короля на откупъ не только смоленскіе таможенные, но и питейные доходы. Изъ королевской грамоты на этотъ предметъ видно, что Аврамъ и Андрей были старыми товарищами по откупу,—поэтому союзъ Аврама съ Яномъ Дитриховичемъ былъ лишь отвѣтомъ на попытку Андрея устранить отъ операцій своего стараго товарища. Такъ какъ откупная сумма доходила до 800 копъ гр. въ годъ (до 50,000 руб. современ.) и 880 Аврамъ съ Андреемъ внесли при полученіи грамоты, то они успѣли выговорить себѣ слѣдующую льготу: оставшуюся половину откупной суммы они уплачивали не вдругъ, а въ теченіи года, по ассигновкамъ („по квитанціи“). Въ управ-

[1]) M. Л. Зап. VIII, f. 90 (b), Краковъ, февр. 22, инд. 10 (1507 г.)

[2]) Ibid, Зап. VIII, f. 414 (b). Въ Краковѣ въ числѣ первыхъ ассигновокъ мы видимъ: „Богдану Коровѣ *у Аврама, зъ мыта Смоленскаго*, 7 копъ“ „Олиферу зъ *мыта Смоленскаго*, у Аврама 7 копъ“.

леніе откупомъ товарищи должны были вступить послѣ Успенія 1507 г. и собирать доходы въ теченіи трехъ лѣтъ [1]).

Въ то же время значительнѣйшіе таможенные и питейные откупа на юго-западѣ Литвы поступаютъ въ руки частію нѣмцевъ и частію старыхъ откупщиковъ евреевъ. Такъ, напр., мы видимъ, что таможенный откупъ въ Кіевѣ поступаетъ 28 ноября 1506 года мытнику луцкому Шаману Даниловичу, а 7 марта 1507 г. онъ же передаетъ свои права на луцкій таможенный откупъ краковскому бурмистру извѣстному Бонеру, до 2 апрѣля 1508 года [2]). Уступая Бонеру таможенный откупъ въ Луцкѣ для покрытія долга, Шаманъ однако не думаетъ отказываться отъ этого, такъ близко ему извѣстнаго мѣста и дѣла. Черезъ двѣ недѣли, т. е. 17 марта того же года онъ вмѣстѣ съ другимъ откупщикомъ временъ Казиміра Ягеллона—Нисаномъ Козкою береть таможенный откупъ въ Луцкѣ на слѣдующіе 3 года. Въ то же время *брестское мыто* взято на 5 лѣтъ *мѣщаниномъ* Лериномъ Герешомъ, въ возмѣщеніе долга въ 2,000 копъ грошей [3]), а восковыя пошлины въ Городно отданы съ 25 іюля 1507 года въ управленіе „къ вѣрной руцѣ“: бурмистру Ѳедку и мѣщанамъ Андреяну и Станку Бутевичамъ, писарю мѣстскому Гапусу и и двумъ евреямъ, Игудѣ и Лазарю [4]).

Что касается другихъ таможень и питейныхъ откуповъ, то они были отданы, по всей вѣроятности, въ управленіе мѣстнымъ старостамъ или намѣстникамъ, какъ мы видимъ, напр., въ Овручѣ, гдѣ питейный доходъ былъ предоставленъ намѣстнику п. Сенку Романовичу съ тѣмъ, чтобы онъ содержалъ двухъ пушкарей, привелъ въ исправное состояніе пушки и пріобрѣлъ нужное количество пороха [5]). Мы видимъ далѣе, что въ 1507 г. марта 26,

---

[1]) М. Л. З. № IX.

[2]) Докум. и Р. т. 1, № 46. Замѣтимъ при этомъ, что даже Боперъ не могъ вытѣснить Шамана Даниловича, несмотря на то, что успѣлъ за мѣсяцъ раньше, т. е. февр. 29, года 1507 получить луцкій таможенный откупъ на два года за ту же сумму, что платилъ Шаманъ.

[3]) М. Л. Зап. VIII, f. 94.

[4]) Ibid. f. 95. Въ Вильно, 15 іюля 1507 г.

[5]) М. Л. Зап. VIII, f. 96 (b) отъ 1507 г., ср. также f. 406, гдѣ въ 1509 году король предоставляетъ вновь корчму п. Сенку Палозовичу, п. ч. бояре и мѣщане

въ Краковѣ [1]) восковничему полоцкому Петру Сестренцу Навумовичу вручены 200 „квитанцѣй подъ сыгнетомъ короля е. м. в. княжества“, которые Петръ и повезъ въ Полоцкъ, а 4 ноября 1506 [2]) въ Гродно такія же квитанціи получаетъ Андрей „мицарь виленскій“.—Во время же пребыванія короля Сигизмунда въ Вильно въ 1507 г. [3]) (лѣтомъ) полоцкіе восковничіе представили отчетъ въ полученіи пошлинъ съ воска отъ 5 декабря 1506 г. по 20 іюля 1507 и т. д.

Вступивъ 13 іюля 1507 г. въ управленіе таможеннымъ откупомъ въ Ковно и закрѣпивъ за собою таможню и питейный откупъ въ Смоленскѣ, Минскѣ и Новгородкѣ, Аврамъ Езофовичъ получаетъ отъ короля Сигизмунда подтвердительную грамоту на все выслуженное или пріобрѣтенное имъ въ царствованіе Александра. „Билъ намъ челомъ“ говоритъ король Сигизмундъ, „*шляхетный* староста мѣста Смоленскаго, войтъ Минскій, Аврамъ Езофовичъ и покладалъ передъ нами данины привиля, листы брата Нашого, щастное памяти, Александра Короля и *Великаго Князя*“ съ просьбою о подтвержденіи за нимъ всѣхъ этихъ пожалованій. Склонясь на его челобитіе, король Сигизмундъ подтверждаетъ всѣ пожалованія, вычисленныя въ представленныхъ Аврамомъ документахъ, а именно: 1) „*имѣнье*“ *Войдуны* въ виленскомъ повѣтѣ въ раконтишской волости [4]), 2) „*три службы*“ людей въ той же волости [5]), 3) „*островъ* [6]) *ловищъ*“ королевскихъ, „на имя Студеныя болота и сѣножати котор. текъ въ

овруцкіе, получивъ питейный доходъ въ свою пользу, не исполняли принятаго на себя обязательства содержать стражу въ полѣ противъ татаръ. Ibid. f. 106 (b). Питейный доходъ въ (О)Ршѣ арендуется на годъ князю Ѳ. Анд. Прихобскому (1508 г.)

[1]) Ibid. f. 268 (b).

[2]) Ibid f. 269.

[3]) Восковничіе эти были: Родивонъ Боровъ, Сава Бернищевъ и Петрашко Наумовичъ.—Что сборъ пошлинъ былъ имъ порученъ „къ вѣрной руцѣ“, это доказывается представленіемъ ими подробнаго отчета о покупкѣ воска, объ остаткахъ его отъ продажи и т. д.

[4]) См. выше.

[5]) Наши „Док. и р.“ т. I, № 42, гдѣ эти оба пожалованія соединены въ одной грамотѣ и подтверждены королемъ Александромъ 17 іюня 1506 г.

[5]) Островъ здѣсь понимается въ *охотничьемъ* смыслѣ, т. е. сравнительно небольшой лѣсъ, окруженный со всѣхъ сторонъ полями.

томъ островѣ суть." 4) *село Подгорское* въ смоленскомъ повѣтѣ, состоящее изъ 6 службъ, „4-хъ панцырныхъ" и 2-хъ „тяглыхъ", 5) *дворъ* въ минскомъ повѣтѣ, на рѣкѣ Свислочи, называемый Шейничи, съ двумя службами людей, 6) *войтовство въ г. Минскѣ*, съ правомъ взиманія пошлинъ отъ передѣлки воска [1]), третьею частью судебныхъ пошлинъ и штрафовъ (на ратуши третій грошъ) и двумя свободными отъ всякихъ платежей корчмами въ самомъ городѣ Минскѣ. Изъ только что приведеннаго списка мы въ правѣ заключить, что уже въ 1507 г. Аврамъ Езофовичъ былъ довольно значительнымъ помѣщикомъ „земяниномъ", „шляхетнымъ старостою Смоленскимъ и войтомъ Минскимъ."

Устроивъ такимъ образомъ свои дѣла, Аврамъ Езофовичъ приступилъ къ реализаціи полученныхъ имъ откупныхъ контрактовъ. Главнѣйшими изъ откуповъ были ковенскій и смоленскій. Въ первомъ Авраму принадлежали таможенныя пошлины, во второмъ таможенныя пошлины и питейные сборы. Какъ мы видѣли, большую часть времени съ 1495 г. Аврамъ провелъ въ Смоленскѣ. Поэтому ему были до тонкости извѣстны всѣ мѣстныя отношенія. Между тѣмъ, съ 1496 г. произошло огромное увеличеніе торговыхъ оборотовъ Ковно. Размѣры эти въ точности не были извѣстны Авраму, хотя не безъ достаточныхъ основаній рѣшился онъ предложить 600 копъ грошей за откупъ той таможни, которая въ его время приносила едва полтораста. Для ознакомленія съ размѣрами и причиною этой перемѣны Аврамъ Езофовичъ имѣлъ довольно времени: со дня вступленія въ управленіе ковенскою таможнею и до прибытія въ Вильно в. князя

[1]) „Воскобойня и капница", упоминаемыя въ этой грамотѣ, суть синонимы, какъ видно изъ грамоты 1499 г. (А. З. Р. т. I, № 165), гдѣ нѣтъ упоминанія о воскобойнѣ, а говорится только о капницѣ.—Передѣлка воска заключалась въ переливкѣ свободныхъ отъ меда вощинъ въ полушарія, или „штуки воску", вѣсомъ до 40 пуд. каждая (Д. и р. № 121); эти „штуки" выпускались затѣмъ въ продажу съ вытиснутою на нихъ печатью магистрата (Ср. подтверд. грамоту Сигизмунда I Полоцку отъ 1510 г. Ак. З. Р. т. II, № 61). Если воскъ забракуютъ въ Ригѣ или гдѣ либо, то съ продавца штрафъ (ib., № 70). Весьма старое положеніе, восходящее въ XII ст. Ср. Нанерскій Грамоты, касающіяся до сношеній сѣверо-западной Россіи съ Ригою и Ганзейскими городами Спб. 1857 г., № VII.

(т. е. со 2 апрѣля 1507 года)[1] до половины іюня 1507 года[2] прошло почти три мѣсяца. Аврамъ хорошо было понятно окончаніе полученной имъ грамоты на ковенскій таможенный откупъ: король приказывалъ здѣсь „внимательно доискиваться не опустили ли прежніе откупщики по своей небрежности какихъ либо пошлинъ. А потому, если окажется, что существовали изстари какіе либо забытые нынѣ сборы, то всѣ эти сборы Аврамъ возстановитъ для выгоды великаго князя[3]). Предчувствія короля Сигизмунда о томъ, что на ковенской таможнѣ теряются казною нѣкоторые доходы, подтвердилось какъ нельзя болѣе. Изъ того, что могъ узнать Аврамъ Ез. за трехмѣсячное управленіе таможнею, сдѣлалось совершенно очевиднымъ, что казна при откупной системѣ терпитъ громадные убытки. Явившись въ Вильно хлопотать о подтвержденіи на свои недвижимыя имѣнья, Аврамъ Езофовичъ сдѣлалъ въ то же время шагъ, который обезпечилъ за нимъ довѣріе короля Сигизмунда и былъ одною изъ причинъ возвышенія самого Аврама Езофовича. По откупному контракту Аврамъ съ товарищемъ имѣли полное право обратить всѣ доходы съ ковенской таможни въ свою личную выгоду. Однако трехмѣсячное знакомство съ оборотами таможни показало Аврамъ Езофовичу, что огромная масса пошлинъ исчезла безслѣдно для казны: разница между дѣйствительнымъ поступленіемъ доходовъ и откупною суммой была такъ велика, что уплаченная имъ съ товарищемъ откупная сумма почти въ 10 разъ была ниже дѣйствительности. Почему происходила такая разница и какимъ образомъ истинное поступленіе доходовъ оставалось неизвѣстнымъ въ царствованіе Александра, мы въ точности не знаемъ; можно, впрочемъ, предполагать, что чрезвычайное повышеніе доходовъ въ десятилѣтній промежутокъ съ 1496 по 1506 г. среди тяже-

[1]) „ Отъ нынѣшнего середопостя пріндучого“ (10), какъ выражается откупная грамота.

[2]) 7 іюня онъ еще въ Берестьѣ-Литовскомъ (Д. и Р. № 48).

[3]) Мытники должны „довѣдыватися того, естли будуть первыи мытники нѣкоторыхъ платъ мыта Нашого своею недбалостю опустили. И довѣдавшися старини, велѣли есмо имъ тотъ платъ, котор. жо бывалъ зъ вѣку съ того мыта Нашого зъ ся приводити ку нашаму пожитку“.

лыхъ войнъ съ Москвою, затрудненій отъ восшествія на польскій престолъ, борьбы съ польскими магнатами, напряженныхъ отношеній къ нѣмецкому ордену и т. д. легко укрылось при такомъ пассивномъ и слабомъ здоровьемъ монархѣ, какимъ былъ Александръ Ягеллонъ. Быть можетъ, что таможенный откупъ былъ отданъ на долгій срокъ [1]), деньги получены впередъ и сверхъ откупной суммы король вошелъ въ долги откупщику, какъ это постоянно бывало при королях Казимірѣ и Александрѣ, поэтому трудно было обнаружить истинную цифру дохода.

Вмѣсто того, чтобы скрывать, подобно своимъ предшественникамъ, истинный размѣръ пошлинъ на ковенской таможнѣ, Аврамъ Езофовичъ является въ Вильно къ королю и, представляя ему истинное положеніе вещей, предлагаетъ: во 1) уничтожить откупной договоръ на ковенскую таможню [2]), 2) учредить въ г. Ковно особую таможню для сбора пошлинъ съ соли и 3) предоставить управленіе тѣми и другими сборами ему, Аврааму Езофовичу.

Принятіе этого предложенія обѣщало королю огромныя выгоды: доходы ковенской таможни превышали откупную сумму почти въ *девять разъ*. Нѣтъ сомнѣнія, что подобнаго рода отреченіе отъ собственныхъ выгодъ для блага государства встрѣчалось и во времена Сигизмунда крайне рѣдко. Съ другой стороны, умѣнье въ теченіи трехъ мѣсяцевъ открыть и установить истинную цифру доходовъ доказывало въ Аврамѣ далеко не заурядныя финансовыя способности. Поэтому то король, принимая предложеніе Аврама Езофовича, остается однако въ выжидательномъ положеніи, очевидно, не вполнѣ еще довѣряя его обѣщаніямъ и

[1]) Какъ это мы встрѣчаемъ напр. въ Новгородкѣ Литовскомъ, гдѣ мытникъ Оливеръ *Орядникъ* держалъ на откупѣ таможню въ теченіи *пяти* лѣтъ, и король по разсчету остался долженъ еще откупщику 260 к. гр. М. Л. Зап. VI, f. 497, Люб. янв. 17, индикт 9.

[2]) Вознагражденіе товарища по откупу Аврамъ Езофовичъ, очевидно, принимаетъ на себя. А такъ какъ въ то же время въ дальнѣйшихъ операціяхъ ковенской, минской и смоленской таможень мы не встрѣчаемъ ни Яна Дитриховича, ни Андрея Тихаго, то надо полагать, что вмѣсто откупной системы вступаетъ въ первые годы царствованія Сигизмунда I система отдачи таможенныхъ и питейныхъ доходовъ въ управленіе „къ вѣрной рукѣ“ за опредѣленное вознагражденіе.

прозорливости; такъ, напр., когда въ ноябрѣ 1507 г., въ Городнѣ, Аврамъ Езофовичъ заявилъ королю, что онъ отказывается отъ завѣдыванія питейнымъ доходомъ въ Смоленскѣ, такъ какъ королевскіе „служебные люди“ въ широкомъ размѣрѣ занимаются кормчествомъ [1]), то король, какъ бы не вполнѣ довѣряя Аврааму, поручаетъ завѣдываніе питейными сборами смоленскому окольничему, намѣстнику высокодворскому, п. Богдану Сопезѣ и казначею смоленскому, князю Тимофею Филиповичу Кроминскому. Результатъ однако оказался тотъ же. Двухмѣсячный опытъ заставилъ ихъ извѣстить короля, что въ виду необузданнаго корчемства солдатъ весь годовой доходъ короля отъ смоленскихъ корчемъ слѣдуетъ считать погибшимъ [2]). Тогда, все еще сомнѣваясь, король передаетъ питейный сборъ на откупъ смоленскому мѣщанину Олисею Лисневу за 400 же копъ грошей,— благо у Лиспева было задавненное обязательство короля Александра на 350 копъ грошей. Лисневъ былъ радъ, очевидно, получить хоть что нибудь, а потому отказался въ пользу казны не только отъ этого долга, но согласился еще уплачивать ежегодно по 400 к. гр. Однако, Лисневъ не могъ выполнить принятыхъ на себя обязательствъ, и въ 1509 г. мы видимъ смоленскіе питейные доходы въ управленіи Аврама Езофовича [3]).

Такимъ образомъ король еще разъ убѣдился въ правдивости Аврама. Если онъ отказался отъ ковенскаго откупа потому что здѣсь казна несла огромные убытки, то отъ смоленскаго питейнаго откупа онъ считалъ себя въ правѣ отказаться потому, что здѣсь онъ, Аврамъ Езофовичъ, долженъ былъ понести неминуемыя потери. Такимъ образомъ, въ рукахъ Аврама Езофовича въ 1507 г. находилось *управленіе* доходами ковенской и

[1]) Дату ноябрь 1507 г. мы ставимъ на томъ основаніи, что въ откупномъ договорѣ Лиспева, отъ 26 февр. 1508 г., говорится, что Аврамъ Езофовичъ отказался отъ управленія питейными доходами, будучи въ Гродно. Въ Гродно же король Сигизмундъ былъ въ ноябрѣ 1507 г., выѣхавши туда изъ Вильно (Д. и р. № 50, т. I).

[2]) М. Л. Зап. VIII, f. 98 (b).

[3]) М. Л. Зап. VIII, f. 442 (b) „князю Семену Соколинскому 12 локоть адамашки, а 12 копъ съ *корчомъ смоленскихъ*, въ Оврама“ (мая 15, индикт. 12, 1509 г.).

смоленской таможень, а равно *откупное* управленіе доходами минской и новгородской таможень.

По отъѣздѣ короля въ Польшу, Рада великаго княжества, въ виду войны съ московскимъ государемъ, не разъ обращалась по королевскому разрѣшенію съ денежными требованіями къ Авраму Езофовичу. Требованія эти, въ видѣ ассигновокъ на тотъ или иной источникъ доходовъ, составляли обыкновенную *форму* расходованія суммъ литовскаго казначейства [1]).

Когда въ 1508 г. іюня 26, отправляясь на театръ военныхъ дѣйствій, Сигизмундъ находился въ Минскѣ, то Аврамъ Езофовичъ представилъ ему счетъ этимъ авансамъ. Въ виду того, что суммы, выданныя Аврамомъ Езофовичемъ, значительно превосходили дѣйствительное поступленіе изъ источниковъ, бывшихъ въ его управленіи, король дозволяетъ ему эту передержку, т. е. 807 копъ и 15 грошей (50,000 руб. на современ. деньги), покрыть изъ соляныхъ пошлинъ въ Ковно. Поступленіе доходовъ изъ этого источника шло такъ успѣшно, что черезъ три мѣсяца съ небольшимъ, т. е. 5-го октября 1508 г. [2]) Аврамъ Езофовичъ получаетъ разрѣшеніе отъ короля Сигизмунда покрыть изъ соляныхъ доходовъ въ Ковно неуплоченные еще Авраму долги короля Александра т. е. 1,200 копъ грошей, а равно и взятые самимъ королемъ Сигизмундомъ 750 копъ грошей, а также и тѣ 10 копъ, которые Аврамъ заплатилъ королевскимъ дворянамъ за вводъ свой во владѣніе ковенскимъ откупомъ [3]).

Черезъ два мѣсяца, т. е. 30 ноября 1508 г., въ Гродно, Аврамъ Езофовичъ доложилъ королю, что согласно его распоряженіямъ, онъ долженъ былъ въ теченіи года со дня св. Маргариты, т. е. съ 12 іюля 1507 г. по тотъ же праздникъ въ 1508 г., погасить королевскіе долги. Назначенный срокъ слишкомъ великъ: онъ, Аврамъ Езофовичъ, не только погасилъ уже въ теченіи минувшаго полугодія эти долги, но еще получилъ излишекъ въ 535 копъ грошей, который и представляетъ королю.

---

[1]) Сравни, напр., расходныя книги короля Казиміра или же Сигизмунда I.

[2]) Док. и рег. т. I, № 52.

[3]) Ibid. № 53. Въ Городнѣ, ноября 30, индикть 10.

Въ 1508 г. октября 8 заключенъ миръ между королемъ Сигизмундомъ и в. княземъ Василіемъ Ивановичемъ московскимъ; и вотъ, со всѣхъ сторонъ предъявляются королю счеты, поступаютъ просьбы, ходатайства о вознагражденіи за военную службу. Король старается удовлетворить всякаго по заслугамъ, сообразуясь, однако, съ наличными средствами казны. Такъ, напр., октября 24, назначая князя Юрія Александровича Гольшанскаго кіевскимъ воеводою, король въ то же время опредѣляетъ ему ежегодное жалованье въ 300 копъ грошей (20,000 руб.)[1]), князю Богдану Желавскому жалуетъ семью дворовыхъ (паробковъ) изъ королевскаго двора Мѣдники; монахамъ (старцамъ) спасскимъ 2 „штуки“ воску; казначею смоленскому князю Тимофею Филиповичу Крошинскому—2 куньихъ шубы; князю Вас. Андреевичу Полубенскому—2 постава сукна, Глѣбу Ивановичу Зеновьевичу—жеребца[2]) и т. д., и т. д. За наградами болѣе знатнымъ лицамъ слѣдуетъ вознагражденіе простымъ служилымъ людямъ—боярамъ и мѣщанамъ различныхъ земель и волостей великаго княжества литовскаго, напр., торопчанамъ[3]), полочанамъ[4]) и т. д.

По пріѣздѣ въ Вильно, 16 ноября 1508 г.[5]), король приступаетъ къ общему вознагражденію всѣхъ участвовавшихъ въ войнѣ съ московскимъ государемъ; здѣсь „отправа почата писати князямъ, панамъ и дворянамъ“, какъ выражаются книги. Предъявляетъ счеты гетманъ литовскихъ войскъ Константинъ Ивановичъ Острожскій[6]). Удовлетворяются наемныя войска и пушкари кіевскіе[7]). Но уже для удовлетворенія этихъ нуждъ не хватаетъ наличныхъ средствъ и король принужденъ занимать деньги у членовъ Рады, напр., 100 копъ грошей у старосты жомоитскаго, 100 червоныхъ злотыхъ у п. Ст. Кишки[8]).

Понятно, съ какимъ радостнымъ чувствомъ среди ежеминутно возрастающихъ денежныхъ затрудненій встрѣтилъ король

[1]) Ак. З. Р. т. II, № 44.
[2]) М. Л. Зап. VIII, f. 427, a слѣд. passim.
[3]) Ibid. f. 426 (b).
[4]) Ibid. f. 428 (b).
[5]) Ibid. f. 429.
[6]) Ib. f. 430—430 (b), напечатанъ въ А. З. Р. т. II, № 45.
[7]) М. Л. З. VIII, f. 430 (b).
[8]) Ibid. 430 (b).

Аврама Езофовича. Ковенская таможня рѣшительно превратилась въ его рукахъ въ золотое дно! Какое сообщеніе могло быть пріятнѣе той вѣсти, что не только значительные долги казны совершенно погашены, но, что ковенская таможня въ то же время представляетъ свободный источникъ для покрытія поступающихъ со всѣхъ сторонъ требованій. Не было надобности обращаться съ просьбами къ окружающимъ магнатамъ, не было нужды поступаться въ ихъ пользу тѣмъ или другимъ королевскимъ имуществомъ. Вмѣсто ничтожныхъ суммъ, которыми съ трудомъ поступались магнаты, таможня давала въ распоряженіе короля огромныя и совершенно свободныя отъ какихъ бы то ни было обязательствъ суммы. И король Сигизмундъ не замедлилъ обратиться къ этому новому источнику.

Въ началѣ 1509 г. Аврамъ Езофовичъ представилъ королю Сигизмунду отчетъ во всѣхъ доходахъ, полученныхъ имъ за полтора года съ ковенской соляной таможни, и въ расходахъ, сдѣланныхъ имъ за то же время по предписанію короля.

Съ ковенской таможни съ 12 іюля 1507 г. по Рождество Христово въ 1508 г. получено 7000 копъ грошей (420,000 руб. нынѣшнихъ). Съ 12 іюля 1507 г. по Рождество 1508 г. уплочено наличными деньгами и различными предметами (вѣроятно, солью, сукномъ и пр.), по королевскимъ предписаніямъ 4,665 копъ и 21 гр. (300,000 руб.). По пріѣздѣ въ Смоленскъ, уплочено по королевскимъ предписаніямъ 977 копъ и 10 гр. (60,000 руб. нынѣшнихъ). По предписанію короля уплочено въ Вильно начальникамъ наемныхъ войскъ („ротмистрамъ“) жалованье сукномъ и бархатомъ. Часть уплатилъ самъ Аврамъ, часть же вручилъ государственному казначею (подскарбію земскому), п. Ѳедку (Хребтовичу) сукномъ, бархатомъ и другими предметами, всего на 2,765 копъ и 7 гр. (170,000 р.). Итого 8,407 копъ и 40 гр. (500,000 р. нынѣшнихъ). Такимъ образомъ уже въ концѣ 1508 г. переборъ за счетъ Аврама Езофовича равнялся 3,595 золотымъ или по тогдашнему курсу 1,957 к. гр. [1]).

[1]) Изъ чего вытекаетъ, что золотой, надо полагать червоный, необыкновенно поднялся въ цѣнѣ, т. е. вмѣсто 22 или максимумъ 30 грошей литовскихъ, дошелъ до 34 грош.

Расходы на войну оказались однако настолько велики, что королю для расчета съ кіевскими и смоленскими наемными войсками („жолнерами“) и для вознагражденія королевскихъ дворянъ пришлось взять у Аврама Езофовича еще 3,673 к. и 20 гр., такъ что въ началѣ 1509 г. долгъ короля Сигизмунда Аврааму Езофовичу возросъ до 5,630 копъ и 50 грош. [1]). Для скорѣйшаго покрытія этого долга король предоставляетъ Аврааму Езофовичу, сверхъ ковенской таможни, еще соляныя и восковыя пошлины въ Полоцкѣ и сборъ восковыхъ пошлинъ въ Смоленскѣ, „къ вѣрной руцѣ“, т. е. король обязался не требовать доходовъ съ этихъ таможенъ впредь до покрытія Аврамомъ взятыхъ у него денегъ.

Размѣръ поступленія восковыхъ пошлинъ въ Смоленскѣ не можетъ быть пока опредѣленъ съ точностью, что же касается восковыхъ и соляныхъ пошлинъ въ Полоцкѣ, то съ 20 января 1507 г. по 20 января 1509 г. въ казну поступило таможенныхъ пошлинъ съ воску около 2,000 копъ и съ соли почти та же сумма [2]). Средній же размѣръ ежегоднаго поступленія пошлинъ на полоцкой таможнѣ простирался до 3,000 копъ гр. Уменьшеніе же пошлинъ въ 1507 и 1508 гг. почти на $^1/_3$ объясняется тѣмъ, что 1508 г. приходится на тревожное время бунта М. Глинскаго и на войну съ московскимъ государемъ.

Не успѣвъ, однако, покрыть въ 1508 г. всѣхъ расходовъ и не желая прибѣгать къ новымъ займамъ, король отдаетъ Аврааму Езофовичу 20 января 1509 года на откупъ питейные доходы въ Полоцкѣ съ меда, пива и водки на 3 года за 1,200

---

[1]) М. Л. Зап. VIII,. 104. „На память Аврамъ повѣдалъ имъ взялъ съ коморы ковенское соленое отъ дня св. Малгореты (12 іюля), которое было индикта 10 (1507 г.), до свята Божого Нароженя, которое было индикта 12 (1509 г.), суммою 7,000 копъ гр.“.

[2]) М. Л. Зап. VIII, f. 105. За первый годъ (т. е. съ 20 января 1507 г.) выпущено на полоцкой коморѣ за границу воску 14,411 камней (т. е. 10,830 пудовъ), а пошлины получено 1,441 копа гр. За второй годъ выпущено 4,812 камней (3,609 пуд.), пошлины поступило 480 копъ 12 гр. Соли за то же время, т. е. въ 1507 году, отпущено 19,374 „мѣховъ“ и съ нихъ получено пошлины 1,291 копа и 10 гр.; а въ 1508 г. съ 10,850 мѣшковъ получено 723 копы и 20 гр., т. е. всего за 2 года получено пошлинъ 3,937 копъ и 14 гр.

копъ гр. Получивъ впередъ 1,046 копъ, король говоритъ: а „если бы, Боже сохрани, случилось какое нападеніе (навольность) на Полоцкъ, и Аврааму отъ того случился убытокъ, то это ему не въ убытокъ („ино то ему не въ шкоду“), пот. что король приметъ эти убытки на себя“ [1]). Не ограничиваясь Полоцкомъ, король отдаетъ Аврааму Езофовичу того же 20 января 1509 г. сборъ таможенныхъ пошлинъ („мыто“) въ Минскѣ на 3 года за 900 копъ грош., при чемъ Аврамъ Езофовичъ ничего не уплачиваетъ королю впередъ, а обязывается разсчитываться по ассигновкамъ, которыя король будетъ давать „на жалованя“ своимъ „князямъ, и панамъ, и дворянамъ“.

Оставшись въ долгу у Аврама Езофовича на 5,630 копъ и 50 гр., король даетъ ему 11 февраля 1509 г. [2]) грамоту, въ которой, упоминая о причинахъ возникновенія этого долга, предоставляетъ ему со дня выдачи этой грамоты собирать на себя таможенные доходы съ соли въ Ковно, съ соли и воску въ Полоцкѣ и съ воску въ Смоленскѣ.

Съ прекращеніемъ чрезвычайныхъ расходовъ, вызванныхъ тяжелою войною съ московскимъ в. княземъ, мы видимъ, что поступленіе доходовъ и погашеніе долговъ идутъ успѣшно рука объ руку. Въ то же время обращенія короля къ Аврааму съ денежными предписаніями сравнительно сокращаются, а выдачи по ассигновкамъ незначительны, такъ что сумма *всѣхъ платежей* наличными деньгами, а также товарами, т. е. сукномъ, бархатомъ, атласомъ и т. п. не превышаетъ въ 1509 г. 1,291 копы грошей [3]).

[1]) М. Л. Зап. VIII, f. 113 (b).

[2]) Ib., f. 108 (b).

[3]) М. Л. Зап. VIII, f. 109 (b). То же мы видимъ и изъ расходной книги кор. Сигизмунда за 1509 г. Здѣсь за указанное время встрѣчаются: уплата 244 копъ грош. наличными, 3 постава колтрипскаго сукна, стоящіе всего 24 копы гр., 5 поставовъ лунскаго — 100 к. гр., 75 локтей аксамиту на золотѣ, стоившіе 187 копъ гр., 126 локтей адамашки въ 48 копъ гр., 23 локтя сукна лунскаго въ 7 копъ и 40 гр.; 16 локтей махальскаго цѣною въ 1 к. 36 гр. Такъ что общая сумма выдачъ 612 копъ гр. Но сверхъ того Аврамъ Езофовичъ уплатилъ жалованье за полгода кіевскому гарнизону; размѣръ этого жалованья точно неизвѣстенъ, но если мы примемъ во вниманіе, что кіевскій гарнизонъ около 1529 года (М. Л. Зап. III; f. 416) равнялся 500 человѣкъ, при чемъ 300 изъ нихъ составляли постоянный

Въ половинѣ 1509 г. Аврамъ явился въ Краковъ для представленія отчета о движеніи доходовъ со ввѣренныхъ ему источниковъ. Еще до представленія отчета король занялъ у Аврама 350 червоныхъ злотыхъ въ счетъ доходовъ отъ чеканки монеты [1]). Черезъ три недѣли Аврамъ представилъ отчетъ въ расходахъ, сдѣланныхъ имъ по королевскихъ предписаніямъ съ половины февраля [2]) 1509 г. Расходовъ этихъ оказалось 1,391 копа гр., или 2,782 злотыхъ. Прибавивъ сюда занятые королемъ 350 злотыхъ, мы будемъ имѣть 3,132 злотыхъ, т. е. новый долгъ сверхъ подлежавшаго погашенію изъ доходовъ ковенской, полоцкой и смоленской таможенъ. Вслѣдъ затѣмъ Аврамъ Езофовичъ представилъ дополнительный счетъ объ уплатѣ жалованья смоленскимъ служилымъ людямъ: князьямъ, боярамъ и дворянамъ королевскимъ, всего на 809 копъ гр. И эти 809 копъ гр. присоединены были къ упомянутой выше суммѣ. Такъ, по крайности, должны мы заключить изъ того обстоятельства, что того же 29 іюня 1509 г. [3]) король заявляетъ, что Аврамъ Езофовичъ представилъ ему счетъ, изъ котораго оказалось, что со времени выѣзда короля изъ Вилны Аврамъ выдалъ по королевскимъ предписаніямъ 5,000 злотыхъ. Принимая во вниманіе, что 23 іюня того же года Аврамъ Езофовичъ представлялъ счетъ всего на 1,391 копу, или 2,782 злотыхъ, мы не можемъ найти никакого иного объясненія этому различію, какъ сдѣлавъ только что указанное предположеніе, т. е. присоединивъ 809 копъ, или 1,619 злотыхъ къ принятымъ раньше королемъ 3,132 злотымъ,

---

гарнизонъ, и что плата въ годъ солдату равнялась 5 коп. грошей, то мы, какъ кажется, можемъ безъ большой ошибки допустить, что жалованье, уплаченное этому гарнизону Аврамомъ Езофовичемъ за полгода, равнялось 750 копамъ грошей. Сложивъ эту сумму съ указанною выше, мы получимъ 1,362 копы гр., что почти тождественно съ приведенною выше суммою.

[1]) М. Л. Зап. VIII, f. 111, Краковъ. 2 іюня, 1509 г.

[2]) Уже 18 февраля 1509 г. король Сигизмундъ находился въ дорогѣ изъ Вильно въ Польшу, какъ видно изъ акт. кн. Метр. Зап. VIII, f. 451. „Отправа давана маршалкомъ и секретаремъ паномъ Иваномъ Сопегою, княземъ и паномъ и дворяниномъ, лѣта Бож. нар. 1509, м-ца февр. 18 день, индикта 12, *какъ король е. м. ѣхалъ изъ Литвы до Польши.*

[3]) Док. и Рег. т. I, № 54.

т. образомъ мы получимъ 4,950 злотыхъ,—сумму, весьма близкую къ 5,000 злотыхъ.

Источники, бывшіе въ управленіи Аврама, составляли фондъ для покрытія старыхъ долговъ, т. е. 5,630 копъ гр. Не желая мѣшать этой операціи, король назначаетъ для покрытія новыхъ доходовъ изъ доходовъ ковенской таможни всего 1000 злотыхъ; для покрытія же остальныхъ 4000 король указываетъ другіе источники, а именно: 1000 злотыхъ Аврамъ Езофовичъ долженъ получить отъ виленскихъ „восковничихъ“ т. е. Занка (Станкевича), городничаго вилинскаго и слуги королевскаго Андрея (бывшаго минцаря виленскаго); 1000 злотыхъ долженъ былъ уплатить Аврааму братъ его Михель Езофовичъ изъ восковыхъ пошлинъ берестейскихъ, луцкихъ и владимірскихъ, а за 1000 зл. позволено Аврааму Езофовичу выпустить за границу безпошлинно соотвѣтственное количество воску. Наконецъ, пятая тысяча назначена изъ доходовъ виленскаго монетнаго двора, который вмѣстѣ съ тѣмъ и переданъ въ управленіе Аврааму. Такъ мы заключаемъ изъ того обстоятельства, что того же 29 іюня [1]) Аврамъ

---

[1]) Док. и рег. т. I, № 55.

Что монетный дворъ поступилъ въ управленіе Аврама Езофовича не ранѣе іюня 1509 г., это подтверждается и слѣдующими соображеніями: виленскій монетный дворъ 9 февраля 1509 г. былъ отданъ въ управленіе краковскому мѣщанину Ульриху Гозію, въ рукахъ котораго *чеканка* монеты находилась до 24 августа 1510 года. Представляя королю отчетъ въ Краковѣ въ декабрѣ 1510 (индиктъ 14), Гозій говоритъ о томъ, что онъ получилъ отъ *подскарбія земскаго Аврама Езофовича* 13,000 гривенъ, которыя и перечеканилъ въ монету. Но Аврамъ Езофовичъ становится подскарбіемъ только въ концѣ 1509 г. Поэтому мы должны допустить, что монетный дворъ стоялъ цѣлый годъ безъ дѣйствія за отсутствіемъ нужнаго для монеты металла, но это предположеніе едва ли можетъ быть принято въ виду извѣстной состоятельности Гозія. Мало того, мы должны допустить, что вся эта масса серебра въ 13,000 гривенъ обращена въ монету только въ 1510 г., между тѣмъ какъ мы имѣемъ несомнѣнныя свидѣтельства, что въ 1509 г. монета чеканилась на виленскомъ монетномъ дворѣ. Лучшимъ доказательствомъ этому служатъ серебряные полугрошики отъ 1509 г. со штемпелемъ W (Вильно). Изъ того, что Аврамъ Езофовичъ получилъ въ свои руки управленіе монетнымъ дворомъ, не слѣдуетъ заключать, будто и чеканка монеты началась только съ этого момента: мы видимъ, что еще ранѣе король приказалъ Ульриху Гозію „бити минцу“, т. е. чеканить монету, но „минца“, монетный дворъ, имѣетъ и болѣе широкое значеніе; мы видимъ, что король не разъ назначаетъ выдачи „изъ минцы“ сукна, бархату, воску и т. д. Поэтому передача управленія монетнымъ дворомъ Аврааму Езофовичу

Езофовичъ вноситъ для этого королевскаго монетнаго двора 1000 гривенъ серебра или 5000 злотыхъ, изъ которыхъ должна быть постоянно чеканена монета до тѣхъ поръ, пока управлять монетнымъ дворомъ будетъ Аврамъ Езофовичъ. Такимъ образомъ въ половинѣ 1509 г. король Сигизмундъ все еще оставался долженъ Аврааму, старостѣ смоленскому, войту минскому, около 8000 копъ гр., или полмилліона рублей на наши деньги. Аврамъ не только не жалуется на это обстоятельство, не только даетъ для увеличенія оборотовъ монетнаго двора 2500 копъ гр. (150,000 руб.), но еще благодаритъ короля за его „ласку и жалованіе великое".

Пересматривая расходныя книги короля Сигизмунда за 1506—1509 г., мы всего разъ встрѣчаемъ назначеніе Авраму Езофовичу ничтожной суммы въ 10 копъ грошей[1]). Правда, въ другой разъ мы встрѣчаемъ цѣнный знакъ вниманія короля къ Авраму, а именно женѣ его Ганнѣ (Васильевнѣ) король жалуетъ дорогую куную шубу („торлопъ куній") изъ смоленской казны[2]). Вотъ и все, что можетъ быть названо жалованіемъ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Слѣдовательно, заявляя о королевскихъ милостяхъ и пожалованіяхъ, Аврамъ имѣетъ въ виду нѣчто иное: Аврамъ не могъ разумѣть пожалованія какою либо должностью, такъ какъ съ титулами старосты смоленскаго и войта минскаго мы встрѣчаемъ его уже въ царствованія Александра. Не могъ Аврамъ подъ этими выраженіями разумѣть и передачи въ управленіе различныхъ источниковъ доходовъ, такъ какъ управленіе этими источниками не дало пока Авраму ничего, кромѣ массы непогашенныхъ долговъ. Слѣдовательно, если

не возлагала на него завѣдыванія самою чеканкою монеты. Чеканка продолжала находиться въ рукахъ Гозія, завѣдываніе же оборотами монетнаго двора перешло въ руки Аврама Езофовича. Подтвержденіе этому предположенію мы имѣемъ и въ томъ обстоятельствѣ, что У. Гозій представляетъ отчетъ о прибыли и расходахъ по чеканкѣ монеты, а равно и самую отчеканенную монету Авраму Езофовичу, а лишь спустя полгода послѣ этого преставляетъ особый краткій отчетъ королю. (М. Л. Зап. VIII, f. 114).

[1]) М. Л. Зап. VIII, f. 103. Справа почалася при Богушѣ Писарѣ, у Смоленску, М., сент., 8 д., инд. 12, на Матки Божее послѣднее день (1508).

[2]) Ibid., f. 443.

подъ именемъ жалованія и можно разумѣть что либо, то развѣ пожалованіе населенными землями.

И дѣйствительно, обращаясь къ актовымъ книгамъ, мы видимъ, что Аврамъ Езофовичъ, кромѣ земель, подтвержденныхъ за нимъ въ 1507 г., получаетъ отъ короля Сигизмунда слѣдующія имѣнія: I) первымъ и самымъ раннимъ пожалованіемъ мы должны считать, по ихъ незначительности, „двѣ пустыя землицы“, т. е. распаханныя, но покинутыя хозяевами, поля въ трокскомъ повѣтѣ: Кошеневскую и Бутевщину, въ тѣхъ размѣрахъ, какъ этими землями владѣлъ прежде п. Александръ Манькгирдовичъ; II) „дворецъ“ (хуторъ, фольваркъ) Гринковскій, въ трокскомъ же повѣтѣ. То и другое въ *пожизненное владѣніе* („до его живота“ [1]). Оба эти пожалованія нужно принять ранѣе 1509 г. Всего вѣроятнѣе, они случились въ концѣ 1508 г., при представленіи отчета съ ковенской таможни [2]).

Явясь въ 1509 г. съ отчетами въ Краковъ, Аврамъ Езофовичъ получаетъ (по ходатайству трокскаго воеводы Миколая Миколаевича Радивила) „человѣка одного въ сомлишской волости—Некраша Бутевича и землицу пустовскую брата того же человѣка, Петрашевщину“ [3]). Съ Бутевщины шла королю тяглая служба, Петрашевщина же была покинута своимъ хозяиномъ. Король, склоняясь на ходатайства Радивила, даетъ Авраму эти земли въ помѣстье („до нашое воли“). Спустя три недѣли король „за вѣрную старательную, неусыпную службу“ Аврама Езофовича обращаетъ пожалованныя ему ранѣе помѣстья, т. е. Гринковскій „дворецъ“ и пустыя земли Кошеневскую и Бутевщину въ вотчину: „тотъ дворецъ и пустовщины“ говоритъ король, „потвердили симъ Нашимъ листомъ ему (Авраму Езофовичу) и его жонѣ и ихъ дѣтемъ“.

Вотъ и все жалованье! Очевидно, Аврамъ Езофовичъ не былъ слишкомъ притязателенъ.

---

[1]) М. Л. Зап. VIII, f. 303 (b).

[2]) Предположеніе наше основывается на томъ, что предпослѣднимъ владѣльцемъ Гринковскаго двора былъ староста городенскій Янъ Заберезинскій, убитый Глинскимъ въ 1508 г.

[3]) М. Л. Зап., VIII, f. 305 (b). Краковъ, іюля 3, инд. 12 (1509 г.).

IV.

Отрѣшеніе отъ должности земскаго подскарбія Ѳедка Хребтовича.—Въ чемъ состояла должность подскарбія земскаго?—Выдѣленіе государственныхъ доходовъ изъ доходовъ вотчинниковъ при первыхъ Ягеллонахъ.—Вотчинные доходы в. князя.—Подскарбій дворный и подскарбій земскій; различіе ихъ обязанностей.—Сравненіе должности подскарбія земскаго съ должностью современныхъ министровъ финансовъ.—„Писаря", т. е. статсъ—секретари в. княжества литовскаго. Ихъ роль въ финансовомъ управленіи.—Богушъ Боговитиновичъ, подскарбій земскій.—Время его назначенія и отставки; причины ея. Вступленіе Аврама Езофовича въ должность подскарбія. Мѣры, принятыя имъ для погашенія государственныхъ долговъ.—Расширеніе операцій монетнаго двора.—Первый отчетъ Аврама Езофовича по управленію государственными финансами, представленный въ 1511 г. на Брестскомъ сеймѣ.—Общая цифра государственныхъ доходовъ в. княжества.—Второй отчетъ отъ 1514 года.—Серебро королевы Елены.—Конфискація долговыхъ требованій московскихъ купцовъ.—Дефицитъ въ бюджетѣ.—Причины дефицита.—Дѣятельность Аврама Езофовича по снабженію пограничныхъ крѣпостей орудіями и артиллерійскими снарядами.—Обезпеченіе авансовъ Аврама Езофовича таможенными доходами Берестья Литовскаго.—Погашеніе долговъ Аврааму со стороны государственнаго казначейства залогомъ г. Ковно.—Аврамъ Езофовичъ—староста ковенскій.—Новыя затрудненія казны.—Залогъ въ 1518 г. в. княжескихъ вотчинъ.—Отчетъ Аврама Езофовича въ 1518 г. за четырехлѣтнее управленіе государственными финансами.—Разсчетъ короля съ Аврамомъ Езофовичемъ.—Послѣдніе займы короля у Аврама.—Заботы Аврама Езофовича о назначеніи своихъ душеприкащиковъ.

Въ концѣ 1508 г. король Сигизмундъ отрѣшилъ отъ должности подскарбія земскаго Ѳедка Хребтовича вмѣстѣ со многими иными государственными сановниками, заподозривъ ихъ въ сочувствіи къ Глинскому, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ г. Вольфъ. Подозрѣнія короля были неосновательны: Ѳедко Хребтовичъ и его товарищи были вскорѣ освобождены изъ подъ ареста и нѣкоторые, какъ напримѣръ, Ольбрахтъ Мартыновичъ, Кгаштолтъ вновь назначены на должности; тѣмъ не менѣе Литва осталась съ 1509 г. безъ земскаго подскарбія [1]).

Ѳедко Хребтовичъ не возвращался болѣе къ своей должности.

Прежде чѣмъ мы перейдемъ къ разрѣшенію вопроса о томъ, кѣмъ, какъ и когда была замѣщена должность подскарбія и какое значеніе имѣло это замѣщеніе для дальнѣйшей судьбы Аврама Езофовича, мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько

словъ о самой должности подскарбія земскаго в. княжества литовскаго.

Пусть не посѣтуетъ читатель, что намъ опять приходится обращаться къ сырому матеріалу: прибѣгать для выясненія характера этой должности къ выпискамъ изъ наказа польскому земскому подскарбію, какъ это дѣлаетъ т. Вольфъ, мы считаемъ противорѣчіемъ надлежащему обращенію съ историческимъ матеріаломъ.

Трудность опредѣленія характера этой должности заключается не столько въ отсутствіи надлежащаго количества матеріаловъ, сколько въ недостаточномъ разграниченіи обязанностей подскарбія земскаго отъ обязанностей подскарбія дворнаго. Въ чемъ состояли функціи одного и въ чемъ другаго, гдѣ кончалась компетенція одного и гдѣ начинались права другаго? Вотъ вопросъ! Затрудненіе, ничуть не уменьшаемое тѣмъ обстоятельствомъ, что тотъ, и другой несли одновременно со своею должностью еще и другія обязанности, напр., управленіе тѣмъ или инымъ в. княжескимъ имѣніемъ или же волостью, со связаннымъ съ этимъ правомъ суда и т. д. Несмотря на эти затрудненія, мы попытаемся съ одной стороны опредѣлить права каждой изъ этихъ должностей, а съ другой, въ частности, тѣ особыя черты должности подскарбія земскаго, которыя налагала на него самая финансовая система литовскаго государства и весь строй литовскаго народнаго хозяйства.

Государственные доходы в. княжества литовскаго поступали въ XV и XVI стол. главнымъ образомъ изъ слѣдующихъ источниковъ: таможенныхъ пошлинъ, акциза съ питей и судебныхъ штрафовъ („винъ“)[2]. Въ 1492 г. Александръ Ягеллонъ далъ обѣщаніе эти доходы собирать и сохранять въ особомъ

---

[1]) М. Л. Зап. VIII f. 303 (b). Въ Краковѣ, іюля 25, индикта 12, года 1509.

[2]) Что именно эти источники были главнѣйшими, видно какъ изъ необнародованныхъ еще доселѣ расходныхъ книгъ королей Казиміра и Сигизмунда Ягеллоновъ, такъ точно изъ напечатанныхъ уже документовъ, напр., грамоты в. князя литовскаго Александра отъ 1492 г. гдѣ источники государственныхъ доходовъ опредѣлены такъ:... Census Theloneorum, tabernarum et aliii et poenis et undecunque Nobis proventuentes.

государственномъ казначействѣ. Собранныя здѣсь суммы могли быть затѣмъ обращаемы, съ согласія Рады, только на общегосударственныя потребности. Поэтому, за исключеніемъ случаевъ крайней необходимости, в. князь не имѣлъ права, безъ согласія Рады, распоряжаться этими суммами государственнаго казначейства или же переводить оныя за границу. Постановленіемъ отъ 1492 г. литовскіе магнаты старались юридически разграничить доходы государства отъ доходовъ в. князя. Къ собственнымъ же доходамъ в. князя относились всѣ платежи, поступавшіе съ такъ называемыхъ державъ, т. е. населенныхъ имѣній, принадлежавшихъ в. князю на вотчинномъ правѣ и причисленныхъ къ тому или иному административному центру,— замку, двору. Литовское право весьма рано отличаетъ вотчинные платежи и подати отъ общегосударственныхъ. Еще въ Городельской привилегіи 1413 г. мы видимъ, что вотчинники обязаны не только отбывать военную службу и строить замки, но и платить подати, согласно старинному обычаю [1]). Какія же это были старинныя подати? Не имѣя мѣста входить въ болѣе подробное изслѣдованіе этого вопроса, мы ограничимся текстомъ жалованной грамоты короля польскаго, великаго князя литовскаго, Казиміра Ягеллона, данной имъ въ 1437 г. [2]) Литвѣ, въ которой эти подати исчислены такъ: серебщина, дякло, подводы, доставка дровъ для обжиганія кирпичей и извести для постройки замковъ, сѣнокосъ и иныя „работы малосправедливыя“. Отъ права требовать всѣхъ этихъ повинностей и податей съ людей, живущихъ на частныхъ земляхъ, в. князь отказывается въ пользу вотчинниковъ, оставляя за собою лишь право требовать „стаціи поборы, мостовъ новыхъ будованье, старыхъ поправо-

---

[1]) *Działyński.* Zbiór etc. стр. 13. Przywiley Horodelski § VIII... baronis ad constructionem et erectionem castrorum, vias expedicionales facere et tributa dare, iuxta antiquam consuetudinem adstringantur.

[2]) Акты Зап. Россіи, т. I, №61. Впервые напечатана у Дзялынскаго въ вышеупомянутомъ изданіи, стр. 28—35, срав. у Dz. § XI. Списокъ археографической комиссіи, хотя значительно отличается по языку отъ списка Dz., но существенныхъ отклоненій въ содержаніи не имѣетъ, какъ то можно видѣть изъ варіантовъ, напечатанныхъ также по списку Дзялынскаго.

ванье, дорогъ направованье". Опираясь на этотъ документъ, мы можемъ сказать, какіе именно доходы принадлежали в. князю, какъ государю литовской земли, и какіе составляли частную собственность на одинаковомъ правѣ со всѣми остальными литовскими вотчинниками. Такъ какъ великимъ князьямъ литовскимъ еще въ 1513 г. принадлежало на правѣ частной собственности 50 волостей, между которыми были, напр., Брестъ Литовскій, Дорогичинъ, Мельникъ, Каменецъ, Браславъ и т. д., то станетъ понятно, что подскарбію дворному было довольно дѣла.

Доходы великаго князя съ волостей группировались вокругъ трехъ главнѣйшихъ податей мѣстнаго происхожденія, т. е. „дякла", „медовой дани" и „куницъ". Хотя всѣ эти виды податей существовали во всѣхъ в. княжескихъ вотчинахъ, но преобладаніе того или инаго вида опредѣлялось мѣстными условіями: гдѣ существовали благопріятныя условія для земледѣлія, тамъ на первомъ планѣ стояло „дякло", гдѣ успѣшнѣе шло пчеловодство—тамъ „медовая дань", гдѣ звѣроловство—тамъ „куницы".

Подъ именемъ *„дякла"* разумѣли уплату в. князю съ каждой „службы" 4 бочекъ жита и 4 бочекъ овса, воза или двухъ сѣна „подякольнаго", и опредѣленнаго количества куръ, гусей и яицъ. *„Медовая дань"* состояла изъ различнаго по мѣстности количества жидкаго, прѣснаго меду. Дань эта взымалась обыкновенно сообразно величинѣ и доходности каждаго участка, иногда же огуломъ съ волости. Къ этой главной дани присоединялись иные болѣе мелкіе платежи, какъ напр. „бобры", „тивунщина", „серебро грошовое". „дубовщина и воловщина" и т. д. [1]).

„Куницы"—одинъ изъ древнѣйшихъ видовъ обложенія, по преимуществу въ лѣсныхъ мѣстностяхъ. Къ этимъ куницамъ обыкновенно прирастаютъ и иные платежи. Въ то время какъ въ открытыхъ украинскихъ равнинахъ куница—въ родѣ „выводной", „змирской" составляетъ незначительный случайный пла-

[1]) Такъ мы полагаемъ, опираясь на уставъ, данный свислоцкой волости кор. Сигизмундомъ I. Здѣсь прежде всего идетъ: „Дань на Насъ, Господаря, даютъ со всее волости подле давнаго обычаю, мѣраючи у пудсвню по 4 безмены"... „*За данью* бобры шерстью... а за *куницу данную* по 6 грошей... А коли тивунщины вѣдутъ

тежъ, на Жмуди мы видимъ, что подать съ сохи наоборотъ составляетъ придатокъ къ „куницамъ“, даже и тогда, когда она по своимъ размѣрамъ превышаетъ основной платежъ [1]). Къ куницамъ же присоединялись платежи „неводничіе“, „льняные“ и т. д.

Помимо этихъ платежей, подданные в. князя были обязаны извѣстными натуральными повинностями, напр., обязательно доставлять содержаніе в. князю, давать „стацію“ во время проѣзда его черезъ данную мѣстность, ставить подводы ему или же подъ пословъ и гонцовъ, свозить хлѣбные запасы, медъ, куницы, бобры и т. д. въ опредѣленные мѣста. Сюда же должны быть отнесены „толоки“, „кгвалтъ“ и нѣкоторые другіе. Естественно, что всѣ эти вотчинные доходы составляли такую же неприкосновенную частную собственность в. князя, какъ и любаго изъ вотчинниковъ.

Отсюда ясно, какого рода раздѣленіе обязанностей и правъ должно было существовать между подскарбіемъ земскимъ и подскарбіемъ дворнымъ: первый вѣдалъ общегосударственные доходы и расходы, второй—частные доходы в. князя. Трудно требовать, конечно, чтобы въ началѣ XVI в. этотъ принципъ раздѣленія производился съ безусловною послѣдовательностью, но все же, сравнительно съ XV в., мы рѣдко встрѣчаемъ въ расходныхъ книгахъ смѣшеніе этихъ различныхъ областей. Только при выдачѣ жалованья королевскимъ дворянамъ мы встрѣчаемъ назначеніе изъ доходовъ в. князя, т. е. жито, барановъ, мясо и т. д. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ назначенія идутъ только изъ слѣдующихъ источниковъ: таможенныхъ пошлинъ („мыта“), питейнаго дохода („карчомныхъ пенезей“), судебныхъ пошлинъ и штрафовъ („винъ“). Какъ воспоминаніе объ отжившемъ смѣшеніи в. княжескихъ доходовъ съ государственными, мы изрѣдка встрѣчаемъ выдачи изъ „куницъ Вядскихъ“, „з бобровщинныхъ пенезей“ (428, 416 b.), или „жеребца третьяка у Конюшаго“ (419) и т. п.

брати, на страву съ пудавни по 3 гроши“... „А къ тому серебро грошовое и дубавщины и воловщины за даню дають“.—Что эти подати составляли именно в. княжескій доходъ, видно изъ того, что на замокъ, врядинку, идутъ особые платежи.

[1]) Акт. З. Р. т. II, №№ 149 и 160.

Единственнымъ серьезнымъ исключеніемъ изъ указаннаго начала могло бы служить причисленіе къ государственнымъ доходамъ „дякла“, такъ какъ мы встрѣчаемъ въ расходной книгѣ в. князя Сигизмунда Казиміровича довольно многочисленныя назначенія, адресованныя на этотъ именно источникъ. Но не слѣдуетъ забывать, что даже въ половинѣ XVI в. литовская шляхта смотрѣла на содержаніе замковъ, а тѣмъ болѣе на снабженіе ихъ провіантомъ, какъ на частное дѣло в. князя.

Такимъ образомъ обязанности земскаго подскарбія состояли: въ полученіи доходовъ изъ указанныхъ выше источниковъ, въ расходованіи этихъ доходовъ по предписаніямъ короля, въ надзорѣ за правильнымъ поступленіемъ податей; въ пріемѣ (вмѣстѣ съ назначенными в. княземъ сановниками) отчетовъ отъ управляющихъ казенными доходами или же отъ откупщиковъ.

Этимъ, можно сказать, и ограничивалась вся дѣятельность подскарбія земскаго.

Всякая новая государственная подать назначалась в. княземъ не иначе, какъ съ согласія всѣхъ, или же, по крайней мѣрѣ, крупнѣйшихъ вотчинниковъ.

Собираніе этихъ налоговъ производилось лицами не подчиненными подскарбію, точно такъ же, какъ и взысканіе недоимокъ [1]). Отношеніе подскарбія къ откупщикамъ ограничивалось присутствіемъ при заключеніи договоровъ и повѣркою отчетовъ, такъ какъ по всѣмъ остальнымъ дѣламъ откупщики и ихъ слуги подлежали суду самого в. князя. Поэтому административный персоналъ финансоваго управленія былъ не великъ, а дѣятельность его направлялась не предписаніями подскарбія, а незапамятными обычаями.

Не было еще ни бумажныхъ денегъ, ни фондовъ, ни заграничныхъ долговъ. Не подымались вопросы о поддержкѣ курса,

[1]) Чрезвычайные доходы собирались въ вотчинныхъ имѣніяхъ князей и членовъ Рады самими собственниками или же уполномоченными отъ нихъ лицами; въ в. княжескихъ имѣніяхъ: съ шляхты сборъ производили *хоружіе*, а съ остальныхъ лицъ—*державцы* (Ак. З. Р. т. II; № 17, отъ 1507 г.). Недоимки обыкновенно взыскивались королевскими дворянами, которые вообще были употребляемы для производства всякаго рода экзекуцій.

конверсіяхъ, отверженіи долговъ и т. д. Не задумывались надъ переложеніемъ податей и надъ вліяніемъ той или иной изъ нихъ на народное хозяйство. Поэтому должность подскарбія земскаго не требовала отъ лица, которому она ввѣрялась, никакихъ особыхъ финансовыхъ дарованій. Достаточно было умѣнья вести счеты и практическаго знакомства съ механизмомъ государственнаго управленія. Поэтому то мы и видимъ, что большинство подскарбіевъ земскихъ начинаютъ свою службу въ качествѣ дворянъ в. князя, затѣмъ чрезъ различныя мелкія должности въ родѣ дьяка, подвигаются къ „писарству“ и затѣмъ переходятъ отъ него къ должности подскарбія. Такъ двигались, напр., Ѳедко Хребтовичъ, Богушъ Боговитиновичъ, Ивашко Горностай, Павелъ Нарушевичъ, Остафій Воловичъ и т. д. Переходъ отъ писарства къ подскарбству былъ тѣмъ естественнѣе, что распоряженія о выдачахъ изъ казны тѣхъ или иныхъ суммъ производились в. княземъ посредствомъ ассигновокъ, изготовляемыхъ и скрѣпляемыхъ подписью находившагося при в. князѣ писаря. У писарей же хранились справочныя свѣдѣнія о размѣрахъ поступленія съ того или инаго источника государственныхъ доходовъ; они же вели реестры расходовъ. Завѣдывая въ то же время изготовленіемъ всѣхъ вообще государственныхъ актовъ, эти „писаря“, или по современнымъ условіямъ—статсъ-секретари, естественно не только въ совершенствѣ знакомились съ техническою стороною государственнаго дѣлопроизводства, но въ частности со всѣми тонкостями государственнаго хозяйства. Должность писаря сама по себѣ настолько была почетною и доходною, что ею не гнушаются знатнѣйшіе изъ литовскихъ пановъ. Изъ среды писарей обыкновенно выбираются лица для посольствъ къ иностраннымъ государствамъ и т. д. Но для занятія должности земскаго подскарбія требовалось еще одно и весьма важное условіе, а именно значительная имущественная самостоятельность. Поэтому то въ подскарбіи переходятъ лишь богатѣйшіе изъ писарей. Причина, почему отъ подскарбія требовалось огромное состояніе и преимущественно въ наличномъ капиталѣ, заключалась въ совершенномъ отсутствіи государственнаго кредита, въ неустойчивости государственныхъ доходовъ, въ отсутствіи опредѣленнаго бюджета, въ

несовершенствѣ контроля надъ поступленіемъ податей и т. д. Если мы припомнимъ къ этому, что уже конецъ XV ст. и начало XVI составляютъ для Литвы эпоху крупныхъ войнъ съ сосѣдями—Москвою, Татарами, Молдавіей, что для веденія этихъ войнъ помѣстныя войска оказываются несостоятельными, какъ по отсутствію боевой подготовки, такъ и по медленности мобилизаціи, что для охраненія неприкосновенности государственной территоріи приходится прибѣгать къ наемнымъ войскамъ, выписывать изъ за границы пушкарей, строить новыя крѣпости, снабжать ихъ артиллеріей, что для поощренія самихъ помѣстныхъ войскъ приходится прибѣгать къ денежному жалованью и т. д., то станетъ понятно, что казна сплошь и рядомъ не могла ждать, пока поступятъ деньги отъ того или инаго откупщика, пока медъ, воскъ, куницы, бобры и т. д. будутъ обращены въ наличность. Между тѣмъ казна всегда находила съ большимъ трудомъ деньги у купцовъ и другихъ частныхъ лицъ [1]). Понятно само собою, что в. князья при назначеніи того или инаго лица въ должность подскарбія непремѣнно должны были принимать во вниманіе денежную состоятельность и кредитоспособность назначаемаго. Отсутствіе же правильной отчетности и точныхъ свѣдѣній о количествѣ поступающихъ суммъ, въ связи съ безотлагательною необходимостью удовлетворенія той или иной нужды, вели къ тому, что в. князья постоянно находились въ долгу у подскарбіевъ, такъ какъ дефициты покрывались ими изъ собственныхъ средствъ подскарбія. Если же собственные рессурсы подскарбія

[1]) Въ этомъ, конечно, никто не станетъ винить капиталистовъ Литвы XV или XVI ст., такъ какъ казна уплачивала свои долги крайне неаккуратно, напр. королю Сигизмунду приходилось покрывать долги не только своего брата (напр., 5000 злотыхъ жалованья войскамъ въ 1510 г., т. е. по крайности черезъ 5 лѣтъ послѣ ихъ приглашенія на службу, мѣщанину смоленскому Лисневу 250 копъ грошей, объ уплатѣ которыхъ онъ тщетно ходатайствовалъ передъ кор. Александромъ), но даже долги своего отца короля Казиміра, напр., въ 1506 г. „жиду Троцкому Зубцу 200 к. гр. у подскарбего, зъ корчомъ волостныхъ за долгъ *Казиміра короля*". Между тѣмъ подъ залогъ имущества обыкновенный размѣръ процентовъ былъ 15%. Ср. Д. и Р. т. I, № 318.—Естественно, что было немного охотниковъ среди купцовъ и мѣщанъ ссужать свои деньги казнѣ.

были недостаточны, то в. князю по необходимости приходилось прибѣгать къ весьма невыгоднымъ займамъ у членовъ Рады, расплачиваясь за одолженія или пожалованіями населенныхъ имѣній, или же передачею оныхъ въ управленіе или же залогъ. Полученіе отъ откупщиковъ впередъ откупной суммы также было невыгодно для в. князя, п. ч. чувствительно отзывалось на размѣрахъ откупной суммы, такъ какъ откупщикъ естественно дѣлалъ значительный дисконтъ. Имѣя дѣло съ однимъ лицомъ было гораздо легче свести съ нимъ счеты, чѣмъ съ десятками разнородныхъ кредиторовъ.

Вотъ вѣроятныя причины, почему король Сигизмундъ почти полгода оставлялъ должность подскарбія вакантною, тѣмъ болѣе, что большинство лицъ, на которыхъ могъ бы остановиться выборъ в. князя, находились въ походѣ на Молдавію.

Въ числѣ другихъ служилыхъ людей мы встрѣчаемъ здѣсь писаря королевскаго Богуша Боговитиновича. Во Львовѣ, 25 октября 1509 г., при раздачѣ жалованья и наградъ лицамъ, принимавшимъ участіе въ походѣ противъ молдавскаго господаря Стефана, мы встрѣчаемъ Богуша Боговитиновича уже съ титуломъ земскаго подскарбія. Мы видимъ, что за свое участіе въ этомъ походѣ онъ получаетъ значительное вознагражденіе изъ денегъ, находящихся у него же въ государственномъ казначействѣ—„въ скарбѣ“. Спрашивается, когда же именно Богушъ становится подскарбіемъ?

31 января 1509 г. Богушъ Боговитиновичъ, писарь, отправляется съ посольствомъ въ Москву [1]). Посольство, при тогдашнихъ путяхъ сообщенія, не могло возвратиться скоро, такъ какъ на дорогу изъ Вильны въ Москву требовалось около мѣсяца [2]). Слѣдовательно, возвратиться въ Литву Богушъ могъ не ранѣе конца апрѣля или даже начала мая. До октября мѣсяца 1509 г. мы не встрѣчаемъ Богуша въ актовыхъ книгахъ, и это понятно.

---

[1]) А. З. Росс.; т. II, № 49. Точно также въ реестрѣ писаря Пв. Санѣги 18 фев., 1509 г. и. Богушъ названъ писаремъ. М. Л. Зап. VIII f. 432 (b).

[2]) *Герберштейнъ*. Записки о Московіи (перев. Анонимова) стр. 206—210 Изъ Вильны Герберш. выѣхалъ 14 марта, въ Москву прибылъ 18 апрѣля.

Въ отрядѣ князя Пропскаго рядомъ съ иными князьями, панами и дворянами литовскими Богушъ сражается противъ молдавскаго господаря. Въ спискѣ же лицъ, получившихъ вознагражденіе за участіе въ походѣ, Богушъ названъ подскарбіемъ. Такимъ образомъ Богушъ Боговитиновичъ становится подскарбіемъ земскимъ не ранѣе октября 1509 г. Въ этой должности мы встрѣчаемъ его подпись на актахъ уже 30 октября [1]), а ноября 8 онъ подписывается такъ: Подскарбій земской, писарь, намѣстникъ жижморскій и довгковскій [2]).

Спрашивается, кто же завѣдывалъ въ теченіи почти цѣлаго года казною в. княжества литовскаго?

По обычаю XVII в. вакантная должность подскарбія земскаго въ Польшѣ и въ Литвѣ временно замѣщалась подскарбіемъ дворнымъ. Что подобный же обычай существовалъ уже въ XVI вѣкѣ въ Литвѣ, заставляютъ предполагать, повидимому, расходныя книги в. князя Сигизмунда, въ которыхъ подъ 2 августа 1509 г. мы встрѣчаемъ такую замѣтку: „Отправа (выдача жалованья) тымъ дворянамъ, которымъ панъ Иванъ, его милость, не далъ былъ мѣсяца февраля 18 дня, индиктъ 12 (1509)“. Подскарбіемъ дворнымъ литовскимъ въ это время былъ Иванъ Андреевичъ. Пересматривая реестръ расходовъ за 1509 г., мы не разъ встрѣчаемъ его имя (1 стр. f. 437 (b), f. 442). Однако при обозначеніи источника, изъ котораго слѣдуетъ ему выдача жалованья, мы ни разу не встрѣчаемъ характеристической отмѣтки „въ него жъ зъ скарбу“ [3]). Обращаясь за разрѣшеніемъ недоразумѣнія къ той же актовой книгѣ, мы видимъ подъ 18 февраля 1509 г. слѣдующій текстъ [4]): „Отправа (жалованье) давана маршалкомъ и секретаремъ паномъ Иваномъ Сопѣгою, княземъ и панамъ и дворянамъ, лѣта Божого Нароженія, 1509 г., м. февраля 18

---

[1]) М. Л. 3 VIII f. 313 (b), Львовъ, индикта 13 (1509 г.).

[2]) Ibid., f. 316.

[3]) Напр., М. Л. Записей, VIII, f. 414 „Подскарбему земскому Ѳедку 30 к. гр. *съ скарбу, въ него жъ*“: ему же „14 локоть аксамиту гладкого, безъ золота, *у него жъ*, (с) *скарбу*“. Ib. f. 447 „Подскарбему п. Богушу Боговитиновиу, *писару*, 50 копъ (с) *скарбу въ него*“.

[4]) Ibid., f. 431.

дня, индикта 12, какъ король е. м. ѣхалъ зъ Литвы до Польски". Новая раздача слѣдуетъ въ Мельникѣ. Затѣмъ въ Краковѣ 1-го августа 1509 г. назначается вновь уплата жалованья сокольникамъ, затѣмъ уплата лицамъ, которыя ничего не получили въ февралѣ и т. д. Послѣдняя раздача до возведенія Богуша въ званіе подскарбія происходитъ въ Львовѣ 6-го октября 1509 г. по пріѣздѣ п. Ивана Сопѣги изъ Кракова[1]). Такимъ образомъ не можетъ подлежать сомнѣнію, что въ теченіи 1509 г. государственными расходами, подъ руководствомъ короля, завѣдывалъ Иванъ Сапѣга. Кто же вѣдалъ доходы? Не имѣя возможности входить здѣсь въ подробности, скажемъ кратко: доходы собирались и хранились тѣми же лицами, которыя управляли тѣмъ или инымъ источникомъ; откупщики и управляющіе доходами выдавали собираемыя деньги тѣмъ лицамъ, которыя представляли королевскія ассигновки и въ размѣрѣ этихъ ассигновокъ. Державцы, писаря, восковничіе, городничіе, ключники, тивуны, старцы и т. д. точно также собирали, хранили и выдавали денежныя суммы и различнаго рода сырые продукты, въ родѣ жита, овса и т. п., поступавшія въ уплату податей. Казна же в. княжеская въ Вильно стояла въ теченіи почти всего 1509 г. пустою: единственныя ассигновки на скарбъ дѣлаются для выдачи жалованья *сукномъ*[2]). Всѣ остальныя назначенія идуть на мѣстности, напр. (f. 431) князю Ѳедору Жеелочскому назначается 18 февраля 1509 г. 20 коп жалованья съ „винъ" (судебныхъ пошлинъ) дорогицкихъ и 20 к. съ „винъ" троцкихъ, у Есмана; Михну Держковичу— 15 к. съ „винъ" бѣльскихъ; Яцку Держковичу съ „мыта" мѣнскаго; воеводѣ кіевскому князю Юрію—„2 постава сукна лунскаго въ Оврама" и 30 к. съ „сѣнныхъ пенезей и скидельскихъ" и такъ далѣе.

Окончаніе войны съ молдавскимъ господаремъ поставило передъ королемъ вновь вопросъ о вознагражденіи участниковъ похода. Между тѣмъ ни на польскомъ, ни на литовскомъ сеймѣ

---

[1]) Ibid. 444 (b).

[2]) Ibid. f. 442 (b) Татарину Азіотѣ 6 локоть *сукна* лунскаго *съ скарбу*, Воробью 6 лок. сукна л. *съ скарбу* и т. д.; f. 489 служебному Юрію 6 локоть сукна махальскаго съ скарбу, тамъ же 437.

не ассигновали никакихъ средствъ для веденія этой войны [1]). Поэтому королю пришлось вновь прибѣгнуть къ займу. Походъ обошелся для одного только литовскаго казначейства почти въ 2000 коп. гр. [2]), т. е. 120,000 руб. При расплатѣ съ служилыми людьми въ Львовѣ встрѣчаются снова ассигновки на государственное казначейство; такъ, напр., ноября 19 [3]) назначено волынцамъ около 400 коп грошей и т. д. Новая раздача жалованья происходитъ затѣмъ въ Краковѣ, въ декабря мѣсяцѣ того же года: снова встрѣчаемъ мы назначенія изъ скарба наличныхъ суммъ, снова появляется при выдачѣ жалованья изъ доховъ монетнаго двора или ковенской таможни, а иногда и безъ обозначенія источника, лаконическая помѣтка „у Оврама“. Изъ этого мы заключаемъ, что при новомъ подскарбіи наличныя деньги опять появляются въ казнѣ, а Аврамъ Езофовичъ по прежнему вѣдаетъ „минцу“, мыто ковенское, минское и т. д. Но вотъ, вслѣдъ за означенною статьею, передъ новымъ отдѣломъ съ заглавіемъ: „Смолянамъ отправа въ Петрыковѣ, м. февраля 8 дня индиктъ 13“ (т. е. 1510 г.) въ расходныхъ книгахъ встрѣчается заголовокъ [4]): „Въ Оврама начато давати оттолѣ“, а затѣмъ до самаго конца расходной книги мы не встрѣчаемъ помѣты „въ Оврама“, а вмѣсто того подъ 30-мъ маемъ „толмачу Адашу“ назначается „4 бочки соли зъ мыта ковенскаго въ подскарбія“. Въ виду того, что мыто ковенское остается въ рукахъ Аврама Езофовича до самой его смерти, мы должны заключить, что вышеприведенный артикулъ свидѣтельствуетъ о переходѣ должности подскар-

---

[1]) Szujski. Historyi Polskiej ksiąg dwanaście. 1880 W. стр. 193. Точно также мы не встрѣчаемъ никакихъ указаній о назначеніи „серебщины“ въ Литвѣ на 1509 годъ. Статья расходныхъ книгъ, говорящая о вознагражденіи участниковъ молдавскаго похода, озаглавлена такъ: „отправа давана во Львовѣ княземъ и панамъ и дворянамъ, которые служили Господару на ласку господарскую у Волосѣхъ“, т. е. не по обязанности или по договору, а надѣясь, что в. князь вознаградитъ каждаго сообразно оказаннымъ имъ заслугамъ.

[2]) Собственно 1,921 коп. М. Л. Зап. VIII. 445—448.

[3]) Ibid. f. 449 sequentes.

[4]) Не представляю въ противорѣчія выдачи на f 462, (b) т. к весь артикулъ относится къ 1508 г.

бія въ руки Аврама Езофовича и указываетъ на время этого перехода, т. е. декабрь мѣсяцъ 1509 г.

Предположеніе наше подтверждается предписаніемъ короля Сигизмунда отъ 7 января 1510 г. изъ Варянъ „до пана Аврама, Подскарбего", чтобы онъ уплатилъ изъ княжеской казны троцкому воеводѣ, маршалку дворному, п. Гр. Ст. Остыковичу 700 коп. грошей, взятыхъ у него королемъ для своихъ нуждъ („ку потребѣ своей" [1]). Такимъ образомъ не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что въ концѣ 1509 г. Богушъ Боговитиновичъ перестаетъ быть подскарбіемъ земскимъ [2]), а становится снова писаремъ.

Въ чемъ же заключалась причина такой перемѣны, гдѣ искать причины отставки Богуша? Для г. Вольфа причина эта очень проста: „Осенью 1509 г. подскарбіемъ земскимъ литовскимъ былъ назначенъ п. Богушъ Боговитиновичъ, писарь; однако занималъ недолго эту должность и отказался, или былъ устраненъ, за неимѣніемъ надлежащихъ способностей(!)" [3]). Объясненіе, слишкомъ грѣшащее своею простотою. Самъ отказался или ему отказали!

Что Богушъ Боговитиновичъ обладалъ достаточными для подскарбія способностями, это лучше всего видно изъ того, что чрезъ 10 лѣтъ тотъ же самый Богушъ занимаетъ должность подскарбія и остается въ ней до самой смерти [4]). Лицамъ неспособнымъ едва ли даются серьезныя дипломатическія порученія, а Богушъ много разъ исполняетъ самыя затруднительныя и тонкія дипломатическія миссіи. Мало того, самъ король тор-

---

[1]) М. Л. Зап. VIII. f. 579 м. генваря 7 день, индиктъ 13 (т. е. 1510) у Варянѣ (Orany, мѣстечко виленской губерніи).

[2]) Мы настаиваемъ на концѣ 1509 г. не только на основаніи приведенной помѣты въ расходныхъ книгахъ, но еще и по слѣдующимъ внутреннимъ соображеніямъ: въ расходной книгѣ Авраму поручено произвести уплату 600 злотыхъ воеводѣ троцкому п. Миколаю Радивилу, слѣдовательно это распоряженіе не позже 1509 г., такъ какъ въ концѣ этого года Николай Радивилъ вступаетъ на мѣсто своего отца Николая Р. (II), воеводы виленскаго, умершаго 16 іюля 1509 г. (Kotlubaj. Galereja Nazwiska).

[3]) Наз. бр., стр. 20.

[4]) См. завѣщаніе его отъ 1529 г. въ Акт. юж. и зап. Р. подъ 1529 г.

жественно заявляетъ о необыкновенныхъ способностяхъ Богуша къ службѣ. Никто не принуждалъ короля употреблять такое именно, а не иное выраженіе, слѣдовательно были основанія для того. Поэтому не отсутствіе способностей было причиною отставки Богуша, а иныя основанія. Попытаемся же разъяснить ихъ, насколько это позволяютъ акты.

Какъ мы видѣли, королю Сигизмунду приходилось принять издержки молдавскаго похода на счетъ текущихъ доходовъ государственнаго казначейства. Между тѣмъ литовское казначейство было пусто. Кромѣ того на немъ лежалъ огромный непогашенный долгъ Аврааму Езофовичу. Поэтому королю волей неволей приходилось или прибѣгнуть къ займу на тяжелыхъ условіяхъ у своихъ приближенныхъ, или же, назначивъ подскарбія, возложить на него покрытіе издержекъ молдавскаго похода на болѣе выгодныхъ для казны условіяхъ.

Расходы по экспедиціи простирались до 2000 копъ. Для покрытія этой суммы король занимаетъ *пока*, т. е. на короткій срокъ, безъ залога, у воеводы троцкаго п. Миколая (Миколаевича Радивила) 600 злотыхъ (т. е. 360 копъ гр.) и у маршалка дворнаго п. Григорія 200 копъ гр. Но этого слишкомъ мало, и король обращается къ новому подскарбію. Богушъ отыскиваетъ 800 копъ грош. [1]). Однако для покрытія дефецита еще не хватаетъ почти 600 копъ грошей. Подскарбій не находитъ денегъ. Еще новый долгъ въ 700 копъ грошей. Приходится ихъ занять

[1]) Заемъ мы опредѣляемъ въ этой суммѣ по слѣдующимъ соображеніямъ: Богушъ Б. уступаетъ королю свои права на Жижморахъ, полученныя имъ взамѣнъ трокскаго городничества, за которое Б. далъ королю Александру 100 копъ *широкими грошами*, т. е. 150 к. литов. и 75 червон. злот., т. е. $27^1/_2$ копъ лит.—всего 180 копъ гр. литов. Такъ какъ городничество троцкое было взято у Богуша противъ его воли (M. Л. Зап. VIII, f. 371), то надо допустить, что Жижморы были, по крайности, равноцѣнны троцкому городничеству, если не стоили больше. И дѣйствительно, чрезъ 8 лѣтъ подъ залогъ Жижморъ король получаетъ 500 копъ грошей, съ обязательствомъ залогопринимателей уплатить эти деньги въ теченіе 3 хъ лѣтъ изъ текущихъ доходовъ двора, т. е. Жижморы давали въ годъ около 200 коп. гр. (12000 руб.) M. Л. Зап. XII, f. 180, ibid. f. 54, отъ 1519 г.). Дворъ же Довкги былъ заложенъ въ 1000 злот. (M. Л. Зап. VIII, f. 317 (b)) или же въ 600 копъ грош. (ibid., Зап. XI, f. 9).

снова самому королю у одного изъ приближенныхъ, у того же маршала, а теперь уже воеводы троцкаго. Такимъ образомъ оплаченъ молдавскій походъ.

Но вотъ являются къ королю во Львовѣ новые и новые служилые люди: королевскіе дворяне[1]), татары[2]) и т. д. Въ Радыминѣ выступаютъ волынцы: имъ нужно уплатить 400[3]) копъ грош. Откуда же погасить эти новыя требованія?

Король, какъ мы видѣли, нашелъ деньги для покрытія молдавскаго похода. Но, спрашивается, на какихъ условіяхъ? Для отвѣта раскрываемъ актовую книгу Метрики Литовской, Записей № VIII, и на оборотѣ 317 листа встрѣчаемъ слѣдующій актъ отъ 8 ноября 1509 г.: подскарбій земскій, писарь, намѣстникъ жижморскій, п. Богушъ Боговитиновичъ отказывается въ пользу короля отъ права на управленіе Жижморами, которые были предоставлены ему вмѣсто троцкаго городничества. Отказывается Богушъ, однако, съ тѣмъ, чтобы король, по возвращеніи ему 1000 злотыхъ, занятыхъ подъ залогъ двора Довкги, оставилъ за нимъ управленіе этимъ дворомъ пожизненно. Король, видя его уступчивость и особенныя способности Богуша къ королевской службѣ[4]), склоняется къ его просьбѣ. Какая, повидимому, идиллія! Но обратимъ вниманіе на даты приведенныхъ нами документовъ и окажется—серьезная драма. Въ январѣ 1509 г. Богушъ называется просто писаремъ. Октября 23 того же года онъ титулуется подскарбіемъ земскимъ, писаремъ, и только. А черезъ *недѣлю* мы видимъ его титулъ съ прибавкою: намѣстникъ жижморскій[5]). Еще черезъ недѣлю онъ пишется: подскарбій земскій, писарь, намѣстникъ жижморскій и довкговскій[6]). Изъ сопоставленія датъ этихъ документовъ съ числами,

[1]) M. L. Zap. VIII, f. 447 (b). Охмистръ королевскій, Янъ Щитъ, мечный к. лит., обрусный Петръ, толмачъ Ильяшъ и т. д.

[2]) Ibid., 448 (b).

[3]) Ib., 449 и 449 (b).

[4]) ...„бачачи его повольность, и къ тому видячи его *годность* ку службѣ Нашей, то есмо вчинили: какъ тую сумму золотыхъ ему отложимъ, тотъ дворъ Нашъ Довкги дали ему держати цо его живота“.

[5]) M. L. Zap. VIII, f. 313 (b), 1509 г., Львовъ, октября 30.

[6]) Залоговой записи на Довкги намъ не удалось отыскать, но мы заключаемъ по сравненію съ цѣлымъ рядомъ иныхъ документовъ такого же рода, а равно и по

въ которыя происходитъ уплата участникамъ молдавскаго похода, кажется, совершенно ясно, что деньги король получилъ отъ новаго подскарбія не иначе, какъ подъ залогъ своихъ доходнѣйшихъ вотчинъ. Процентовъ король, правда, не платитъ, но вмѣсто нихъ въ пользу Богуша поступаютъ *весь королевскіе доходы съ заложенныхъ вотчинъ*. Это было недурное вознагражденіе, т. е. не менѣе 30%. Очевидно, подобныя условія займа не могли показаться королю привлекательными! Но этого мало. Король, какъ мы видимъ, принужденъ былъ обращаться съ займами и къ другимъ лицамъ. Слѣдовательно, новый подскарбій не только ссужалъ деньги королю подъ залогъ и за огромные проценты, по невѣроятному курсу [1]), но сверхъ того не обладалъ самъ ни кредитомъ, ни значительными капиталами.

Среди этихъ неудобствъ, съ перспективою постепеннаго залога всѣхъ своихъ вотчинъ, король невольно сравниваетъ съ новымъ подскарбіемъ своего вѣрнаго и нетребовательнаго слугу Аврама Езофовича. Въ то время какъ Богушъ, подобно остальнымъ приближеннымъ короля, какъ бы стремился осуществить поговорку XVI ст.: „въ Литвѣ всякое слово стоитъ золота“, за всякую услугу желаетъ вознаградить себя съ лихвою, Аврамъ Езофовичъ, высоко поднявъ королевскіе доходы, довольствуется незначительными королевскими пожалованіями. Мало того, онъ называетъ эти пожалованія великими милостями и за эти милости ссужаетъ короля безъ всякихъ куртажей и обезпеченій все новыми и новыми суммами [2]).

Въ то время какъ прежній подскарбій Ѳедко принадлежалъ къ знатной фамиліи Хребтовичей, а Богушъ былъ зятемъ князя Андрея Александровича Сангушка Коширскаго, извѣстнаго бо-

---

окончанію документа отъ 10 ноября 1509 г., гдѣ король говоритъ, что только послѣ перехода двора Довкги въ управленіе Богуша онъ будетъ обязанъ „доходы и иные пожитки што на Насъ приходятъ къ Нашимъ рукамъ отдавати“.

[1]) Такъ мы думаемъ, потому что 1000 золотыхъ приравнены Богушемъ къ 600 копамъ, т. е. злотый сосчитанъ въ 36 гр., между тѣмъ какъ въ томъ же году 1509 и 1510 коп гр. Аврамъ Езофовичъ ставилъ всего въ 30 гр., т. е. Богушъ беретъ въ свою пользу куртажъ въ 18%!

[2]) Гербершгейнъ в. н. соч. стр. 166.

гача[1]), старосты володимірскаго[2]), Аврамъ Езофовичъ среди литовской знати былъ человѣкомъ совершенно чужимъ. Для него единственною опорою могъ быть только король.

Съ помощью искуснаго, обладающаго значительнымъ капиломъ и кредитомъ Аврама Сигизмунду видѣлось осуществленіе иныхъ, неудавшихся въ Польшѣ плановъ. Какъ извѣстно, Сигизмундъ мечталъ объединить всѣ источники государственныхъ доходовъ, переложить натуральные платежи на деньги, замѣнить отживающее посполитое рушеніе постоянными войсками, при помощи установленія особаго налога обезпечить казнѣ постоянную наличность и т. д. Осторожный, привыкшій къ канцелярской рутинѣ Богушъ оказывался мало пригоднымъ для осуществленія этихъ плановъ.

Что же касалось, такъ сказать, формальныхъ условій, то съ этой стороны не могло быть ни малѣйшаго препятствія къ возведенію Аврама въ званіе земскаго подскарбія. Не говоря уже о томъ, что переходъ Аврама въ христіанство совершился въ такія отдаленныя времена, что у большинства не могло быть и представленія о его еврейскомъ происхожденіи, Аврамъ Езофовичъ былъ не просто Аврамъ, а „шляхетный Аврамъ Езофовичъ, староста смоленскій, войтъ минскій, управляющій монетнымъ дворомъ в. княжества и начальникъ цѣлаго ряда таможенныхъ округовъ, помѣщикъ („земянинъ“) литовскій“. Мало того. Это важное положеніе пріобрѣтено имъ не столько съ помощью денегъ, сколько личнымъ мужествомъ и отвагою. Мало ли откупщиковъ было въ Литвѣ въ его время, и христіанъ, и евреевъ,— однако однѣ деньги никого изъ нихъ не сдѣлали ни земяниномъ, ни старостою, не говоря уже о бо́льшемъ. Назначеніе Аврама не могло встрѣтить неудовольствія со стороны членовъ Рады, потому что важнѣйшіе изъ ея членовъ, напр., Войтѣхъ, бискупъ виленскій, или Миколай Радивилъ, воевода троцкій, принимали прямое участіе въ Аврамѣ, съ другими, какъ напр., Ив. Б. Со-

[1]) За дочерью далъ въ приданое 1000 коп грошей.

[2]) Съ 1508 г. мая 27, когда король дозволилъ ему выкупить замокъ Володиміръ у вдовы Ѳедора Янушевича. М. Л. Зап. VIII, f. 211.

нѣгою или Юріемъ Зеновевичемъ онъ былъ старымъ сослуживцемъ по Смоленску. А что и другіе члены Рады ничего не имѣли противъ Аврама Езофовича, видно изъ его отношеній къ Илиничу и О. М. Кгаштолту. Итакъ, въ концѣ 1509 г. Аврамъ Езофовичъ мирно вступилъ въ число меньшихъ членовъ Рады в. княжества литовскаго [1]).

Какова же была финансовая дѣятельность Аврама Езофовича? Ограничился ли онъ прежнею рутиною, или же сталъ въ уровень съ тѣми требованіями, которыя король пытался провести по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія?

Г. Вольфъ, по своему обыкновенію, говоритъ [2]): „совершенное отсутствіе матеріаловъ не позволяетъ очертить финансовой дѣятельности Абрагама (sic) Езофовича, его вліянія на экономическое состояніе Литвы и пользу или вредъ, какой онъ могъ на своемъ высокомъ посту принести краю". Такъ какъ читатель достаточно ознакомленъ съ пріемами г. Вольфа, то мы не станемъ продолжать полемики, а на заявленіе г. Вольфа отвѣтимъ просто послѣдующимъ изложеніемъ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1509 г. Аврамъ оставилъ Краковъ, имѣя на королѣ 8000 копъ грошей долгу, а въ своемъ завѣдываніи указанные выше источники. До назначенія въ должность подскарбія новыя требованія къ нему короля не превосходятъ 150 копъ грошей [3]). Въ декабрѣ 1509 г. король поручаетъ Авраму покрыть занятыя имъ у п. Радивила, воеводы троцкаго 300 к. гр., у маршалка дворнаго Григорія 200 к., а 7 января 1510 г. 700 к. грошей у того же Григорія Остыковича. Съ февраля 1510 г. жалованье назначается различнымъ лицамъ изъ Петрокова, а въ мартѣ изъ Кракова. Такимъ образомъ по 30-е мая 1510 г. къ Авраму направлено ассигновокъ на 4185 копъ гро-

---

[1]) Мы причисляемъ подскарбія земскаго къ меньшимъ членамъ Рады по мѣсту, которое онъ обыкновенно занимаетъ въ документахъ. Старѣйшими членами всегда были бискупы, канцлеръ, гетманъ великій, маршалокъ земскій и воеводы.

[2]) Выше наз. бр. стр. 22.

[3]) М. Л. Зап. VIII, f. 440—451, passim. Собственно наличными деньгами Авраму уплатили 100 копъ гр., выдалъ въ счетъ доходовъ монетнаго двора 56 локтей атласа по 23 гр. локоть и 15 локтей бархату по 2 копы гр. локоть.

шей. Въ іюлѣ 1510 г. Аврамъ является въ Краковъ для представленія королю документовъ объ уплатѣ имъ „бурмистру мѣста Краковскаго, п. Яну Бонару 5000 злотыхъ“. Деньги эти были заняты у Бонара еще королемъ Александромъ для уплаты жалованья служилымъ людямъ. Король квитуетъ Аврама Езофовича въ уплатѣ этой суммы [1]). Такимъ образомъ пассивъ короля подымается почти до 15,000 копъ, т. е. до 900,000 руб. на наши деньги! Въ ноябрѣ мѣсяцѣ того же года Аврамъ представляетъ, однако, королю докладъ объ операціяхъ по погашенію этихъ долговъ. И ноября 29 король отъ своего вѣрнаго подскарбія слышитъ пріятную вѣсть, что старый долгъ въ 5630 копъ и 50 грошей (т. е. 350,000 руб.), для покрытія котораго Авраму были предоставлены таможенные доходы съ соли въ Ковно, съ соли и воску въ Полоцкѣ и Смоленскѣ,—совершенно погашенъ, что Аврамъ „тую вышереченную сумму 5000 и 600 и 30 копъ и 50 грошей собѣ съ тыхъ коморъ сполна выбралъ и што есмо ему тое сумы пенезей ничого не остали винни“ [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Аврамъ представилъ и королевскія ассигновки, по которымъ онъ выдавалъ деньги изъ вышеназванныхъ источниковъ. Король приказалъ эти ассигновки принять и сохранять впредь до разсчета, который онъ сдѣлаетъ съ Аврамомъ по пріѣздѣ въ Литву.

Одновременно съ Аврамомъ пріѣхалъ въ Краковъ и мѣщанинъ краковскій Ульрихъ Гозій, которому король поручилъ 9 февраля 1509 г. „быти мицу (монету) нашу у в. княжествѣ литовскомъ, у мѣстѣ Виленскомъ [3])“. Изъ представленнаго имъ отчета оказалось, что Аврамъ не даромъ получилъ въ управленіе монетный дворъ. Гозій не могъ жаловаться на недостатокъ матеріала, а казна литовская на малую прибыль: со времени вступленія въ управленіе монетнымъ дворомъ Аврамъ вручилъ Гозію для чеканки монеты 13,619 гривенъ, 12 лотовъ, 22 скойца, 8 пенязей, или 6,809$^{3}/_{4}$ фунта чистаго серебра, цѣною около

[1]) М. Л. Зап. VIII, f. 112.
[2]) Ib. Зап. VIII, f. 113 (b).
[3]) Ib. f. 114.

34000 копъ грошей [1]) (около 2,000,000 рублей). За покрытіемъ издержекъ производства, казна получила чистой прибыли 12,000 злотыхъ (6000 копъ гр. литов.) т. е. 18%. Эти деньги Гозій передалъ „до скарбу (королевскаго) и на руки подскарбію п. Аврааму".

Подтверждая заявленіе Гозія, Аврамъ представилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и отчетъ въ употребленіи этихъ денегъ. Опять все ушло на покрытіе государственныхъ нуждъ. Подводя итоги къ началу декабря, мы видимъ, что за уплатою Аврааму 11,000 копъ грошей, король все таки остается ему долженъ около 4000 копъ грошей (240,000 р.). Значительная сумма! Но, однако, не слѣдуетъ забывать, что общая сумма обыкновенныхъ доходовъ литовскаго казначейства превышала эту передержку, по крайности, въ четыре раза. Поэтому в. князь литовскій, король польскій, ни ранѣе этого времени, ни позже, какъ мы увидимъ, не находился въ денежной зависимости отъ Аврама. Доходы казны были довольно велики, но поступали они медленно и въ значительной мѣрѣ сырьемъ. И мы еще разъ видимъ, почему в. князь долженъ былъ дорожить подскарбіемъ, который могъ ссужать сейчасъ же, не ожидая поступленія того или инаго дохода, нужную *именно въ данный моментъ* сумму.

Мы видимъ, что 4500 копъ грошей [2]) составляли какъ бы тотъ необходимый денежный запасъ, при помощи котораго казна могла покрывать всѣ свои нужды даже при затруднительныхъ обстоятельствахъ. Сумма эта переходитъ, какъ мы увидимъ, изъ одного счета въ другой и, наконецъ, въ видѣ 10,000 червоныхъ злотыхъ, поступаетъ къ наслѣдникамъ Аврама.

На общелитовскомъ сеймѣ 1511 г. въ Берестьѣ Литовскомъ Аврамъ Езофовичъ, въ качествѣ подскарбія земскаго, представилъ в.

---

[1]) Собственно 34,049 копъ съ нѣсколькими грошами, принимая во вниманіе, что гривна серебра стоила въ 1509 г. 5 злотыхъ или $2^1/_2$ копы грошей литовскихъ; ср. наши Док. и регесты, т. I, № 55.

[2]) Мы нѣсколько разъ встрѣчали долгъ короля Аврааму 5630 к. грошей, который, наконецъ, погашенъ окончательно 29 ноября 1509 г. Но въ этомъ долгу заключена сумма въ 1,200 к. гр., занятая еще королемъ Александромъ, слѣдоват. на долю кор. Сигизмунда приходится всего 4,430 копъ.

князю, окруженному Радой, свой первый отчетъ о приходѣ и расходѣ литовской казны.

Засѣданіе, на которомъ утвержденъ этотъ отчетъ, происходило третьяго октября „у вилію св. Франтишка, въ пятницу, у великой свѣтлицѣ“. Въ виду важнаго интереса этого отчета для характеристики финансовой дѣятельности Аврама Езофовича, мы приводимъ его почти цѣликомъ.

Король и великій князь, вмѣстѣ въ Радою в. к. л., разсмотрѣвъ документы, квитуетъ Аврама въ томъ, что онъ въ теченіи отчетнаго времени принялъ слѣдующіе доходы:

I. Таможенные доходы въ Ковно отъ 23 февраля 1511 г. по 24 августа (или же 29 сентября) того же года [1]) дали . . . . . 3,366 к. гр.

II. Монетный дворъ съ 24 августа 1510 г. по 20 апр. 1511 г. [2]). . . . . 1,000 к. гр.

III. Пошлины съ воска на виленской таможнѣ, полученныя отъ управляющихъ ею Занка, городничаго виленскаго, и Ѳедора восковничаго, за тотъ же срокъ . . . . . 1,000 к. гр.

IV. Таможенныя пошлины въ Полоцкѣ отъ 24 августа 1510 г. по 23 февр. 1511 г. . . . . 1,350 к. гр.

V. Таможенныя пошлины въ Смоленскѣ за тотъ же срокъ. . . . . 798½ к. гр.

VI. Таможенныя пошлины въ Брестѣ и Луцкѣ, находящіяся въ управленіи Михеля (Езофовича) отъ 24 августа 1510 г. по 29 сентября 1511 г. . . 1,000 к. гр.

VII. Особые таможенные сборы въ Луцкѣ, находящіеся въ управленіи Аврама Шахновича, въ тотъ же срокъ . . . . . 195 к. 17 гр.

VIII. Таможенныя пошлины въ Володимірѣ (Волынскомъ) подъ управленіемъ Майка . . . . . 67 к. 6 гр.

---

[1]) „Отъ мясопустъ индикта 14“, но какой срокъ, неизвѣстно; но принимая во вниманіе: 1) что большинство платежей пріурочено къ св. Бартоломею или св. Михаилу, т. е. 24 августа или же 29 сентября, 2) что отчетъ представленъ за 14 индиктъ, т. е. за $^{1510}/_{1511}$ *сентябрскій* годъ, мы полагаемъ, что предѣльный срокъ долженъ быть не дальше „29 сентября“.

[2]) „Отъ св. Болтромея, индикта 13 до Великодня индикта 14“.

IX. Таможенныя пошлины въ Бѣльскѣ . . . 200 к. гр.
X. Таможенныя пошлины въ Дрогичинѣ . . 24 к. гр.
XI. Акцизъ съ питей („корчомные пенязи“) за 1510—1511 годъ (индиктъ 14) и иныя мелкія поступленія. . . . . 667 к. гр.

Итого 9,668 к. 23 грош.

Приведенный итогъ, однако, далеко еще не показываетъ истинной цифры годоваго дохода литовскаго казначейства, такъ какъ доходы изъ *важнѣйшихъ* государственныхъ источниковъ показаны только за полгода. Поэтому, предполагая равномѣрное поступленіе суммъ въ теченіи всего года, мы получимъ *14,876 копъ грошей;* цифра, какъ мы увидимъ ниже, весьма близкая къ годовому доходу литовскаго государственнаго казначейства.

Всѣ полученные доходы Аврамъ Езофовичъ израсходовалъ по письменнымъ и устнымъ приказаніямъ короля (в. князя) и сверхъ 9,668 копъ оказался дефицитъ въ 7,020 копъ, который и былъ покрытъ собственными деньгами Аврама Езофовича. Для возмѣщенія этихъ суммъ Авраму Езофовичу предоставляются таможенные доходы в. княжества литовскаго.

Утвержденіе счетовъ послѣдовало, какъ мы сказали, на великомъ сеймѣ Берестейскомъ 1511 г. въ присутствіи наличной Рады, т. е. воеводы виленскаго, канцлера, п. Миколая Миколаевича Радивила, воеводы троцкаго, маршалка дворнаго, п. Григорія Ст. Остыковича, пана троцкаго, старосты жомоитскаго, п. Стан. Яновича, воеводы полоцкаго, п. Станислава Глѣбовича, старосты городенскаго пана Станислава Петровича и, наконецъ, воеводы витебскаго, маршалка и секретаря королевскаго п. Ивана Сопеги [1]).

Второй отчетъ по управленію государственнымъ казначействомъ Аврамъ Езофовичъ представилъ черезъ два года съ половиною [2]), т. е. 6 марта 1514 г., „вступивши въ постъ великій, на другой недѣлѣ, въ понедѣлокъ“. Къ сожалѣнію, въ акто-

[1]) M. L. Зап. VIII, f. 116.

[2]) Ibid., f. 117 (b). „Отъ сейма великаго Берестейскаго“, бывшаго октября 3 дня (1511 г.).

выхъ книгахъ не сохранилось подлиннаго отчета, какъ въ 1511 г., а только квитанція короля Аврааму Езофовичу, которая ограничивается перечисленіемъ главнѣйшихъ статей доходовъ и голою цифрою поступленія суммъ за отчетный періодъ. Впрочемъ, и въ этомъ видѣ квитанція не лишена интереса, а потому мы и приведемъ изъ нея существеннѣйшія черты. Въ теченіи указаннаго времени въ казну поступили доходы изъ слѣдующихъ главнѣйшихъ источниковъ: прибыль отъ чеканки монеты („зъ мынцы"), таможенныя пошлины съ воску и соли, акцизъ съ питей, доходы „съ поднѣпрскихъ волостей" [1]) и съ жмудскихъ оброчниковъ („куничныхъ грошей жамоитскихъ") и со всѣхъ иныхъ (менѣе важныхъ) платежей, которые обыкновенно поступаютъ въ казну. Таковы ординарные доходы. Но въ теченіи этихъ двухъ съ половиною лѣтъ въ казну поступили чрезвычайные доходы, а именно: въ 1513 г. умерла бездѣтною королева Елена. Имущество ея, какъ выморочное, перешло къ королю Сигизмунду. Въ общей массѣ наслѣдства оказалось значительное количество серебра, которое по приказанію короля Сигизмунда перечеканено въ монету. На монетный дворъ пошла какъ серебряная утварь королевы Елены, такъ равно и значительное количество старинной монеты („гроши широкіе"), хранившейся въ ея имуществѣ.

Около 1512 г. началась новая война съ в. княземъ московскимъ. При постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ Вильны съ Москвою, естественно, существовали въ каждый данный моментъ непогашенныя на той и другой сторонѣ кредитныя обязательства. На объявленіе ему войны Сигизмундъ отвѣчалъ конфискаціей въ пользу литовской казны долговыхъ обязательствъ виленскихъ купцовъ москвичамъ. Виленскіе купцы объявлены должниками не москвичей, а литовской казны и вносятъ свои долги въ руки Аврама Езофовича.

---

[1]) Подъ именемъ поднѣпрскихъ и задвинскихъ волостей разумѣлись слѣдующія (Ак. З. Р. т. II, №, 75 отъ 25 октября 1511 г.): Кричовъ, Пропойскъ, Чечерскъ, Горволь, Рѣчица, Брягинъ, Мозырь, Бгичь, Бобруйскъ, Свислочь, Любошаны, Усвятъ, Озерище.

Быть можетъ, что къ этой же категоріи, т. е. къ числу конфискованнаго имущества относится и серебро, особо полученное Аврамомъ Езофовичемъ отъ воеводы троцкаго, маршалка дворнаго п. Григорія Остыковича. Какъ бы то ни было, всѣ эти доходы въ совокупности дали казнѣ 46,436 копъ 25 грошей, или среднимъ числомъ на годъ около 18,000 копъ; цифра, близкая къ бюджету 1511 г. Изъ этихъ доходовъ Аврамъ погашаетъ обязательство короля на 7020 копъ грошей, выданное ему на Брестскомъ сеймѣ 1511 г.[1]). Остальныя же деньги онъ роздалъ по приказанію короля (в. князя) и Рады разнымъ „князямъ и панамъ, и дворянамъ и служебнымъ“. Доходовъ казны снова оказалось мало и дефицитъ въ 6016 к. гр. былъ опять покрытъ Аврамомъ изъ „своихъ власныхъ пенезей“.

Дефицитъ 1511 г. былъ результатомъ первой московской войны. Передержка 1514 г. станетъ совершенно понятною, если мы ознакомимся съ положеніемъ важнѣйшихъ пограничныхъ крѣпостей наканунѣ второй московской войны. Такъ, напр., въ 1511 г. въ Смоленскѣ (при передачѣ онаго отъ Юрія Глѣбовича Николаю Илиничу), ни въ крѣпостныхъ сараяхъ, ни въ погребахъ, ни въ закромахъ, а равно и на гумнѣ не было никакихъ запасовъ. Артиллерія же этой огромной крѣпости состояла всего изъ 8 пушекъ[2]). Не въ лучшемъ видѣ находился и Витебскъ при передачѣ его п. Ивану Сопѣгѣ; есть пули для крѣпостныхъ ружей („гаковницъ“), а самихъ ружей нѣтъ. Часть пушечнаго пороха собрана изъ пушекъ, когда то покинутыхъ москвичами (хорошъ порохъ!). Селитры на всю крѣпость 2 фунта. Въ замковомъ погребѣ нѣтъ никакой провизіи и т. д.[3]). Поэтому, кромѣ выдачи жалованья служилымъ людямъ, король поручаетъ Аврамъ позаботиться о снабженіи этихъ крѣпостей огнестрѣльными орудіями и припасами.

---

[1]) Упоминая объ этомъ, король говоритъ, что Аврамъ „уплотилъ себѣ“ эти 7020 копъ „и тотъ листъ нашъ (т. е. королевское обязательство) и квитунокъ намъ вернулъ“.

[2]) M. Л. Зап. VI, pag. 559.

[3]) M. Л. Зап. VI, f. 52.

Ноября 23, индикта 2 (1513 г.), изъ Кракова приходитъ въ Вильно артиллерійскій транспортъ [1]). Еще ранѣе, т. е. въ 1510 г., апрѣля 11, Аврамъ Езофовичъ принялъ казну в. княжества литовскаго, а съ нею и арсеналъ [2]). Получивъ королевское предписаніе, Аврамъ Езофовичъ немедленно же, по прибытіи краковскаго транспорта, отправляетъ изъ Вильно запасы пороху, селитры, свинцу, крѣпостныхъ ружей, пуль и т. д. не только въ главнѣйшія пограничныя крѣпости, Смоленскъ и Полоцкъ, но и въ менѣе значительныя крѣпостцы, въ родѣ Кричева, Дубровны и т. п. [3]). Намъ удалось отыскать одинъ только документъ подобнаго рода, но несомнѣнно, что и остальные пограничные замки точно также нуждались въ дорого стоющихъ военныхъ припасахъ, поэтому появленіе въ отчетѣ 1514 года новаго дефицита въ 6016 к. гр. представляется вполнѣ понятнымъ и естественнымъ. Мало того, отсутствіе наличныхъ денегъ и неотложныя государственныя нужды побудили короля съ совѣта Рады занять у Аврама Езофовича еще вновь 4000 копъ грошей. Пергаментный документъ на этотъ заемъ съ висячею королевскою печатью сохранился до настоящаго времени въ Литовской Метрикѣ. Содержаніе его слѣдующее: „Заботясь объ удовлетвореніи государственныхъ потребностей в. княжества литовскаго, говоритъ король Сигизмундъ, мы заняли у любезнаго намъ, благороднаго Аврама Езофовича, подскарбія земскаго, 4000 копъ грошей литовской монеты. Желая вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить болѣе надежнымъ способомъ какъ самого Аврама Езофовича, такъ и его законныхъ наслѣдниковъ въ возвращеніи занятой суммы, мы записываемъ ему оную на имуществахъ нашихъ, т. е. соляныхъ и восковыхъ пошлинахъ въ Брестѣ, а равно и на всѣхъ иныхъ доходахъ и платежахъ, взымаемыхъ на этой таможнѣ. Управленіе доходами брестской таможни съ правомъ избранія того или инаго способа для эксплоатаціи этихъ доходовъ предо-

---

[1]) M. Л. Зап. VII, f. 651 (b).

[2]) Ibid. Судныхъ Дѣлъ, № III, 147. „Реестръ посполитый речей скарбныхъ", 1510 года.

[3]) Ibid. Зап. VII, f. 651 (b).

ставляется Аврааму Езофовичу впредь до покрытія сполна изъ доходовъ этой таможни вышеупомянутой суммы. Послѣ чего означенные таможенные доходы возвращаются къ королю и его наслѣдникамъ. Вильно, 4-го января 1515 г.".

Такимъ образомъ, бюджетъ 1515 г. былъ заключенъ снова съ значительнымъ дефицитомъ, а между тѣмъ паденіе Смоленска и угрожающее движеніе русскихъ войскъ въ Литву не позволяло и думать о заключеніи мира. Чтобы остановить успѣхи непріятеля, требовались новые расходы, новое напряженіе силъ.

Мы только что видѣли, что король занялъ у Аврама вновь 4000 копъ грошей. Но оставался непокрытымъ старый дефицитъ въ 6000 копъ грошей. Впереди же выростали новыя и новыя нужды. Для облегченія государственнаго бюджета, король Сигизмундъ прибѣгаетъ по неволѣ къ несимпатичному для него средству, т. е. къ залогу в. княжескихъ вотчинъ. Замокъ Ковно съ волостью и дворъ Румшишки (Rumsziszki) поступаютъ въ залогъ къ Аврааму Езофовичу за 10,000 червоныхъ злотыхъ. И казначейство освобождается такимъ образомъ отъ дефицита, переходившаго въ теченіи 7 лѣтъ изъ одного бюджета въ другой.

Что именно эти 6,000 копъ грошей были сняты со счетовъ государственнаго казначейства, лучшимъ доказательствомъ служитъ то обстоятельство, что онѣ болѣе не встрѣчаются въ отчетахъ Аврама Езофовича. Къ тому же 6000 копъ, переведенныя на червоные злотые, по курсу 36 грошей, составятъ именно 10000 злотыхъ, по разница могла произойти отъ уступки в. князю части суммы въ видѣ челобитья.

Отдача въ залогъ в. княжескаго имѣнія вела за собою непремѣнно и передачу залогодержателю всѣхъ или почти всѣхъ правъ в. князя [1]).

---

[1]) Изъ множества примѣровъ укажемъ два—три: Въ 1507 г. декабря 11 король говоритъ, что п. Ѳеодору Янушевичу „въ *тыхъ пенезехъ въ 1000 и въ 400 золотыхъ даетъ* и дали есмо ему *замокъ нашъ Володимеръ* съ местѣчкомъ Нашимъ Литовижомъ и съ монастыремъ св. Спаса и со всими дворы нашими и фольварки и волостями... што *на замокъ всякую работу робятъ и дань даютъ* и тежъ люди служебные и съ мытомъ великимъ и малымъ, што на Насъ бирано и съ корчмами Володимерскими и Турейскими и со *всими платы* и доходы и съ данями всякими грошовыми и медовыми и съ цинши всякими и съ припадки... *А маемъ его старостою въ*

Залогъ той или иной вотчины различается отъ передачи ея въ управленіе („въ державу", въ „держанье") лишь размѣромъ статей, уходившихъ изъ рукъ в. князя: находилась ли вотчина въ залогѣ или же въ управленіи, титулъ лица оставался одинъ и тотъ же, точно также какъ и его служебныя отношенія. Но изъ того, что залогъ вотчины предоставлялъ залогодержателю извѣстныя права, не слѣдуетъ думать, будто только деньги служили основаніемъ для пріобрѣтенія вмѣстѣ съ вотчиною того или инаго служебнаго положенія. До конца XVIII в. судебныя должности во Франціи пріобрѣтались за деньги; до послѣдняго времени покупались офицерскіе чины въ англійской арміи. Можно ли отсюда, однако, заключить, что всякій капиталистъ во Франціи могъ сдѣлаться членомъ судебной палаты, въ Англіи полковникомъ или генераломъ? Несомнѣнно, что въ Литвѣ в. князья получали еще въ XVI в. денежные подарки „челобитье" [1]) съ каждаго служебнаго назначенія, но едва ли кто либо докажетъ,

листехъ нашихъ писати". (Зап. VIII, f. 198). Здѣсь, правда, были особенныя обстоятельства, т. к. король, взявъ у Ѳ. Янушевича староство луцкое, маршалство волынской земли, хотѣлъ его вознаградить. Но вотъ другой, чистый примѣръ: Годъ спустя, король дозволяетъ „князю Андрею Александровичу Сонкгушку" выкупить у вдовы Ѳ. Янушевича замокъ „Влодимеръ" и владѣть имъ на тѣхъ же правахъ, какія были предоставлены Ѳ. Янушевичу. (Ibid. f. 24).—Точно также залогъ какой либо менѣе важной вотчины, намѣстничества, державы, тивунства—давалъ залогопринимателю титулъ намѣстника, державцы, тивуна. Ср. вышесказанное о Богушѣ Боговитиновичѣ; закладываетъ ему король Жижморы, онъ пишется державцемъ жижморскимъ, присоединяются къ залогу Довкги — присоединяется и титулъ—державца довкговскій

[1]) Челобитье достигало иногда огромныхъ размѣровъ: такъ напр., Венцл. Ст. Костевичъ за предоставленіе ему въ пожизненное „держанье" замка Кобриня вноситъ в. князю 1000 к. гр. (60000 руб.) M. Л. Зап. XI, f. 38, апр. 7, 1516 г.—А въ 1523 г. самъ король вспоминаетъ, что съ кухмистра своего Юрія Михайловича за отдачу ему въ держанье двора Мойшакгоны „взяли немалое челобитье" Ibid. XII, f. 106, августа 27. г. 1523.—Въ 1510 г. мая 4 въ Краковѣ, король Сигизмундъ даетъ обѣщаніе пожаловать Юр. Ив. Илиничa, маршалка, намѣстника лидскаго, староствомъ берестейскимъ съ „ключомъ Берестейскимъ тотъ *врядъ, замокъ Нашъ Берестейскій* одъ Насъ держати". При чемъ король заявляетъ, что уже теперь п. Юр. Илиничъ далъ „Намъ отъ того: *челобитья* 100 золотыхъ: а какъ маемъ ему въ тотъ замокъ Берестей увязоне дати, тогды п. Юр. Илиничъ маетъ Намъ 200 *золотыхъ* еще дати" (Зап. VIII, f 346).

что в. князья, при назначеніяхъ на ту или иную должность, руководились только соображеніями о челобитьи.

Сдѣлавшись ковенскимъ старостою, Аврамъ Езофовичъ удержалъ по прежнему управленіе и ковенскою таможнею, какъ можно видѣть изъ того факта, что таможня поступаетъ въ управленіе къ Гэнусу Судорману только послѣ смерти Аврама Езофовича, т. е. съ 30 ноября 1519 г. [1]).

Если побѣда подъ Оршею остановила рѣшительные успѣхи русскаго оружія, то все же она не рѣшила судьбы войны. Не даромъ в. князь Василій Ивановичъ двинулся воевать, „пока копья и меча станетъ!“ Поэтому дефицитъ продолжалъ увеличиваться и королю волей неволей приходится закладывать одну волость за другою. Еще до начала 1518 года заложены Ушполье и Пеняны воеводѣ троцкому, маршалку дворному Гр. Ст. Остыковичу въ 2000 копъ грошей, а дворъ *Утены* въ 1000 копахъ [2]) грошей Яну Яновичу Заберезинскому. 1518 годъ подымается съ новыми и еще болѣе грозными требованіями. Безуспѣшность посольства Герберштейна и Дакколо заставляетъ приготовлять къ весеннему времени новыя войска, пополнять артиллерійскіе запасы, заботиться о фуражѣ и т. д. Поэтому король 1518 г. апрѣля 25 занимаетъ у Богуша Боговитиновича 400 копъ грошей подъ залогъ Каменца [3]) (Литовскаго), а 12 мая того же года, въ Краковѣ, 2,500 коп. грошей подъ залогъ двора Бирштанъ, въ троцкомъ повѣтѣ [4]).

Возрастающія затрудненія заставляютъ короля чаще являться въ Литву для уясненія положенія дѣлъ и для принятія соотвѣтствующихъ мѣръ.

---

[1]) M. Л. Зап. № XI, f. 88. Судорманъ по ковенской таможнѣ представилъ отчетъ со дня св. Андрея, индикта 7, т. е. съ 30 ноября 1519 г.—Но *самъ* „держалъ три года; до Громницъ индикта 10“.

[2]) Ibid. Зап. XI, f. 37 (b), гдѣ крайчему, державцѣ мерецкому, п. Ст. Григ. Остыковичу въ вознагражденіе за согласіе его погасить этотъ долгъ въ 9 лѣтъ, предоставляются королевскіе вотчины Ушполье и Пеняны въ пожизненное управленіе—Ibid. f. 34. Дворъ королевскій Утени, съ волостью, дозволяется выкупить Кгаштолту.

[3]) M. Лит. Зап. XI, f. 9.

[4]) Ibid. f. 6 (b).

На Виленскомъ сеймѣ 1518 г., въ среду, 18 іюня передъ королемъ и всѣми панами Радами Аврамъ Езофовичъ представилъ отчетъ за минувшіе четыре года, т. е. отъ Брестскаго сейма 1514 г. Точная цифра поступленій за это время намъ неизвѣстна. Сохранившійся же документъ указываетъ только на дефицитъ въ 7,832 коны грошей (около 450,000 руб.). Сверхъ того настоятельныя государственныя нужды не дали возможности Аврааму воспользоваться даннымъ ему правомъ на покрытіе прежняго дефицита изъ доходовъ брестской таможни. Такъ какъ, несмотря на особое королевское разрѣшеніе, старый долгъ Аврааму, т. е. 4000 к. г., все еще не былъ покрытъ и въ 1518 г., то весь дефицитъ простирался до 11,832 копъ грошей (до 700,000 р.).

Вѣроятно ни одинъ литовскій подскарбій до этого времени не открывалъ в. князьямъ такого широкаго кредита. Можно думать, однако, что кредитоспособность Аврама была близка къ истощенію, въ особенности, если мы примемъ во вниманіе, что съ разрѣшенія короля онъ въ началѣ 1517 г. выкупилъ солецкое староство. Поэтому королю не оставалось иного средства получить деньги, какъ новымъ залогомъ вотчинъ.

Заложенныя прежде вотчины перезакладываются въ болѣе значительныя суммы. Такъ, напр., Янъ Яновичъ Заберезинскій вноситъ къ 1000 к. грошей, за которыя ему Рада в. князя заложила дворъ *Мархово*, еще 200 к. грошей [1]). Замокъ и волость свислоцкая переходятъ отъ Гр. Исаев. Громыки въ руки Войтеха Ян. Насиловскаго по новой закладной, вмѣсто 600 копъ—въ 1,000 копъ гр. [2]); дворъ Довкги, бывшій въ залогѣ за 600 к. у Богуша Боговитиновича, перекладывается въ 800 коп. гр. Юрію Немировичу [3]).

Въ виду незначительности суммъ, полученныхъ отъ этихъ вторыхъ закладныхъ, король принужденъ заложить вновь еще цѣлый рядъ вотчинъ: такъ, утверждая 28 іюля 1518 г. закладную въ 750 копъ грошей, выданную Радою в. княжества городенскому старостѣ п. Юрію Миколаевичу подъ Мойшаголь, король

[1]) М. Л. Зап. XI, f. 21 (b), 18 ноября 1518 г. Брестъ,—а въ 1000 копъ заложенъ въ Краковѣ, 1518 г., августа 2 (ib. X, f. 14).

[2]) Ib. Зап. X f. 11 и 18. Ср. также Зап. XI f. 22, 1518 г., декабрь.

[3]) Ib. Зап. X., f. 10.

самъ закладываетъ тому же Юрью Миколаевичу дворы городенскаго повѣта: *Озера и Крынки* въ 1000 к. гр. со всѣми принадлежащими королю правами, впредь до уплаты занятой суммы; Юрію Ивановичу Илиничу замокъ и городъ Берестье (Брестъ-Литов.) за 500 коп. гр. [1]), Якубу Купцевичу дворъ Василишки съ волостью за 1,000 коп. гр. [2]), Юрію Немировичу волость *Любошаны* за 500 коп. гр. [3]). Замокъ Мозырь съ волостью мозырскою и пчицкою заложенъ воеводѣ троцкому Олб. М. Кгаштолту въ 2,500 коп. гр. [4]).

Эти энергическія мѣры даютъ возможность нѣсколько возстановить равновѣсіе бюджета. Съ 18 іюня по 15 декабря 1518 г. Аврамъ Езофовичъ успѣваетъ покрыть 3,832 копы грошей, такъ что казна остается ему въ долгу всего 8,000 к. г. Для того, чтобы погасить, наконецъ, и этотъ долгъ, король отдаетъ Аврааму Езофовичу не только соляное и восковое мыто въ Брестѣ, какъ то было въ 1514 г., т. е. съ дорогицкою, лосицкою и цехановскою таможенными заставами [5]), но со всѣми мытами старыми, какъ было"... за Казиміра короля е. м.: зъ *Городенскимъ*, а Дорогицкимъ, зъ *Бѣльскимъ*, зъ Каменецкимъ, зъ *Мельницкимъ*, што по дорогамъ и на перевозѣ суть, которые здавна (т. е. во время короля Казиміра) къ тому мыту берестейскому прислухали. И тежъ комору Берестейскую восковую и соляную"[6]). Такимъ образомъ не только для погашенія долга возстановленъ старинный таможенный округъ, но и самыя пошлины отданы не къ „вѣрной руцѣ", а на откупъ, на 8 лѣтъ, считая каждый годъ въ 1000 к. гр.

Вмѣстѣ съ тѣмъ король обязывается за себя и за свою Раду въ теченіи этихъ восьми лѣтъ съ брестской таможни у Аврама „ничого не брати на наши потребы земскіе, а ни на отправу и на страву посламъ и гонцамъ, ани на квитанціи нѣкоторыхъ отправъ, а ни данинъ, а ни листовъ безмытныхъ никому не маемъ давати". Далѣе король обезпечиваетъ Аврама,

[1]) М. Л. Зап. X, f. 16, 1518 г., октября 1, Краковъ.

[2]) М. Л. Зап. X. f. 18 (b), тоже ib. Зап. XI, f. 22 (b), 1518 г., въ Брестѣ, ноябрь.

[3]) Ib. X. f. 26.

[4]) Точной даты мы не имѣемъ, но на Петроковскомъ сеймѣ 1519 г. Кгаштолтъ отказывается въ пользу в. князя отъ 1000 коп гр. изъ залоговой суммы.

[5]) Наши Док. и Регесты, къ исторіи лит. евреевъ т. I, № 66.

[6]) М. Л. Зап. XI, f. 27 (b).

что, въ случаѣ его смерти, откупъ останется все таки за тѣмъ, кому онъ его передастъ самъ. Точно также ему не будетъ поставлено въ счетъ то время, когда по случаю повѣтрія или же нашествія непріятеля, брестскій таможенный округъ не будетъ очищать товаровъ пошлинами.

Такимъ образомъ король могъ считать себя поквитавшимся съ Аврамомъ, а потому могъ съ легкимъ сердцемъ занять передъ выѣздомъ изъ Литвы въ Польшу вновь 2000 к. грошей литовскими полугрошками [1]). Сверхъ того по порученію короля Аврамъ купилъ собольихъ и куньихъ шубъ и горностаевъ на 270 копъ грошей [2]).

---

[1]) Объ этомъ займѣ мы узнаемъ: во первыхъ, изъ завѣщанія Аврама Езофовича, изъ котораго видно, что король сдѣлалъ у него этотъ заемъ въ Вильнѣ. Король проводитъ въ Брестѣ конецъ 1518 и начало 1519 г. [M. L. Zap. XI. f. 21, ноября 18 1518 г. Брестъ; ib. f. 22, тамъ же, декабрь 10; f. 30 (b)—2 января; fol. 42—8 января; 20 марта король въ Петроковѣ на „великомъ сеймѣ“ (ib. f. 35) апрѣля 7 король находится въ Краковѣ (ib. f. 38), гдѣ мы его и встрѣчаемъ въ іюлѣ, августѣ и сентябрѣ (ib. f. 42, 55 и 55 (b)]. Между тѣмъ завѣщаніе Аврама Езофовича написано въ Брестѣ 28 сентября 1519 г. По составленіи же завѣщанія Аврамъ отправился къ королю въ Польшу, но, не доѣзжая до Польши умеръ въ Ламазахъ. Слѣдовательно, заемъ этотъ не могъ быть заключенъ въ Вильнѣ въ ноябрѣ 1519 г., а раньше. Поэтому весьма возможно, что заемъ этотъ былъ заключенъ 30 ноября 1518 г. въ Вильнѣ, въ день св. Андрея, какъ видно изъ инвентаря Литовской Метрики (Записи № II, стр. 224). Годъ показанъ въ инвентарѣ 1517. Если принять его, то неразъясненнымъ остается: 1) какимъ образомъ эта сумма не входитъ въ общій списокъ 1518 г. и объ ней Аврамъ Езофовичъ упоминаетъ отдѣльно и въ своемъ духовномъ завѣщаніи; 2) какимъ образомъ одинадцатый годъ королевствованія Сигизмунда I могъ прійтись на 1517 г., тогда какъ Сигизмундъ вступилъ на польскій престолъ въ 1507 г.—Слѣдующій документъ въ инвентарѣ совершенно вѣрно показываетъ 1519-й годъ двѣнадцатымъ годомъ королевствованія Сигизмунда I.

Если мы признаемъ, что 1517 г. поставленъ въ инвентарѣ правильно, то вытекаютъ слѣдующія несообразности: занимая въ 1517 г. 30 ноября у Аврама Езофовича 2,000 к. гр. король обѣщаетъ ему своимъ королевскихъ словомъ уплатить эти деньги на Пасху 1518 г. и не только не уплачиваетъ ихъ, но и на пріемѣ отчета отъ Аврама Езофовича въ іюнѣ 1518 г. за прошлые годы, ни однимъ словомъ не обмолвливается объ этомъ долгѣ. Между тѣмъ долги королевскіе вносились въ общій списокъ расходовъ и подлежали уплатѣ наравнѣ съ остальными расходами. Этотъ же долгъ и въ завѣщаніи Аврама Езофовича отмѣченъ, какъ подлежащій покрытію изъ казны при представленіи новаго отчета „кромъ того што теперь новая лічба будетъ“. Док. и рег., т. I, № 69. Всѣ эти соображенія заставляютъ насъ признать, что 1517 г. поставленъ въ инвентарѣ ошибочно.

[2]) А не 3,217 копъ, какъ въ инвентарѣ и у г. Вольфа.

V.

А.—Очеркъ дѣятельности Аврама Езофовича, какъ государственнаго казначея великаго княжества литовскаго. Заботы короля Сигизмунда по улучшенію государственнаго управленія.—Несовершенство финансоваго управленія Литвы въ началѣ XVI в.—Преобразованіе Аврамомъ способовъ расходованія суммъ государственнаго казначейства.—Объединеніе этихъ суммъ.—Проведеніе точнаго раздѣленія между государственными доходами и частными доходами в. князя.—Отсутствіе такого различія въ XV в.; доказательства этому изъ расходныхъ книгъ короля Казиміра Ягеллона.—Введеніе Аврамомъ Езофовичемъ единства кассы.—Поднятіе имъ общей суммы государственныхъ доходовъ Литвы.—Доказательство этому.—Попытка систематизаціи государственныхъ доходовъ.—Перечисленіе судебныхъ пошлинъ и штрафовъ въ частные доходы в. князя и замѣна этихъ доходовъ прибылями отъ чеканки монеты.—Матеріальныя и формальныя основанія для такого перечисленія.—Отмѣна откупной системы.—Проистекающія отъ этой отмѣны выгоды казны.—Охраненіе этихъ выгодъ противъ своихъ бывшихъ единовѣрцевъ и противъ родныхъ.—Средство для проведенія улучшеній въ финансовомъ управленіи.—Кредитъ Аврама Езофовича и его кредиторы.—Сравненіе дѣятельности Аврама Езофовича съ дѣятельностію двухъ его ближайшихъ преемниковъ.—Пожалованія короля Сигизмунда Авраму Езофовичу.—В.—Аврамъ Езофовичъ, какъ частный человѣкъ: его женитьба, дѣти.—Личная энергія Аврама.—Образцовая аккуратность. Данныя для этого утвержденія.—Безкорыстіе Аврама Езофовича.—Имущество Аврама Езофовича предъ вступленіемъ его въ должность подскарбія земскаго, сравнительно съ оставленнымъ имъ по завѣщанію.—Ликвидація дѣлъ Аврама Езофовича.—Увеличилъ ли Аврамъ свое состояніе въ должности подскарбія?—Общее заключеніе о личности Аврама Езофовича Ребичковича изъ Кіева.

Въ 1518 г. Аврамъ Езофовичъ въ послѣдній разъ сводилъ счетъ съ королемъ. Лѣта давали себя чувствовать. Оказавъ новыя услуги королю и пользуясь присутствіемъ его въ Брестѣ, Аврамъ получаетъ 8 декабря 1518 г. согласіе короля быть главнымъ опекуномъ завѣщательныхъ распоряженій [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ король даетъ Авраму свое согласіе на избраніе въ душеприкащики Кр. Шидловецкаго и Ал. Кгаштолта.

---

[1]) Содержаніе этого документа, перешедшаго къ королю вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими послѣ смерти Аврама Езофовича, было, очевидно, не вполнѣ понятно составителю инвентаря, или 1 и 2 кн. Зап. Метр. Лит. Послѣ люблинской уніи для крѣпости завѣщаній не было надобности въ королевскомъ утвержденіи. Поэтому то, не зная къ какому разряду актовъ отнести этотъ документъ, составитель инвентаря надписалъ его такъ: „Подскарбій литовскій розмышляетъ (!) о томъ, кого би

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію личныхъ, такъ сказать, итоговъ многолѣтней дѣятельности Аврама Езофовича, мы на основаніи приведенныхъ выше документовъ попытаемся очертить дѣятельность Аврама Езофовича, какъ литовскаго государственнаго казначея.

Сигизмунду I принадлежитъ несомнѣнная заслуга по улучшенію и упорядоченію литовскаго государственнаго устройства и управленія. Не говоря объ изданіи Литовскаго Статута 1529 г., цѣлый рядъ въ высшей степени важныхъ мѣръ для улучшенія

назначить опекуномъ послѣ своей смерти". Г. Вольфъ, не рѣшаясь привести въ своей брошюрѣ этого заглавія, дѣлаетъ тѣмъ не менѣе изъ указаннаго документа первое (!) завѣщаніе Аврама Езофовича.

Между тѣмъ подобнаго рода испрошенія королевскаго согласія на назначеніе опекуновъ вовсе не рѣдкость въ Литвѣ до люблинской уніи. Только Статутъ 1529 г. дозволяетъ дѣлать завѣщанія предъ повѣтовымъ урядникомъ, (т. е. воеводою или старостою), ранѣе же всякое завѣщательное распоряженіе землями, въ особенности же выслуженными въ данное княженіе, могло имѣть мѣсто только предъ в. княземъ.

Поэтому всякій завѣщатель, заботившійся о ненарушимости своего завѣщанія, хлопоталъ непремѣнно у в. князя о выдачѣ подтвердительной грамоты на свое завѣщаніе; и въ началѣ XVI вѣка это подтвержденіе составляло часто отдѣльный отъ самаго завѣщанія актъ. Такъ, въ 1522 г. ноября 30 приближенный къ в. князю „Маршалокъ и писарь Господарскій Копоть Васильевичъ", всю свою жизнь проведшій въ канцеляріи в. князя, ужъ на чтобы казалось тонкій знатокъ всѣхъ юридическихъ формъ, обычаевъ и обрядовъ своего времени, тѣмъ не менѣе бьетъ челомъ королю (в. кн.), „обыхмо дозволили ему тѣхъ опекуновъ (выбранныхъ имъ) мѣти. И тотъ тостаментъ ему потвердили *Нашимъ листомъ*". „И мы дозволили ему тотъ тостаментъ мѣти и тыхъ опекуновъ установити; на чомъ онъ жену и дѣти свои по животю своемъ *зоставитъ* и што въ томъ тостаментѣ своемъ и листѣ наперовомъ *вынишетъ*. Мы тотъ тостаментъ его потвержаемъ симъ нашимъ листомъ".

Какъ видно изъ только что приведеннаго документа, совершенно аналогичнаго съ приведеннымъ выше, яко бы первымъ завѣщаніемъ Аврама Езофовича, Копоть представилъ в. князю *проектъ* завѣщанія, а равно и предположенныхъ имъ опекуновъ: в. князь, находя распоряженія Копця правильными, подтверждаетъ *особымъ документомъ* эти предварительныя распоряженія.

Очевидно подобное же значеніе имѣетъ и указанный документъ: для Аврама документъ этотъ имѣлъ важное значеніе, потому что король изъявлялъ въ немъ свое согласіе быть главнымъ опекуномъ надъ женою, дѣтьми и имуществомъ Аврама Езофовича.

Въ виду частыхъ отлучекъ в. князя въ Польшу и въ виду своей болѣзненности, Авраму Езофовичъ не могъ разсчитывать, что онъ будетъ въ состояніи по составленіи завѣщанія получить новое королевское подтвержденіе.

государственнаго управленія: книги Метрики Литовской начинаютъ вестись надлежащимъ образомъ только съ начала царствованія Сигизмунда I. Правда, мы видимъ еще многія несовершенства, напр., акты вписываются первоначально въ тетради и только впослѣдствіи вносятся въ актовыя книги, акты лишены заголовковъ, не всегда расположены хронологически и т. д., но все же, сравнительно съ книгами короля Казиміра и даже Александра, замѣчаются весьма значительныя улучшенія. Время отъ времени производятся земскіе переписи, т. е. провѣряется наличность годныхъ для военной службы лицъ, ведутся реестры лицъ, не явившихся для отбыванія воинской повинности и т. д. Король стремится вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлить права и обязанности управителей своихъ вотчинъ и оградить крестьянъ отъ притѣсненій: Уставъ державцамъ троцкихъ и виленскихъ дворовъ, а равно цѣлый рядъ уставныхъ грамотъ жителямъ иныхъ областей могутъ служить тому лучшимъ доказательствомъ. Что касается финансоваго управленія, то естественно, что на него должно было быть обращено особенное вниманіе короля.

При вступленіи на престолъ литовскій Сигизмунда I механизмъ полученія и расходованія государственныхъ доходовъ отличался значительными несовершенствами. Значительная часть доходовъ поступала сырыми продуктами: медомъ, мѣхами, хлѣбомъ, сѣномъ, лошадьми, даже курами и яйцами [1]) и т. д. Доставка этихъ предметовъ и ихъ храненіе сопряжены были съ большими неудобствами.—Но этого мало: самые способы взы-

---

Имѣя въ рукахъ этотъ документъ, Аврамъ Езофовичъ могъ назначить в. князя главнымъ опекуномъ, гдѣ бы и когда бы ни пришлось ему изъявить свою послѣднюю волю. И мы видимъ, что въ 1519 г. въ Брестѣ, далеко отъ короля, Аврамъ составляетъ завѣщаніе, назначаетъ въ немъ главнымъ опекуномъ короля и в. князя Сигизмунда, вовсе не упоминаетъ ничего о Шидловецкомъ, и рядомъ съ Кгаштолтомъ, назначаетъ Илинича. И завѣщаніе это признается Сигизмундомъ вполнѣ правильнымъ.

Грамота же, которою король изъявляетъ свое согласіе принять на себя обязанности опекуна, поступаетъ въ Метрику, вѣроятно, вслѣдъ за смертію Аврама Езофовича.

[1]) М. Л. I, 62. Люди Коймицы въ тивуствѣ виленск. даютъ „его милости (р. князю) зъ дыму по куряти а по 10 яицъ“.

сканія, размѣры обложенія, предметы поступленія были до нельзя разнообразны. Не было опредѣленной податной единицы, потому что употреблявшаяся въ большой части Литвы единица обложенія— „служба“ была, какъ мы видѣли, крайне измѣнчива. Взыманіе податей производились самими же старостами, державцами, тивунами или же ихъ слугами. Собираніе податей было всегда для волости подобіемъ татарскаго нашествія.

Староста, державца, тивунъ въѣзжали, обыкновенно, не сами, а съ женами, дѣтьми, слугами и т. д. Въѣзжавшій съ этими полчищами не только требовалъ себѣ „стаціи“, содержанія, но, не ограничиваясь потребленіемъ на мѣстѣ, приказывалъ остатки отвозить домой на подводахъ плательщиковъ. Такимъ образомъ взысканіе податей было чѣмъ то въ родѣ нашествія, но еще тяжелѣе было взысканіе недоимокъ: для взысканія ихъ посылались обыкновенно королевскіе писаря или же дворяне. Тѣ и другіе являлись съ цѣлою свитою слугъ. Такъ какъ волости часто не подъ силу было внести недоимку, то дворяне помѣщали у неплательщиковъ своихъ слугъ „лежней“, которые совершенно подрывали хозяйство.

Понятно, что дворяне не особенно спѣшили со взысканіемъ, и волости, для того, чтобы избѣгнуть окончательнаго разоренія, приходилось выхлопатывать особыя грамоты на освобожденіе отъ этихъ дворянъ[1]). Съ другой стороны, принимая во вниманіе незначительное торговое развитіе Литвы, ужасающее состояніе путей сообщенія, значительное количество внутреннихъ заставъ, въ особенности на Волыни, Сигизмундъ I не могъ рѣшиться на обращеніе этихъ разнообразныхъ натуральныхъ податей въ денежныя. Эта обширная трудная работа сдѣлана была собственно для великокняжескихъ волостей, только при Сигизмундѣ-Августѣ.

[1]) Вообще для характеристики дворянъ можно бы было привести много мѣстъ, ограничимся однимъ [M. L. Зап. 8, 67 (b)]. Митрополитъ кіевскій Іосифъ Солтанъ такъ отзывается о нихъ передъ королемъ (сентябрь 26, годъ 1529) „Коли по животѣ митрополичьемъ король посылаетъ этихъ дворянъ, статковъ и именей митрольихъ описывати, ино тые дворяне... *статки собѣ розбираютъ и имѣнія пустошатъ*“.

Во всякомъ случаѣ, Сигизмундъ I не даромъ княжилъ въ Глогау, гдѣ старинныя славянскія отношенія и формы управленія уже давно были замѣнены болѣе совершенными, заимствованными изъ Германіи. Не имѣя возможности перемѣнить господствующія системы взысканія податей, Сигизмундъ, тѣмъ не менѣе, стремится постепенно, часто съ видимою потерею для себя, усовершенствовать эту систему. Этимъ начинаніямъ в. князя какъ нельзя болѣе стремится удовлетворить въ своей дѣятельности Аврамъ Езофовичъ. Для упорядоченія поступленія и расходованія государственной казны, для проведенія правильной отчетности по расходованію суммъ необходимо было перевести всѣ ассигновки, по возможности, на центральное учрежденіе—казну, скарбъ. И дѣйствительно, со вступленіемъ Аврама Езофовича въ должность государственнаго казначея, мы замѣчаемъ весьма важное нововведеніе: всѣ распоряженія в. князя о выдачѣ тому или иному лицу жалованья адресуются во 1-хъ) въ скарбъ, во 2-хъ) назначаются деньгами или же матеріями, т. е. сукномъ, атласомъ, бархатомъ и т. д. Назначеніе же жалованья иными предметами почти совсѣмъ не встрѣчается. Замѣнить выдачу жалованья хотя отчасти матеріями слишкомъ противорѣчило бы установившейся традиціи, да сверхъ того казна получала значительныя выгоды отъ замѣны денежныхъ выдачъ матеріями, такъ какъ ставила эти матеріи гораздо выше того, во что онѣ приходились ей [1]). Если же мы и видимъ отступленія отъ этого общаго начала, напр. назначеніе денежнаго жалованья изъ ковенской, минской и смоленской таможенъ, „съ восковыхъ пенезей бѣльскихъ“, то не слѣдуетъ забывать, что эти таможни находились въ личномъ завѣдываніи Аврама Езофовича. Если мы иногда встрѣчаемъ еще назначеніе жита отъ городничихъ (452 (b) и 458), „зъ важныхъ пенязей полоцкихъ“, то эти незначительныя исключенія показываютъ только, что не для всѣхъ вновь учреж-

[1]) Сигизмундъ-Августъ даже готовъ усмотрѣть бунтъ въ желаніи служилыхъ людей получить все жалованье наличными деньгами. М. Л. Зап. XXXVII, 28 (b), Дончичъ, іюля 6, 1552.

денный порядокъ казался выгоднымъ, что тотъ или иной получатель, по своимъ личнымъ соображеніямъ, напр., чтобы не путешествовать въ Вильно, или чтобы полученныхъ денегъ не обмѣнивать опять на тотъ же товаръ, напр. жито, соль и т. д., который прямо можно было получить изъ казны [1]), самъ ходатайствовалъ о замѣнѣ ему денежной выдачи сырыми продуктами изъ королевскихъ запасовъ. Но рядомъ съ этими консерваторами мы замѣчаемъ лицъ, которыя торопятся воспользоваться этими новыми началами, напр. вмѣсто куньей шубы, лошади, нѣсколькихъ бочекъ соли и т. д. предпочитаютъ получить наличныя деньги [2]). Точно также исключеніемъ не можетъ почесться назначеніе дворянамъ, находившимся на службѣ у в. князя, жалованья не только деньгами изъ „скарба“, но еще и натурою изъ тѣхъ имѣній, въ которыхъ они должны были постоянно находиться („лежать“). Такъ какъ дворяне эти, будучи въ подчиненіи мѣстнаго державцы, употреблялись имъ для приведенія въ исполненіе приговоровъ, взысканія недоимокъ, врученія королевскихъ послапій и т. д. въ предѣлахъ своей власти, державы и т. д., то естественно, что и здѣсь соображенія выгоды для скарба и удобства самыхъ получателей служили причиною отступленія отъ общаго начала.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и суммы, поступающія въ скарбъ, не хранятся по каждому источнику отдѣльно, а объединяются. Собранныя деньги не располагаются, какъ прежде, въ отдѣльныхъ ящикахъ, мѣшкахъ при особыхъ для каждой земли расходныхъ реестрахъ: всѣ полученныя суммы составляютъ одно цѣлое, скарбъ в. княжества литовскаго.

---

[2]) Напр. войтъ и мѣщане кіевскіе предпочитаютъ получить 6 октября 1510 г. 300 бочекъ жита изъ разныхъ королевскихъ дворовъ [464 (b)], или Левъ Пашкевичъ, выпросившій тогда скирту жита изъ васильевскаго двора. Впрочемъ, причиною предпочтенія здѣсь могъ быть неурожай.

[3]) Зап. VIII, 458 (b). Мели-Баши... на 6 бочекъ соли зъ мыта ковенскаго *отмьна*. Толмачу Исупу Тулатовичу на жеребя *отмьна*, князю Касиму на шубу кунью (с) скарбу *отмьна*. Т. е. мы видимъ здѣсь замѣну *деньгами* прежняго жалованья предметами потребленія.

Какъ воспоминанія о прежнихъ порядкахъ, мы видимъ иногда, но чрезвычайно рѣдко, назначенія изъ спеціально указаннаго источника.

Хотя должности подскарбія земскаго и подскарбія дворнаго существуютъ уже до начала XVI вѣка, тѣмъ не менѣе точное раздѣленіе между государственною и собственною казною в. князя производится вполнѣ только съ конца 1509 г., т. е. со вступленіемъ въ должность подскарбія Аврама Езофовича. Что проведеніе этого начала принадлежитъ именно ему, въ томъ не трудно убѣдиться изъ сличенія расходныхъ книгъ не только короля Казиміра, но и самаго короля Сигизмунда въ началѣ его княженія и со времени подскарбства Аврама Езофовича. Вотъ передъ нами расходная книга короля Казиміра Ягеллона въ концѣ его царствованія [1]). Изученіе ея несомнѣнно докажетъ, что при королѣ Казимірѣ не существовало вовсе раздѣленія между государственнымъ казначействомъ и казною в. князя. На ряду съ уплатою жалованья за государственную службу князьямъ, панамъ, дворянамъ и земянамъ, напр. (f. l.) за кіевскую службу Колонтаевичомъ, Александру Монкгирдовичу, Петру Яновичу, Солтану Маршалку, Юрью Поцовичу, Симеону *митрополиту* (кіевскому), Миколаю Радивиловичу, и цѣлымъ разрядамъ лицъ: витеблянамъ, смольнянамъ, татарамъ и т. д. и назначеньями, такъ сказать, народнаго характера, напр. царю Мендли-Гирею [14 (b)], мы встрѣчаемъ назначенія для личныхъ слугъ в. князя, напр. возницѣ Мисурку [12 (b)], кухару Спицу (12), швейцару („одверному“) королевскому Чупру (12), коноваламъ („татарамъ, што кони лечили [12 (b)]. Но не въ лицахъ, собственно говоря, дѣло. Ассигновки на скарбъ для уплаты лицамъ придворной службы мы встрѣчаемъ и въ началѣ XVI в., но вотъ что важно: всѣ эти назначенія дѣлаются изъ мѣстныхъ источниковъ. Во всей книгѣ слово „скарбъ“—государственное казначейство встрѣчается

[1]) М. Л. Зап. IV. Ѳедковъ реестръ т. е. Ѳедора Хребтовича, писаря королевскаго, братъ котораго Литоворъ Хребтовичъ появляется въ этой же книгѣ въ качествѣ „подскарбія дворнаго“ f. 8 (b). Такъ что книги эти относятся ко времени не ранѣе 1486 г.

всего разъ. Чаще появляется слово „казна“, обыкновенно при выдачѣ жалованья смольнянамъ. Но здѣсь казна имѣетъ спеціальное значеніе *смоленской казны*, какъ то было позже въ XVI вѣкѣ. Въ то же время нѣтъ различія между государственными доходами и доходами в. князя; такъ, напр., царь Мендли-Гирей получаетъ медъ изъ того же кіевскаго ключа, изъ котораго получаетъ и какой то Телюшъ. Тому же царю посылается 7 локтей сукна өлорпнскаго на поминокъ въ то время, какъ кухмистру королевскому Злоцкому изъ того же источника назначается 10 локтей того же сукна. Князь Андрей Ивановичъ получаетъ 100 бочекъ ржи отъ городничихъ новгородскаго и лидскаго, а рядомъ—двумъ королевскимъ баньщикамъ назначено 12 бочекъ ржи у городненскаго же городничаго, тутъ же мѣщанину виленскому ассигнованы 10 бочекъ пшеницы и 2 бочки гороху въ Жидникахъ. Вотъ магнатъ п. Миколай Радивилъ получаетъ 4 телѣги соли изъ мыта луцкаго, „а въ телѣзи по 4 волы“, а рядомъ челядь дворная ковенская получаетъ одну бочку соли изъ мыта ковенскаго и т. д. Рядомъ Шамолъ (еврей-откупщикъ) получаетъ 4 к. гр. за ковшъ серебряный (f. 11). Однимъ словомъ всѣ лица, которыя могли предъявить къ в. князю требованія за какую бы то ни было службу, получаютъ безразлично вознагражденіе изъ однихъ и тѣхъ же источниковъ.

Что жъ это за источники?

Мы видѣли уже, что къ главнѣйшимъ государственнымъ доходамъ относились таможенныя пошлины, судебныя пошлины и акцизъ съ питей. Но въ книгахъ короля Казиміра мы сверхъ этихъ источниковъ встрѣчаемъ назначенія изъ доходовъ, принадлежавшихъ несомнѣнно самому в. князю, какъ напр. „дань“ съ его вотчинныхъ людей[1]). Точно также множество назначеній сдѣлано насчетъ одного изъ наиболѣе цѣнныхъ полученій собственной казны в. князя, т. е. меду и воску[2]).

---

[1]) М. Л. Зап. IV. f. 11 (b) Симеону митрополиту „...2 колоде меду въ писара во Ивашка з дани червищское“.

[2]) Напр. царю Мендли-Гирею послано 30 карапановъ прѣснаго меду съ ключа кіевскаго.

Изъ „ключей“ же, т. е. великокняжескихъ имѣній идутъ назначенія шубъ: лисьихъ завойковыхъ, лисьихъ хребтовыхъ и т. п. и равнымъ образомъ жалованье солью, помимо назначаемаго изъ таможенныхъ доходовъ. В. князья обладали громадными стадами лошадей. Въ каждой значительной волости непремѣнно проживали конюхи, конокормцы; существовали въ каждой „землѣ“ в. княжества довольно важные чиновники „конюшіе“, напр. троцкій, витебскій, виленскій и т. д., все же управленіе коннозаводствомъ подчинялось особому придворному чиновнику—„конюшему дворному“. Коннозаводство составляло какъ бы отдѣльный міръ со своими особыми правами и обязанностями по управленію и суду, не подчинявшійся общимъ правительственнымъ учрежденіямъ, а доходы отъ коннозаводства составляли личную собственность в. князя. Однако, мы видимъ сплошь и рядомъ назначеніе жалованій служилымъ лицамъ и изъ этого источника [1]). Затѣмъ, нечего ужъ и говорить, что изъ хлѣбныхъ запасовъ, хранившихся у городничихъ (при крѣпостяхъ) или же у державцевъ (гдѣ не было крѣпостей), идутъ значительныя назначенія, напр. князю Андрею назначается 50 бочекъ ржи у городничаго новгородскаго и 50 же бочекъ въ Лидѣ, конюшему п. Михаилу скирта ржи въ Мельнику и т. д. [2]).

Въ заключеніе, приведемъ образчикъ того, какъ при выдачѣ жалованья переплетались государственные доходы съ великокняжескими.

Въ 1486 году, іюля 14, король (и в. князь) Казиміръ Ягеллонъ назначаетъ князю Димитрію Путятичу, пока онъ „Брянскъ держитъ“, на каждый годъ по 20 копъ „зъ мыта Браньскаго и съ корчомъ“, (т. е. изъ государственныхъ источниковъ), „ему же по 13 кадей меду прѣснаго *зъ дани* на каждый же годъ, а по 20 копъ грошей съ *поголовщины* на каждый же годъ“, (т. е. изъ частныхъ в. княжескихъ доходовъ [3]).

---

[1]) М. Л. Зап. IV, f. 15 (b), f. 16 и т. д.

[2]) Ibid., f. 25.

[3]) Поголовщину мы относимъ къ частнымъ доходамъ в. князя, такъ какъ она поступаетъ *ежегодно*. Между тѣмъ мы знаемъ, что поголовная подать *со всего* населенія, т. е. людей великокняжескихъ и остальныхъ вотчинниковъ носитъ названіе

Такимъ образомъ изъ всего указаннаго очевидно, что, несмотря на существованія особыхъ видовъ податей и особыхъ источниковъ доходовъ, несмотря на существованіе въ юридическомъ языкѣ особыхъ терминовъ для различія между тѣмъ, что принадлежало в. князю и что—государству, на практикѣ оно проводилось такъ недостаточно, что, можно сказать, этого различія вовсе не существовало и въ началѣ XVI вѣка, передъ самымъ вступленіемъ Аврама Езофовича въ должность подскарбія, мы встрѣчаемъ слѣдующіе образцы финансовой практики литовскаго казначейства.

Посланный въ концѣ 1507 г. для взысканія недоимокъ писарь в.-княжескій Коноть Васильевичъ представилъ въ началѣ 1508 г. передъ п. Иваномъ, подскарбіемъ дворнымъ, и передъ п. Иваномъ Сопегою (маршалкомъ и писаремъ) слѣдующій отчетъ въ собранныхъ имъ суммахъ: съ поднѣпровскихъ волостей онъ собралъ недоимокъ даней: *грошовой*, *медовой*, *бобровой* и *куничной*, которые и вручилъ подскарбію земскому п. Ѳедку Хребтовичу наличностью („готовизною“), частью роздалъ на ассигновки, а частью привезъ в. князю. Всего же собрано имъ $945^1/_2$ копъ грошей. Бобровъ карыхъ онъ вручилъ подскарбію земскому 71 мѣхъ, чорныхъ бобровъ—5, куницъ „шерстью“—119. Въ великокняжескіе же погребы въ Вильнѣ (до ключа Виленскаго) выгналъ „дани медовое 40 уставовъ, а въ Троки 36 уставовъ и 94 кадей меду“ [1]). Неугодно ли здѣсь различить, что поступаетъ въ государственное казначейство и что въ собственную казну в. князя? Если въ доходахъ не проведено различія, то тщетно искали бы мы его въ расходахъ; если изъ личныхъ доходовъ в. князя происходятъ выдачи жалованья за государственную службу, напр. въ 1517 г. служебнику п. Станислава Петровича—Борису назначено 2 воза съ ключа луцкаго, а 7 іюня того же года князю Ивану Коркодыну пожалованъ жеребецъ у конюшаго дворнаго, а 1508 г., сентября 8, князю В. Андр. Полубенскому, между прочимъ, 20 бочекъ жита дьякольнаго у город-

„серебщины“ и назначалась только по чрезвычайнымъ случаямъ и съ согласія крупнѣйшихъ вотчинниковъ.

[1]) Зап. VIII, 102.

ничаго городненскаго и т. д., то и наоборотъ—*для личныхъ потребностей* в. князя обращаются суммы *государственнаго* казначейства: напр., 1508 г. ноября 10 предписано брестскимъ мытникамъ выдать ключнику городенскому Ивану для потребностей королевскаго стола 50 тысячъ головокъ соли („головажекъ"), а ковенскому мытнику отпустить для этой же цѣли 20 бочекъ соли и т. д.

Ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ въ расходныхъ книгахъ короля Сигизмунда съ конца 1509 г. и до конца 1510 г.

Такъ какъ устраненіе этого смѣшенія государственныхъ и в. княжескихъ суммъ совпадаетъ съ назначеніемъ Аврама Езофовича государственнымъ казначеемъ, такъ какъ проведеніе различія между казною государственною и в. княжескою требуетъ для своего осуществленія весьма значительныхъ наличныхъ суммъ, а до появленія Аврама Езофовича литовское казначейство обыкновенно пустуетъ,—мы въ правѣ полагать, что никто иной, какъ Аврамъ Езофовичъ провелъ объединеніе государственныхъ поступленій, устранилъ путаницу въ распредѣленіи поступающихъ суммъ, установилъ правильную систему расходованія, однимъ словомъ для Литвы начала XVI в. устроилъ единство кассы.

Всѣ операціи по пріему и расходованію государственныхъ доходовъ ведутся государственнымъ казначействомъ.

Не ограничиваясь упорядоченіемъ технической стороны государственнаго хозяйства, Аврамъ Езофовичъ успѣваетъ поднять въ значительной степени размѣры поступленія государственныхъ доходовъ.

Для того, чтобы наши утвержденія относительно этого послѣдняго пункта не были голословными, мы опредѣлимъ прежде всего возможно точную цифру доходовъ в. княжества до 1510 г.

На основаніи расходныхъ книгъ за 1506—9 гг., откупного договора за тотъ же срокъ, квитанцій, выданныхъ подскарбіемъ, отчетовъ нѣкоторыхъ изъ сборщиковъ податей, доходы в. княжества за указанное время, т. е. со дня вступленія на литовскій престолъ Сигизмунда Ягеллона до назначенія Аврама Езофовича подскарбіемъ земскимъ, были слѣдующіе:

I. Судебныя пошлины и штрафы дали за это время (съ конца 1506 по конецъ 1509 г., за 2 года съ небольшимъ) . . . . . 5,500 коп. гр.

II. Питейный доходъ съ мѣстностей, не отданныхъ на откупъ, далъ всего. . . . . 300 коп. гр.

Съ мѣстностей на откупу . . . . . 3,000 к. гр. [1]).

III. Таможенныя пошлины, отданныя на откупъ . . . . . 3,000 коп. гр.

Находившіеся въ управленіи . . . . . 15,500 к. гр. [2]).

Такъ что всего изъ этихъ источниковъ за 2 года можно считать поступившими около 30,000 коп. гр., или—ежегодный доходъ казны в. княжества составлялъ 15,000 коп. гр.

Мы видѣли выше, что в. князь Александръ Ягеллонъ обязался въ 1492 г. не расходовать государственной казны, т. е. судебныхъ, таможенныхъ и питейныхъ доходовъ безъ согласія Рады в. княжества. Обстоятельства, при которыхъ вступилъ на престолъ Сигизмундъ I, дали ему возможность поставить себя гораздо самостоятельнѣе по отношенію къ Радѣ. Въ дошедшей къ намъ уставной грамотѣ отъ 1506 г. нѣтъ ничего похожаго на ограниченія в. князя въ распоряженіи государственными доходами [3]).

Отнесеніе судебныхъ пошлинъ и штрафовъ къ числу общегосударственныхъ доходовъ въ началѣ XVI в. было полною несообразностью, такъ какъ уже съ Казиміра Ягеллона судебные *штрафы „вины“* съ вотчинныхъ людей были предоставлены вотчинникамъ, а равно и *судебныя пошлины „пересудъ“*, безъ

---

[1]) М. Л. Записей VIII. Расходныя книги в. князя лит. кор. польскаго Сигизмунда I за 1506—1510 гг., passim.

[2]) Продажа питей въ Смоленскѣ была отдана въ 1507 г. на откупъ за 400 к. г. (VIII, 907) въ годъ, въ Полоцкѣ за ту же сумму (ib. f. 105 (b). Въ Витебскѣ за это время точной цифры нѣтъ (220 к.); равно въ Могилевѣ (150); но принимая во вниманіе, что размѣръ *таможенныхъ откуповъ* до 1520 г. въ этихъ городахъ остался неизмѣннымъ, мы можемъ предположить тоже и для питейнаго откупа. Мы привели эти 4 города, какъ главнѣйшіе изъ городовъ.

[3]) Напечатанъ въ отрывкѣ у Дзялынскаго в. н. соч., вполнѣ находится въ актовыхъ книгахъ Метрики Литовской, Зап. VIII, f. 135 (b), подъ заглавіемъ: Privilegium terrestre M. D. Litvaniae въ Городкѣ, 7 декабря 1506 г.

которыхъ не обходился ни одинъ судъ того времени, вотчинный ли, полюбовный, или копный. Такимъ образомъ в. князю поступали судебныя пошлины и штрафы *частью* съ лицъ свободнаго состоянія: князей, пановъ, земянъ, духовенства, мѣщанъ, частію же—съ собственныхъ весьма обширныхъ вотчинъ. Если мы примемъ во вниманіе, что литовская шляхта въ началѣ XVI ст. составляла не болѣе 1% всего населенія[1]), и что, напротивъ,—количество великокняжескихъ вотчинъ въ двухъ только повѣтахъ, т. е виленскомъ и трокскомъ простиралось до 61, и въ число этихъ вотчинъ входили, (кромѣ виленскаго и трокскаго замковъ и тивуствъ) напр. Ковно съ волостью, заложенныя въ 1515 г. въ 4500 копъ (27000 руб.), Гродно съ волостью, заложенныя тогда же въ 30000 копъ, (т. е. 180000 руб.) и т. д., если принимать далѣе, что еще въ 1567 г. в. князю принадлежало въ вотчину 88 однихъ только непривилегированныхъ (т. е. не имѣющихъ магдебургскаго права) городовъ, то едва ли будетъ смѣлымъ утверждать, что *судебные доходы* в. князя съ *собственныхъ своихъ вотчинъ* далеко превосходили размѣры пошлинъ, получаемыхъ имъ со шляхты.

Еще тамъ, гдѣ преобладала мелкопомѣстная шляхта, какъ напр., на Жмуди, или гдѣ число вотчинниковъ было незначительно сравнительно съ свободнымъ населеніемъ, какъ напр. въ поднѣпровскихъ волостяхъ, или гдѣ при мелкопомѣстьи были уже постоянные выборные суды, какъ напр., въ Подлясьи, тамъ судебные доходы могли быть довольно значительны, въ коренной же Литвѣ и на Волыни судебные доходы сводились почти къ нулю.

При разсмотрѣніи отчета, представленнаго Аврамомъ Езофовичемъ на Брестскомъ сеймѣ 1511 г., невольно бросается въ глаза отсутствіе именно доходовъ съ судебныхъ пошлинъ и штрафовъ; нѣтъ упоминанія объ этой статьѣ и въ отчетѣ 1514 г. Между тѣмъ расходы именно изъ этого источника составляютъ до 1510 г. чуть ли не пятую часть всѣхъ расходовъ казначейства.

[1]) По переписи 1528 г. всѣ вотчинники, считая здѣсь и мѣщанъ, должны были выставить 18,000 тяжеловооруженныхъ всадниковъ съ 8 службъ по 1, что, принявъ службу въ 10 только человѣкъ, даетъ 1,440,000 душъ.

Въ то же время въ расходныхъ книгахъ до 1509 г. мы не встрѣчаемъ назначеній изъ доходовъ монетнаго двора, въ казначейскихъ же отчетахъ Аврама Езофовича мы постоянно встрѣчаемъ эти доходы въ видѣ особой статьи. Не всегда равномѣрный доходъ отъ чеканки монеты простирается однако отъ 1,500 (напр., въ 1511 г.) до 4,000 копъ гр. (какъ въ 1509—1510 г.), что составитъ среднимъ числомъ 2,750 копъ гр. въ годъ. Эта сумма весьма близко подходитъ къ среднему числу судебныхъ доходовъ, (насколько мы о нихъ можемъ знать изъ расходныхъ книгъ), т. е. 2,470 копамъ грошей. Поэтому замѣна въ государственномъ бюджетѣ судебныхъ пошлинъ и штрафовъ доходами съ монетнаго двора не могла встрѣтить возраженій со стороны Рады: общая цифра доходовъ не уменьшалась, а монетный доходъ искони принадлежалъ в. князю, поэтому весь вопросъ сводился къ замѣнѣ въ государственной росписи одного дохода другимъ и только. Но въ этой замѣнѣ нельзя не видѣть новаго доказательства стремленіямъ Аврама Езофовича внести твердое различіе между государственными доходами и частными доходами великаго князя.

Одному только в. князю принадлежало право установленія таможенныхъ заставъ, какъ внутри, такъ и внѣ границъ государства; и таможенныя пошлины въ началѣ XVI в., дѣйствительно, собираются на границахъ государства и со всѣхъ лицъ безъ изъятія. Одинъ только в. князь имѣетъ право на куреніе водки и сыченіе меда, вареніе пива и т. д., а равнымъ образомъ и на продажу оныхъ [1]). Питейныя пошлины взыскиваются поэтому *со всѣхъ* безъ различія. Одинъ только в. князь имѣетъ право чеканить монету и прибыли отъ ея чеканки *розлагаются одинаково на всѣхъ*. Поэтому сейчасъ указанные доходы, какъ собираемые *со всѣхъ*, и должны идти на *нужды всѣхъ членовъ государства*, слѣдовательно, имъ и подобаетъ быть государственными. Между тѣмъ въ правѣ суда и въ правѣ полученія дохо-

[1]) Исключенія изъ этого общаго начала въ XVI в. не велики: количество вотчинниковъ, имѣвшихъ право продажи спиртныхъ напитковъ въ своихъ имѣніяхъ крайне ничтожно. Право же шляхты на безпошлинный вывозъ товаровъ собственнаго производства и такой же ввозъ для *собственнаго* потребленія еще не существуетъ.

довъ съ него съ в. княземъ конкуррируютъ всѣ литовскіе вотчинники, но мало того, какая нужна бухгалтерія, чтобы выдѣлить изъ общей суммы судебныхъ доходовъ то, что в. князь получаетъ, какъ верховный судья шляхты, и что, какъ вотчинникъ!

Включивъ доходы монетнаго двора въ число государственныхъ, Аврамъ Езофовичъ прилагаетъ особенныя заботы, чтобы эта статья доходовъ никогда не оскудѣвала. Поэтому то монетный дворъ дѣйствуетъ безъ обычныхъ перерывовъ не только во время его подскарбства, но еще нѣсколько лѣтъ, какъ бы по инерціи, и послѣ его смерти: литовскіе полугрошки съ штемпелемъ „Вильно“ не только встрѣчаются съ 1509 по 1519 гг. непрерывно, но идутъ еще на нѣсколько лѣтъ далѣе[1]).

Изъ отчетовъ же Аврама Езофовича видно, что главнѣйшій источникъ государственныхъ доходовъ составляли таможенныя пошлины. По установившейся со временъ Витовта практикѣ таможенные доходы отдавались на откупъ. Попытка в. князя Александра передать собираніе пошлинъ лицамъ, назначаемымъ по усмотрѣнію в. княземъ, или же излюбленнымъ земскимъ людямъ, потерпѣла совершенное фіаско. Причиною былъ отчасти самъ в. князь, неустоявшій передъ немедленнымъ полученіемъ денегъ отъ откупщиковъ, отчасти затруднительное политическое положеніе Литвы, когда приходилось небольшую наличную сумму предпочесть, хотя и болѣе значительной, но болѣе отдаленной. Главная же причина неудачи заключалась въ отсутствіи надлежащаго контроля и отчетности надъ собирателями этихъ пошлинъ.

Дѣйствительно, какъ было убѣдиться в. князю въ преимуществѣ казеннаго управленія надъ откупами, если, напр., въ Брестѣ Литовскомъ 10 ноября 1496 г. ему пришлось узнать отъ Немиры и Левка, которые, „какъ жидовъ выслали изъ Берестя... послѣ нихъ... держали мыто Берестейское“, что приходъ за отчетное время равнялся 160 копамъ и 4 грошамъ, а

[1]) *Dawne monety Polskie* dynastyi Piastów, Jagellonow. Piotrkow, 1883—1885, т. III, стр. 112. Szereg znanych półgroszków litewskich z epoki Króla Zygmunta I rozpoczyna się z rokiem 1508... idą one nie przeważnie do roku 1529.

расходъ, по приказаніямъ в. князя за тоже время составилъ 160 коп. и 3 гроша, такъ что в. князю приходилось получить за отчетное время всего *одинъ грошъ*! Понятно, что в. князь Александръ возвращается снова къ системѣ откуповъ.

Въ первое время своего княженія Сигизмундъ I идетъ по стопамъ своихъ предшественниковъ, но, какъ было указано выше, Аврамъ Езофовичъ успѣваетъ убѣдить в. князя въ преимуществѣ системы управленія черезъ довѣренныхъ лицъ. И во все время подскарбства Аврама Езофовича мы не встрѣчаемъ откуповъ. Этому не противорѣчитъ отдача на откупъ самому Авраму Езофовичу минскихъ таможенныхъ доходовъ, въ 1509 г. января 20 и брестскихъ въ 1514 и 1518 гг. Таможенный откупъ въ Минскѣ полученъ Аврамомъ Езофовичемъ до вступленія еще въ должность подскарбія, таможенный откупъ въ Брестѣ существовалъ лишь на бумагѣ. Формально сдѣлано было в. княземъ отступленіе отъ имъ же одобренныхъ началъ, по существу же не было никакого отступленія: ни въ Минскѣ ни въ Брестѣ Аврамъ Езофовичъ ничего не вноситъ в. князю впередъ, а получаетъ эти таможни для покрытія занятыхъ у него в. княземъ денегъ. Къ этому способу в. князь прибѣгаетъ для того, чтобы заранѣе вычеркнуть изъ числа доходовъ указанныя въ откупныхъ контрактахъ суммы и устранить самый поводъ для какихъ либо ассигновокъ на эти источники. В. князь желаетъ оградить интересы своихъ кредиторовъ противъ своей собственной забывчивости, а равно и небрежности приближенныхъ къ себѣ лицъ. Что отмѣна откупной системы была дѣломъ Аврама Езофовича это видно изъ того, что вслѣдъ за смертью его, и таможенные и питейные доходы снова сдаются въ откупное содержаніе. Что для Аврама Езофовича руководящимъ принципомъ въ этомъ случаѣ служили не соображенія личной прибыли, это совершенно ясно изъ весьма значительнаго повышенія таможенныхъ доходовъ за время его управленія: такъ, напр., въ 1506 г. таможенные доходы въ Ковно, Минскѣ, Смоленскѣ, Новгородкѣ, Луцкѣ и Кіевѣ отданы были на откупъ за 2,700 коп. грошей, а въ 1510 г. одна ковенская таможня, находившаяся въ управленіи Аврама,

давала ровно вдвое, т. е. 5770 копъ гр.[1]). Смоленская таможня вмѣсто 400 копъ стала давать 1000 и т. д. Замѣтимъ при этомъ, что повышеніе пошлинъ увеличивало доходы казны, но не управляющаго.

Аврамъ Езофовичъ не только самъ не покушался на доходы казны, но ревниво оберегалъ ихъ отъ покушеній другихъ лицъ не только отъ бывшихъ единовѣрцевъ, но и отъ своихъ кровныхъ. Такъ, мы видимъ, что когда гродненскій богачъ еврей Игуда Богдановичъ и Лазарь Хоцковичъ, завѣдывая вмѣстѣ съ гродненскими мѣщанами-христіанами сборомъ восковыхъ пошлинъ, попытались, послѣ представленія отчета въ Вильно, получить этотъ сборъ на откупъ, пользуясь тѣмъ, что король остался имъ долженъ 90 к. гр., то Аврамъ Езофовичъ взялъ гродненскую таможню „на себя“ [2]). Равнымъ образомъ Аврамъ Езофовичъ не позволяетъ и своему родному брату извѣстному Михелю изъ Бреста взять таможенные доходы въ Брестѣ на откупъ, предоставляя ему вмѣстѣ съ другимъ братомъ—Айзакомъ быть только управляющими [3]). Надо полагать, что око Аврама Езофовича было и здѣсь весьма зорко, потому что какъ только онъ

[1]) M. J. Zap. VIII, f. 116. Съ коморы ковенской отъ мясопустъ (23 февр.), индикта 14 (1511 г.), до св. Михаила (29 сент.). Мы беремъ самый поздній срокъ, такъ какъ конечный срокъ поступленія таможенныхъ доходовъ за 1510 г. въ документахъ точно не показанъ. Но, если принять болѣе ранній срокъ, то разница еще будетъ разительнѣе.

[2]) Ib. XIV, f. 136. Наше предположеніе объ этой попыткѣ мы основываемъ на томъ во 1-хъ), что Аврааму Езофовичу не было основанія устранять безъ особыхъ причинъ королевскихъ кредиторовъ, во 2-хъ), что Игуда Богдановичъ послѣ смерти Аврама Езофовича въ 1525 г. успѣваетъ сдѣлаться восковничимъ и соленичимъ городенскимъ.

[3]) Наши Док. и р. т. I, № 58. Такъ мы видимъ, что король, отдавая въ 1813 г. имъ таможенные доходы въ Брестѣ съ уплатою въ годъ по 500 копъ гр., оговариваетъ во 1-хъ), что это сдѣлано лишь для возмѣщенія имъ королевскаго долга и во 2-хъ), что, послѣ истеченія откупнаго срока, они должны вновь „держать мыто въ вѣрной руцѣ“. Въ виду несообразностей, вытекающихъ изъ такого условія, мы склонны думать, что въ актовой книгѣ сдѣлана существенная ошибка, а именно—вмѣсто того чтобы написать: „маемъ имъ заплатити съ мыта Бер., которое есьмо имъ за готовые пенязи продали *за* годъ по 500 копъ гр.“, слѣдовало „*на* годъ“. Тогда отдача мыта, приносившаго 1000 к. гр., на одинъ годъ за половинную цѣну и была бы платежемъ % за занятую сумму.

вступилъ въ должность подскарбія, доходы брестской таможни сейчасъ же повысились съ 750 копъ до 1000 копъ съ лишнимъ.

Таковъ былъ Аврамъ Езофовичъ, какъ подскарбій земскій в. княжества литовскаго. Не прибѣгая къ чрезвычайнымъ средствамъ, Аврамъ въ короткое время сумѣлъ поднять государственные доходы Литвы и въ то же время отстранить почти на десять лѣтъ необходимость залога в. княжескихъ вотчинъ.

Проведеніе принципіальнаго различія между государственными доходами в. княжества и частными доходами в. князя, замѣна натуральныхъ платежей денежными, передача судебныхъ доходовъ въ руки в. князя, упорядоченіе монетнаго дѣла, замѣна системы откуповъ системою управленія—вотъ тѣ простыя средства, при помощи которыхъ оперируетъ Аврамъ Езофовичъ.

Провести выдачу почти всѣхъ родовъ жалованія деньгами, а равно обращать своевременно и съ выгодою для казны все сырье, получаемое изъ мѣстностей, было подъ силу лицу, обладающему огромными наличными капиталами, или же съ огромнымъ кредитомъ. Не подлежитъ сомнѣнію, какъ увидимъ ниже, что собственныхъ капиталовъ Аврама Езофовича далеко не хватало бы для осуществленія такой грандіозной задачи, но здѣсь на помощь пришелъ кредитъ: во первыхъ,—братья Аврама Езофовича были весьма богатыми людьми и вели значительную торговлю. Аврамъ кредитуется у нихъ отчасти товарами, отчасти деньгами [1]). Но такъ какъ братья Аврама Езофовича были купцами, то понятно, что они съ большимъ трудомъ вынимали изъ торговаго оборота деньги. Поэтому Аврамъ Езофовичъ приходилось обращаться къ другимъ лицамъ. Нужно отдать ему справедливость: онъ необыкновенно умѣлъ расшевеливать неподатливыхъ литовскихъ капиталистовъ. Кого только нѣтъ въ спискѣ

[1]) Д. и Р., № 83, отъ 1524. Жалобы Михеля Езофов. „штожъ подскарбій земскій, панъ Аврамъ-небожчикъ, *оставалъ ему винен немалую сумму пенязей* за сукно и за оксамитъ и за оламашокъ и за иныя рѣчи, и тежъ *готовыми пенязьми*, (т. е. наличными деньгами). Ср. далѣе конецъ этого же №, въ этомъ и другихъ документахъ претензіи къ Аврамъ Ез. предъявляются однимъ Михелемъ, мы же относимъ эти обязательства къ обоимъ братьямъ, такъ какъ они раздѣлились уже только по смерти Аврама.

его кредиторовъ! Князья, паны, (т. е. члены Рады), земяне, дворяне, мѣщане и евреи [1]) не задумываются повѣрять свои сбереженія въ руки энергичнаго подскарбія. Большая часть этихъ суммъ обезпечивается собственнымъ имуществомъ Аврама Ез. и только весьма малая падаетъ на счетъ государственнаго казначейства [2]). Для проведенія этихъ операцій нужна была большая энергія, и только благодаря ей, Аврамъ Ез—чу удалось оказать в. княжеству тѣ услуги, на которыя мы указали выше.

Какая разница съ ближайшими преемниками Аврама Езофовича! Флегматическій, аккуратный Богушъ Боговитиновичъ оставляетъ наслѣдникамъ весь свой капиталъ реализированнымъ въ огромныхъ помѣстьяхъ, въ драгоцѣнной утвари и уборахъ. Оканчивая свои земные счеты, Богушъ не задумывается надъ будущимъ, какъ Аврамъ, а спокойно замѣчаетъ, что „никто ему не долженъ и онъ никому не долженъ“. Сейчасъ видно, что онъ не увлекался теоріями, а всѣмъ, не исключая и в. князя, давалъ деньги не иначе, какъ подъ солидное обезпеченіе! Точно также далѣе—подвижный Иванъ Горностай не ломаетъ головы и не хлопочетъ, когда казна стоитъ пустою, и никто не вѣритъ в. князю денегъ иначе, какъ подъ вѣрное обезпеченіе! [3]).

Вполнѣ понятны поэтому для насъ изъ души вырвавшіяся слова короля Сигизмунда въ одинъ изъ торжественнѣйшихъ моментовъ его царствованія: въ день принесенія упорнымъ Альбрехтомъ Бранденбургскимъ ленной присяги: „на счастливомъ и благополучномъ празднествѣ торжественнаго принесенія ленной присяги знаменитымъ государемъ, господиномъ Альбрехтомъ, макграфомъ Бранденбургскимъ, княземъ Прусскимъ, Штетинскимъ и т. д., *вспомнили мы*, говоритъ король Сигизмундъ, *о*

[1]) Ib. № 137.

[2]) Ничѣмъ инымъ нельзя объяснить того обстоятельства, что, по сведеніи окончательныхъ счетовъ съ Аврамомъ Ез., пассивъ оказался на сторонѣ не короля, но Аврама. Д. и Р. № 137.

[3]) М. Л. З. XXXVII, 28 (b), Доничъ, августа 30, года 1552. Подскарбій Иванъ Горностай пишетъ королю Сигизмунду-Августу, что въ скарбѣ на лицо всего 1,000 к. гр. „кгдыхъ же трудными и немалыми заставами пенязей позычити не досталемъ“. Поэтому подскарбій *совѣтуетъ* королю занять денегъ у данцигскихъ купцовъ.

доблести и талантахъ вельможнаго Аврама Езофовича, подскарбія земскаго, старосты ковенскаго, солецкаго, который неустанно старался служить благу и своего государя и в. княжества литовскаго".

Очертивъ, на сколько было въ нашихъ силахъ, личность Аврама Езофовича, какъ государственнаго дѣятеля, скажемъ теперь нѣсколько словъ о немъ, какъ о частномъ человѣкѣ.

Изъ всего нами изложеннаго можно уже, кажется, заключить, что возвышеніемъ своимъ Аврамъ Езофовичъ обязанъ своей личной энергіи, мужеству и, наконецъ, финансовымъ дарованіямъ. Искать причину возвышенія Аврама Езофовича въ принятіи имъ христіанства или же только въ огромномъ состояніи Аврама Езоф. было бы крайне ошибочно.

Вѣдь Аврамъ Ез. не былъ единственнымъ евреемъ въ Литвѣ, принявшимъ христіанство: мытники путивльскіе Ѳедоръ и Иванъ Новокрещенные, Нисанъ Симшичъ Ольшейко—были весьма зажиточными людьми, и однако ни одинъ изъ нихъ не пошелъ далѣе званія войта. Но этого мало; одновременно съ Аврамомъ Езофовичемъ дѣйствуетъ цѣлый рядъ зажиточныхъ и предпріимчивыхъ христіанъ, православныхъ и католиковъ, въ родѣ Андрея Тихаго, купца в. княжества литовскаго, восковничаго виленскаго, управляющаго монетнымъ дворомъ, или въ родѣ Ульриха Гозія, Гонуса Шмекгера, Гонуса Дитриховича Судормана, Михе́ля Шписа и иныхъ. Однако никто изъ этихъ лицъ не двинулся дальше должности городничаго виленскаго.

Думать далѣе, что въ возвышеніи Аврама Езофовича первую и главнѣйшую роль играли деньги, значитъ не имѣть совершенно никакого представленія объ Аврамѣ Езофовичѣ, какъ человѣкѣ. Прежде всего, Аврамъ Езофовичъ принадлежитъ къ чрезвычайно крѣпкой живучей семьѣ. Несмотря на жизнь полную заботъ, хлопотъ, надеждъ, борьбы и т. д., Аврамъ Езофовичъ умираетъ 70 лѣтъ съ лишнимъ. Но этого мало, за 12 лѣтъ [1])

[1]) Объ этомъ свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что только въ 1523 г., т. е. черезъ 4 года по смерти отца, старшій сынъ Аврамъ Ез. (Василій) Янъ уже достигаетъ совершеннолѣтія, т. е. 15 лѣтъ. Что этотъ возрастъ принимается за совершеннолѣтній, видно изъ актовыхъ книгъ М. Л. Суд II, 271. Что жена Аврама—

до смерти Аврамъ Езофовичъ вступаетъ въ бракъ по увлеченію [1]) и даетъ начало крѣпкому потомству, представители котораго не разъ напоминаютъ своего энергическаго предка [2]). Естественно, что въ такомъ крѣпкомъ тѣлѣ обиталъ и крѣпкій духъ. Мы знаемъ уже, какъ Аврамъ Езофовичъ защищалъ литовскіе замки. Не меньшую энергію обнаруживаетъ онъ въ теченіи всей своей долгой жизни, не только незначительнымъ откупщикомъ онъ съ успѣхомъ выходитъ изъ борьбы съ соперниками, собираетъ доходы тамъ, гдѣ другіе безнадежно опускаютъ руки, обращаетъ въ свою пользу направленные противъ него договоры,—но, будучи уже подскарбіемъ, онъ не только ведетъ операціи пріема и выдачи казны, но слѣдитъ за исправнымъ производствомъ переписей, учитываетъ своихъ подчиненныхъ, отыскиваетъ подходящихъ для того или иного финансоваго поста лицъ, направляетъ дѣятельность монетнаго двора, выдаетъ самъ порохъ, ружья, снаряды и т. д.,—стараясь постоянно и вездѣ „приводити къ королевскому пожитку“, „какъ бы его милости господару не шкодно“. Едва получивъ ковенское мыто, Аврамъ тотчасъ же открываетъ громадные убытки казны, вырабатываетъ мѣры для устраненія оныхъ и немедленно сообщаетъ объ этомъ королю, хотя, имѣя въ рукахъ откупные контракты, могъ бы свободно прибыли обратить въ свою личную пользу. Также энергично направляетъ онъ работы монетнаго двора. Находя, далѣе, убыточнымъ для казны получать сукно и другія матеріи (которыми платилось жалованіе) отъ литовскихъ купцовъ, даже отъ

Ганна Васильевна была молода, это видно изъ того, что по смерти Аврама она вышла вторично замужъ и въ 1536 г., т. е. когда ея старшему сыну было 28 лѣтъ имѣла дѣтей отъ втораго мужа и надѣялась еще имѣть ихъ.

[1]) Что бракъ этотъ не былъ по расчету, лучше всего видно изъ того, что Ганна Васильевна не принесла за собою никакого приданнаго, такъ какъ 1000 коп. гр., назначенныя ей въ завѣщаніи Аврама Ез., составляютъ его подарокъ, а не записываются вмѣсто его приданнаго, вѣна, какъ то бывало въ Литвѣ.

[2]) Такъ напр., внукъ Аврама Ез. Янъ Яновичъ, гамѣстникъ виленскій, своимъ личнымъ мужествомъ и разумными распоряженіями успѣваетъ прекратить кровавыя стычки между виленскими католиками и диссидентами, грозившія серіозными опасностями Вильнѣ. А что это дѣло было не шуточное, лучше всего свидѣтельствуетъ отзывъ Стефана Баторія, компетентность котораго въ дѣлахъ о мужествѣ и распорядительности едва ли можетъ подлежать сомнѣнію.

собственныхъ братьевъ, Аврамъ завязываетъ прямыя сношенія съ заграничными рынками: съ Познанью и т. п., чтобы получать нужные ему товары изъ первыхъ рукъ и т. д.

Происхожденіе Аврама намъ извѣстно. Казалось бы, что трудно человѣку, постороннему для литовской знати, изъ которой черпалась Рада в. княжества, не только вэйти въ это государственное святилище, но еще труднѣе найти modus vivendi съ неособенно покладливыми натурами, въ родѣ М. Радивила и Ольбрахта Кгаштолта. Тѣмъ не менѣе Аврамъ Езофовичъ не только мирно уживается въ ихъ средѣ, но Радивилъ, какъ мы видимъ, хлопочетъ за него передъ королемъ, Кгаштолтъ принимаетъ на себя обязанности душеприкащика, Юр. Ив. Илиничъ вступаетъ съ нимъ въ родство. Что положеніе это пріобрѣтено было не подарками, видно изъ того, что даже въ своемъ завѣщаніи Аврамъ не даритъ Кгаштолту сравнительно небольшаго дома, точно также, какъ не даритъ знаменитому князю и члену Рады Константину Острожскому недопмокъ, соглашаясь въ то же время принять отъ него вмѣсто денегъ серебряные чашу и ковшъ [1]). Этотъ фактъ стоитъ въ прямой связи съ образцовою вообще аккуратностію Аврама. Для примѣра вотъ нѣсколько образчиковъ: вскорѣ по назначеніи въ должность земскаго подскарбія, Аврамъ Езофовичъ принимаетъ въ свои руки государственную казну, хранившуюся въ Вильнѣ, въ особыхъ погребахъ въ замкѣ виленскомъ [2]). Въ скарбѣ этомъ не было ни денегъ, ни дорогихъ суконъ. За надежными запорами хранились: имущество в. князя: русскія, латинскія и чешскія книги, богослужебная утварь придворной церкви, одежды, т. е. шубы, горностаи и т. д.. личное вооруженіе в. князя, ковры, драпировки, постели, кухонная утварь, конская сбруя и т. п. походныя при-

[1]) Д. и Р. № 69. Понятно, что Аврамъ не могъ обойтись безъ обычныхъ въ то время „челобитій“ и „поклоновъ“, наприм., онъ даритъ Радивила за оказываемое вниманіе, не подарокъ, сдѣланный Радивилу не можетъ идти и въ отдаленное сравненіе съ тѣми „поклонами“, которые дѣлали магнатамъ самые обыкновенные просители. Въ числѣ оставшагося послѣ смерти Радивила имущества мы встрѣчаемъ двѣ портьеры („запоницы“), подарокъ Аврама—и только.

[2]) М. Л. Суд. Д. III, 147 и далѣе.

надлежности. Здѣсь же вмѣстѣ съ частнымъ имуществомъ в. князя помѣщался и единственный для всей Литвы арсеналъ. Нѣтъ, конечно, ничего особеннаго въ томъ, что Аврамъ Езофовичъ составилъ пріемную опись (хотя она, къ сожалѣнію, единственная для Литвы), но важно,—какъ была произведена эта опись. Понятно, что подробно описаны оружіе или одежды в. князя, книги: ихъ было не много и каждая вещь—чуть не цѣлый капиталъ [1]). Но спрашивается, чѣмъ, кромѣ самой мелочной пунктуальности, могутъ быть объяснены такія подробности, какъ, напр., описаніе пушки, испорченной литейщикомъ, при чемъ подробно перечисляются не только всѣ подпорки, на которыхъ она была укрѣплена, но и кольца, состояніе колесъ и т. п. Нечего и говорить, что всѣ годныя къ употребленію орудія и принадлежности къ нимъ, какъ то: пороховницы каменныя и чугунныя, ядра („кули“), формы для нихъ, порохъ, сѣра и пр. перечислены, взвѣшены и описаны съ неменьшею точностію [2]).

Около 1529 (?) года, въ виду неисправности взноса шляхтою поголовщины и серебщины, в. князь предписалъ Радѣ обратить, впредъ до выясненія причинъ неплатежа, имущества неисправныхъ въ казну. Въ отвѣтъ на это Рада пишетъ, что предписаніе в. князя слѣдуетъ осуществить съ крайнею осторожностію, такъ какъ нѣтъ на лицо всѣхъ окладныхъ листовъ („рейстровъ“), „бо пнпіе рейстры у подскарбего вашое милости небощика Аврама, которын суть за печатью вашое милости за-

---

[1]) Напр., подаренный в. княземъ Константину Ивановичу Острожскому кафтанъ (галука на золотѣ) стоилъ 100 червоныхъ злотыхъ (около 3,000 руб), но вѣдь дарилъ же грозному хану крымскому король Казиміръ Ягеллонъ 8 локтей сукна!

[2]) М. Л. Суд. Д. III. f. 147, слѣд. Вотъ на выдержку маленькій отрывочекъ: „А рушницъ желѣзныхъ 5, а 4 ручлицы меденыя. А къ тымъ ручницамъ 5 пороховницъ, а кулей ручныхъ 80, а формъ рушничныхъ 7. А въ трехъ бочкахъ пороху 12 камней (т. е. 9 пудовъ), фунтовъ безъ 18, на великія дяла (пушки), а еще осталось того пороху у мѣху камень безъ 8 фунтовъ. А (для) меденыхъ козъ и гаковницъ, (т. е. крѣпостныхъ ружей) пороху камень и 3 фунта, а на желѣзныя гаковницы пороху 2 камня сытыхъ“ и т. д. Очевидно, такое описаніе не могло быть сдѣлано на глазомѣръ: каждый фунтъ пороху вывѣшенъ, даже для полнаго вѣса нашлось отличное словечко: „*камень*“, (т. е. 30 фунт., единица вѣса) названъ „*сытымъ*“.

хованы“ [1]). Отсюда видно, какъ небрежно велись дѣла преемникомъ Аврама Езофовича: онъ и не подумалъ объ истребованіи окладныхъ листовъ! Вмѣстѣ съ тѣмъ видна та важность, которую члены Рады придавали окладнымъ листамъ, составленнымъ подъ руководствомъ Аврама Езофовича. Очевидно, онъ понималъ важность такихъ документовъ: они у него были собраны и хранились вмѣстѣ съ наиболѣе цѣннымъ имуществомъ.

Приведемъ еще два образчика аккуратности Аврама Езофовича: еще при королѣ Александрѣ онъ получилъ въ смоленскомъ повѣтѣ помѣстье Волутину Гору [2]). Въ 1512 г. смоленскіе мѣщане Семенъ, Кузьма, Антипа и Дашко Волутинцы представили королю жалобу, что Аврамъ Езофовичъ „заочно вкрасивши, выпросилъ“ у короля Александра „отчину и дѣдину ихъ—Волутину Гору за пусто (т. е. какъ не населенное имѣніе), а другое селцо на Стыганцы“. Вѣроятно, этимъ Волутинцамъ стала извѣстна неполнота жалованной грамоты, т. е. что вмѣстѣ съ Волутиной Горой не было упомянуто село Стыганка. Между тѣмъ въ Литвѣ в. князья слѣдовали тому началу, что „мы такъ даемъ, хто у насъ проситъ“ [3]), или еще опредѣленнѣе: „мы никому привольевъ нашихъ и листовъ нашихъ на привольа и листы наши не даемъ, а даемъ имъ такъ, какъ хто у насъ проситъ“ [4]). То есть, в. князь объявлялъ всѣмъ и каждому, что, отдавая всегда предпочтеніе уже существующему праву, болѣе ранней привилегіи и т. д., онъ предоставляетъ всѣмъ и каждому просить на свой собственный рискъ и страхъ о какомъ угодно пожалованіи. Если же окажется впослѣдствіи, что проситель „многое упросилъ за малое“, или же населенное имѣніе за пустое, то пусть пеняетъ самъ на себя, если в. князь уничтожитъ грамоту, выданную на основаніи его же личныхъ показаній. И дѣйствительно, въ актовыхъ книгахъ встрѣчаются не

[1]) М. Л. Зап. VII, f. 412.

[2]) М. Л. Зап. VIII, 113. Даты нѣтъ, но предыдущій документъ относится къ индикту 14 (1512 г.) къ іюню 25, а послѣдующій къ тому же году іюлю 26.

[3]) Ib. З. XIV, 264, отъ 1526 г.

[4]) Ib. З. XIV, 335 (b) 1528 г.

разъ случаи такого уничтоженія неправильно выданныхъ привилегій и возстановленія нарушенныхъ правъ [1]).

Получившій неправильно привилегію долженъ не только вознаградить истцовъ за протори и убытки, заплатить пересудъ, но сверхъ того терялъ уплоченное в. князю „челобитье“.

Очевидно Волутинцы надѣялись, что значительный промежутокъ времени со дня пожалованія, выселеніе Аврама изъ Смоленска и т. д. могли помѣшать Аврааму Езофовичу доказать, что пропускъ села Стыганки въ привилегіи короля Александра произошелъ не изъ желанія скрыть размѣры выпрошеннаго помѣстья, а по инымъ причинамъ. Однако разсчеты ихъ оказались невѣрными: передъ судомъ, назначеннымъ для разсмотрѣнія этого дѣла, Аврамъ Езофовичъ не только доказалъ, что Волутина Гора дарована и подтверждена ему въ вотчину королевскими грамотами, но и что село Стыганка не упомянута въ этихъ привилегіяхъ лишь потому, что оно составляетъ нераздѣльную часть Волутиной Горы, „ижъ тое... сельцо посполь изъ Волутиною Горою издавна одна служба бывала“. Истцы не только, что не могли опровергнуть доказательствъ Аврама Езофовича, но и сами признали, что пожалованное имѣніе, дѣйствительно, „одна служба“.

Когда Аврамъ Езофовичъ возведенъ былъ въ званіе ковенскаго старосты и въ этомъ качествѣ самъ роздавалъ, по порученію в. князя, помѣстья и вотчины, то и здѣсь онъ проявилъ ту же самую аккуратность, образцы которой мы сейчасъ привели. Такъ, напр., когда въ 1518 г. по жалобѣ подключаго троцкаго Василія Константиновича Жабы назначена была коммиссія для опредѣленія его правъ на землю въ ковенскомъ повѣтѣ, то оказалось, что прежній владѣлецъ земли—нѣкій боярин Михайло продалъ безъ разрѣшенія в. князя половину этой

[1]) М. Л. Зап., VIII, 284, отъ 1568 г. Смольняне Трахоповы возтановляются въ правахъ путныхъ людей, между тѣмъ какъ дворянинъ в. князя Михайло Дашкевичъ выпросилъ ихъ за „тяглыхъ людей“; или тамъ же бояре Досоговы, „предки“ которыхъ „волости держивали отъ предковъ в. князя“, возстановляются въ своихъ правахъ въ противность привилегіи, полученной смоленск. же боярином Фед. Мирославичемъ, выпросившимъ изъ за „щитныхъ слугъ“, и т. д.

земли боярину пана Паца—Бутку, а другую половину ковенскому мѣщанину—Пашку Черному. Съ того времени прошло 40 лѣтъ, но Аврамъ Езофовичъ разузналъ, какъ о самомъ фактѣ неразрѣшенной продажи, такъ и о томъ, что въ теченіи этихъ 40 лѣтъ Бутко не отбывалъ въ пользу в. князя никакихъ „службъ“. Обративъ эти земли, называвшіяся въ совокупности Михайловщиною, въ казну, Аврамъ Езофовичъ половину ихъ отвелъ („4 земли“) Жабѣ, а другую половину—Дашкевичу [1]).

Фактъ, повидимому, незначительный, но рядомъ съ другими отлично характеризующій Аврама Езофовича: онъ не только слѣдитъ за надлежащимъ поступленіемъ казенныхъ доходовъ, бережно охраняетъ то, что есть, но старательно разыскиваетъ, не потеряно ли что казною, и разъ отыскавъ такую потерю, не медлитъ съ ея возвращеніемъ. Припомнимъ, далѣе, отчетъ Аврама Езофовича отъ 1511 года. Одною изъ характернѣйшихъ особенностей этого документа слѣдуетъ признать сведеніе государственныхъ платежей къ однимъ и тѣмъ же срокамъ,—такъ, большинство статей пріурочено къ полугодіямъ (не январьскаго, а сентябрьскаго года, который тогда былъ въ употребленіи). Далѣе, Аврамъ Езофовичъ стремится къ установленію опредѣленныхъ періодовъ для представленія отчетности; не отъ Аврама однако зависѣло появленіе в. князя въ Литвѣ, между тѣмъ, по обычаю, отчеты подскарбія для своей полной годности нуждались въ утвержденіи ихъ в. княземъ вмѣстѣ съ Радою,—но опять таки, по обычаю, Рада не слѣдовала за в. княземъ въ Польшу, поэтому утвержденіе отчетовъ могло произойти только на литовской территоріи. Тѣмъ не менѣе Аврамъ считалъ своимъ долгомъ представлять какъ можно чаще партикулярные отчеты, а какъ только пребываніе в. князя въ Литвѣ было не мимолетнымъ, Аврамъ непремѣнно успѣвалъ получить оффиціальное утвержденіе своихъ отчетовъ. Благодаря, конечно, тому обстоятельству, *что отчеты за истекшіе сроки всегда были на лицо*, мы видимъ, что между ними лежатъ небольшіе промежутки, а именно отчеты были утверждены въ 1511 г., 1514, 1518 гг.

[1]) М. Л. С. Д. II, 258.

Мы останавливаемся на этой подробности и видимъ въ ней характерную черту личности Аврама Езофовича, потому что ни его предшественники, ни его преемники не отличались въ этомъ отношеніи излишнею щепетильностью. Богушъ Боговитиновичъ [1]) представляетъ отчетъ за *восемь* лѣтъ сразу! Иванъ Горностай за *шесть* лѣтъ и 4 мѣсяца [2]), Астафій Воловичъ за семь лѣтъ [3]) и т. д.

Основнымъ мотивомъ всей служебной дѣятельности Аврама Езофовича служитъ безграничная преданность своему монарху: мы не будемъ напоминать, какъ въ 1509 г. незначительныя пожалованія в. князя наполняютъ радостію сердце Аврама Езофовича и онъ называетъ ихъ великимъ пожалованіемъ и милостью. Передъ нами еще другіе факты. Въ 1514 г. для покрытія занятыхъ у Езофовича 4000 коп гр. король Сигизмундъ предоставляетъ въ его полное распоряженіе, впредь до погашенія долга, *всѣ* доходы съ брестской таможни. Между тѣмъ наступаютъ трудныя времена: королю безотлагательно нужны деньги, достать ихъ трудно, вельможи жмутся... Что же Аврамъ Езофовичъ? Онъ не только не претендуетъ, что всѣ доходы брестской таможни уходятъ на государственныя нужды, но еще ссужаетъ королю новыя и новыя суммы. Мало того, когда на Виленскомъ сеймѣ 1518 г. оказался дефицитъ за счеты Аврама въ 8000 к. гр., в. князь для огражденія интересовъ Аврама Езофовича предоставилъ ему доходы съ брестской таможни на 8 лѣтъ съ тѣмъ, чтобы ежегодно была погашена $^1/_8$ часть долга. Между тѣмъ для удовлетворенія государственныхъ нуждъ закладывается большая часть в. княжескихъ волостей, а полученныхъ денегъ все мало. И вотъ, съ брестской таможни Аврамъ Езофовичъ не получилъ еще ни копѣйки, но по слову короля занимаетъ ему вновь 2000 к. гр. да различныхъ суконъ, бархату, шубъ и т. п. для

[1]) М. Л. Зап. VII, 599. Годъ неизвѣстенъ, въ Вильно. Въ виду того, что Б. Б. становится подскарбіемъ въ 1520 г., а умираетъ въ 1529 г., надо полагать, что отчетъ этотъ относится къ началу 1529 г., когда король Сигимундъ былъ въ Вильно.

[2]) Акты З. Р., т. II, № 220 отъ 1542 г. мая 1.

[3]) М. Л. З. L, 181 (b) отъ 1568 г.

уплаты „войскамъ“ еще на 3000 к. гр. Казалось бы, какой же уступчивости, но и этого оказывается мало: въ началѣ слѣдующаго года в. князь отдаетъ брестскую таможню Михелю Шпису и брестскимъ мѣщанамъ, потому что они предлагаютъ вмѣсто 1000 к. гр. въ годъ—по 1300. Надо полагать, что Аврамъ Езофовичъ болѣе чѣмъ кто либо иной имѣлъ нравственное право получить эти лишнія 300 коп гр., но какъ только пожелалъ в. князь, Аврамъ Езофовичъ отступается отъ предоставленнаго ему торжественнѣйшимъ образомъ права [1]) для того, что „въ томъ“ „господарскій пожитокъ и земскій“ [2]). Но быть можетъ для Аврама лишнія 300 копъ гр. ничего не значатъ, такъ какъ и безъ того богатство его, по мнѣнію г. Вольфа, выростало съ каждымъ днемъ,

Въ виду только что приведенныхъ фактовъ, а равно и въ виду упомянутаго раньше отказа отъ убыточныхъ для казны откупныхъ контрактовъ, намъ нѣтъ особенной надобности настаивать на безкорыстіи Аврама Езофовича. Но чтобы болѣе еще отмѣтить эту сторону, разсмотримъ, на сколько выросло богатство Аврама Езофовича съ 1509 г. по 1519 г., т. е. за 10 лѣтъ его подскарбства. Мы не знаемъ, съ какими денежными средствами началъ Аврамъ Езофовичъ свою самостоятельную жизнь. Судя, однако, по дружественнымъ его отношеніямъ съ братьями, можно полагать, что переходъ Аврама Езофовича въ христіанство не поссорилъ его съ родными и по смерти отца Аврамъ Езофовичъ получилъ свою долю наслѣдства. Можно предполагать, что смерть Іозефа Рябчика или Робея совпала какъ разъ съ изгнаніемъ евреевъ изъ Литвы, такъ какъ въ 1-хъ) мы не встрѣчаемъ съ этого времени въ актахъ упоминанія о Робеѣ,

[1]) М. Л. Зап. XI, 27 (b). „Не маемъ мы“, говоритъ король (в. князь) „и паны Рады наши без бытности нашое у в. княж. въ него ничого брати на наши потребы земскіе, а на отправу и на страву посламъ и гонцомъ, а ни на квитощахъ ни которыхъ отправъ а ни данинъ, а ни листовъ безмытныхъ никому не маемъ давати“. Предоставляется ему затѣмъ это правс на полученіе всѣхъ доходовъ брестской таможни въ теченіи 8 лѣтъ уступить, продать, подарить, завѣщать и т. д. Нашествіе непріятеля и моровое повѣтріе принимается въ разсчетъ и т. д.

[2]) Ib., f., 38 (b).

во 2-хъ) къ 1496 г. Робею навѣрное было свыше 70 лѣтъ, въ 3-хъ) по возвращеніи евреевъ въ Литву оба брата Аврама Езофовича ведутъ свои операціи совершенно самостоятельно и отъ своего имени, наконецъ, въ 4-хъ) какъ разъ за изгнаніемъ евреевъ Аврамъ Езофовичъ вступаетъ самъ въ ряды откупщиковъ, для чего требовались значительныя средства. Такъ, въ 1496 г. онъ въ компаніи съ Мартиномъ Янгелевичемъ беретъ на откупъ смоленскія таможенныя пошлины на 3 года, съ уплатою въ казну по 200 коп. гр. ежегодно [1]). Въ 1499 г. Аврамъ, какъ мы видѣли, представилъ не только 622½ к. гр. за три года, но получаетъ уже на свое собственное имя таможенные откупы въ Смоленскѣ и Минскѣ. Въ 1503 г. Аврамъ Езофовичъ беретъ на откупъ смоленскій таможенный и питейный откупъ за 2400 к. гр. Въ 1506 году Аврамъ ссужаетъ королю Александру выше 1000 к. гр. Въ 1507 г. Аврамъ получаетъ на откупъ ковенскіе таможенные доходы съ уплатою немедленно 800 съ лишнимъ коп. грошей; минская таможня, новогрудская, смоленская и смоленскій питейный откупъ поступаетъ въ руки Аврама Езофовича. Такъ какъ по обычаю откупная сумма вносилась, обыкновенно, за годъ впередъ, то суммы, которыя должны были находится въ рукахъ Арама Езофовича въ 1507 г., простирались до 2000 к. гр., не считая долговыхъ обязательствъ на королѣ Александрѣ. Такимъ образомъ, не считая правъ на староство смоленское и минское войтовство, а равно и недвижимостей, въ рукахъ Аврама Езофовича находилось наличными деньгами и въ надежныхъ долговыхъ обязательствахъ до 4000 коп. грошей, т. е. около 250000 руб. на наши деньги.

Обыкновеннымъ мѣстомъ засѣданій Рады была Вильна. Подскарбію же земскому, въ особенности въ виду перевода всѣхъ платежей на государственное казначейство, приходилось чаще всѣхъ проживать именно въ Вильнѣ. Въ виду, вѣроятно,

---

[1]) Утвержденіе наше мы основываемъ на томъ, что М. Янгелевичъ упоминается въ отчетѣ 1499 г. во множественномъ числѣ. Аврамъ же предоставляетъ 622½ копы гр. слѣдующихъ въ казну за три года (см. выше).

этого обстоятельства в. князь даритъ Аврааму Езофовичу въ 1511 г. выморочный домъ на Субочевой улицѣ [1]).

Въ томъ же году на „великомъ сеймѣ Берестейскомъ“ Аврамъ Езофовичъ получаетъ „дворецъ“ Жеславку въ вотчину „вѣчно—ему самому и его женѣ и ихъ дѣтямъ и напотомъ будучимъ ихъ счадкамъ“, „со всимъ правомъ и паньствомъ“ [2]). Остановимся на этомъ пожалованіи. Въ 1508 г. іюля 20 [3]) король Сигизмундъ далъ своему дворянину Ивану Кобакову [4]) „имѣньице на *хлѣбокормленіе* дворъ нашъ городенскаго повѣта, на имя Жаславку съ челядью невольною и съ животиною и съ житомъ и со всѣмъ съ тымъ, што въ томъ дворѣ суть“. „А къ тому придали есмо ему сто человѣковъ Ярославское же волости, которые сѣдятъ около того двора“. Нѣсколько позже король, однако, изъ этого пожалованія выдѣлилъ 36 службъ другому дворянину, а Жараславку *пожаловалъ* въ вотчину или же заложилъ тому же Кобакову. Изъ текста документа видно, что король только подтверждаетъ уступку Иваномъ Кобаковымъ своего дворца Аврааму по той причинѣ, что самъ Кобаковъ собрался поступить въ монахи. Старый инвентарь Метрики Литовской, извѣстный подъ названіемъ N I и II Записей, говоритъ прямо о продажѣ этого имущества, при чемъ выставляетъ и самую сумму—100 копъ грошей [5]). Но очевидно, что цифра здѣсь показана не вѣрно, потому что „служба“ людей цѣнилась, обыкновенно, въ 10 копъ грошей, что видно, напримѣръ, изъ того, что другой дворянинъ в. князя М. Юр. Зеновьевичъ зало-

---

[1]) Д. и Р. I, № 57, отъ 18 марта, въ Краковѣ.

[2]) М. Л. Зап. IX, 140 (b), документъ 259.

[3]) Ib. 3. VIII, 227 (b).

[4]) Кобакову, а не Кобялкову, какъ пишетъ г. В. справляющійся съ инвентаремъ вмѣсто того, чтобы изучать актовыя книги.

[5]) Записей (sic) № II, страница 80, 9 іюня неизвѣстнаго года, что не мѣшаетъ г. Вольфу поставить 1511 г., почему, неизвѣстно. Тамъ же на 81 стр. показано подтвержденіе королемъ этой покупки отъ 18 іюля 1511 г. Мы не считаемъ нужнымъ слѣдовать этимъ документамъ, такъ какъ имѣемъ передъ собою подлинникъ, гдѣ утвержеіе этой покупки сдѣлано королемъ 8 августа 1511 года въ Брестѣ, на великомъ сеймѣ.

жилъ Аврааму же Езофовичу въ Жеславской волости [1]) 21 службу людей и 4 пустыя земли за 164 копы гр. Заложилъ, при томъ, а не продалъ! Поэтому въ продажной записи на Жеславку нужно допустить поправку, по крайности, на одинъ нуль съ правой стороны. Въ 1513 г. Аврамъ Езофовичъ представилъ в. князю (просроченную (?) закладную М. Ю. Зеновьевича и просилъ в. князя, чтобы онъ эту закладную обратилъ въ купчую крѣпость [2]). Въ 1514 г. къ этимъ имѣніямъ присоединяются фольваркъ подлѣ Минска, купленный Аврамомъ Езофовичемъ у мѣщанина минскаго Микиты Волковича [3]).

Послѣднее, сравнительно крупное, пріобрѣтеніе сдѣлано Аврамомъ Езофовичемъ въ 1515 г., а именно: онъ купилъ съ королевскаго разрѣшенія у подлясскаго воеводы И. С. Сопеги брестское войтовство. Къ брестскому же войтовству принадлежали кромѣ обыкновенныхъ войтовскихъ доходовъ, т. е. извѣстнаго % судебныхъ штрафовъ и пошлинъ, льготной корчмы, вѣсовыхъ пошлинъ и т. д., еще слѣдующія земли: въ 1497 г. в. князь Александръ пожаловалъ войту брестскому Павлу Черному къ брестскому войтовству с. Корницу съ четырьмя службами людей и участкомъ Конюшки [4]). Иванъ же Семеновичъ Сопега самъ прикупилъ къ этому войтовству нѣсколько фольварковъ [5]). Сверхъ того, неизвѣстно въ какое время пріобрѣтены были Аврамомъ Езофовичемъ у п. Богдана Конюскаго гладковицкій дворецъ съ пашнею, вошедшіе въ составъ Жеславки, затѣмъ фольваркъ подлѣ Вильно—Аздишки и дворовое мѣсто

---

[1]) *Въ жеславской волости.* У г. же Вольфа жеславская волость отождествляется съ дворомъ Жеславкою! (стр. 25 назв. соч.) между тѣмъ *волость* продолжала существовать независимо отъ Жеславки еще въ 1523 г., какъ мы видимъ изъ пожалованія пану Тр., стр. Гер. Ю Ю. М. Радивилу „остатка людей всѣхъ и земель пустовскихъ двора нашего городенскаго повѣта Жеславки".

[2]) Такъ мы понимаемъ слова грамоты: „билъ намъ (в. князю) п. Абрамъ, обыхмо тыи вышеписанныи люди и съ тыма чотырма землями пустыми *ему на вѣчность дали*".

[3]) Д. и р. т. I, № 63. Подтверждена эта покупка 26 октября 1514 г.

[4]) Наши Д. и р., т I, № 35.

[5]) Д. и р. т., I. № 65.

съ незначительными постройками въ Вильнѣ на Нѣмецкой улицѣ [1]). Но всѣ эти пріобрѣтенія незначительны.

Не придаемъ мы также значенія пріобрѣтенію Аврамомъ Езофовичемъ въ 1517 г. у вельможной Новойки де Виснице королевскаго имѣнія Солечь, заложеннаго ея предками—польскими королями. Не придаемъ мы значенія потому, что пріобрѣтеніе это не долго остается въ рукахъ Аврама Езофовича, такъ какъ уже въ 1519 г. онъ не титулуется уже больше старостою солецкимъ, а равнымъ образомъ нѣтъ о Сольцѣ ни малѣйшаго воспоминанія и въ духовномъ завѣщаніи Аврама Езофовича. Купчая крѣпость на это имѣніе и теперь въ актахъ Метрики Литовской, слѣдовательно отъ Аврама Езофовича Солецъ перешелъ къ королю. Когда именно и на какихъ условіяхъ,—намъ неизвѣстно. Надо полагать, однако, что прямо отъ Аврама Езофовича, такъ какъ до конца польскаго королевства Солецъ не выходилъ болѣе изъ рукъ казны и уже въ 1530 г. король Сигизмундъ I возобновляетъ старинныя привилегіи Сольца, истребленныя пожаромъ [2]).

Изъ сказаннаго очевидно, что большая часть поземельныхъ имуществъ Аврама Езофовича пріобрѣтена имъ на свои собственныя деньги: королевскія пожалованія ограничиваются гринковскимъ дворцемъ и нѣсколькими пустыми землями къ нему, выморочнымъ домомъ въ Вильно, да „однимъ человѣкомъ“ въ сомилишской волости.

Что касается движимаго имущества, то мы можемъ его почти вовсе не принимать во вниманіе: нѣтъ въ немъ ни дорогихъ цѣпей, жемчужныхъ „брамокъ“, (оплечій), перстней съ драгоцѣнными каменьями, серебряныхъ чашъ артистической работы, злотоглавыхъ одеждъ, собольихъ шубъ и т. п., какъ у

---

[1]) Мы считаемъ дворъ въ Вильнѣ, завѣщанный Константин Аврамовичу, за пустопорожній, потому что Аврамъ Езофовичъ приказываетъ старшему своему сыну Василію (Яну) дать брату 200 копъ гр. „противко своего двора“, (пожалованнаго королемъ на Субочевой улицѣ); нехай Константинъ также дворъ себѣ справитъ“. Слѣдовательно, дворъ, пожалованный, королемъ стоилъ менѣе 200 копъ гр., а дворъ на Нѣмецкой улицѣ былъ пустъ.

[2]) Baliński Starożytna Polska, т. II, стр. 454.

большинства его знатныхъ современниковъ [1]). Аврамъ Езофовичъ оставилъ по себѣ самое незначительное количество драгоцѣнныхъ вещей. Завѣщанное имъ женѣ серебро состояло изъ дюжины новыхъ ложекъ и 10 старыхъ, 12 чарокъ (роструханцовъ) и двухъ кубковъ, болѣе не было ничего примѣчательнаго, такъ какъ все остальное упомянуто мимоходомъ въ приданомъ дочери (сравнительно небольшомъ—всего 200 к. гр.) и въ доляхъ сыновей. О дебетѣ Аврама Езофовича мы ровно ничего не узнаемъ изъ завѣщанія, несмотря на то, что дебетъ равнялся почти всему кредиту Аврама, какъ мы сейчасъ увидимъ.

Аврамъ Езофовичъ умеръ въ концѣ 1519 г. [2]).

Аврамъ Езофовичъ оставилъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей, изъ которыхъ старшему—Василію было всего 11 лѣтъ. Въ 1523 году, марта 14, король предписываетъ „князю Яну, бискупу виленскому, принять отъ воеводы подляскаго, Януша Костевича 10,000 червоныхъ злотыхъ“, въ которыхъ было заложено Ковно Аврааму Езофовичу, „и тые 10,000 злотыхъ червоныхъ, або въ

---

[2]) Ср. напр., вышеуказанное завѣщаніе Богуша Боговитиновича. Для образчика приведемъ маленькую выдержку изъ имущества маршалка Солтана Александровича. Ограничиваемся реестромъ дорогихъ одеждъ: *шуба* „кунья одамашкою тяжелою (атласомъ) чорною крыта; *шуба* бѣлиная, ѣздячая (дорожная), одамашкою черною крыта. Сторохъ чорного оксамиту на золотѣ; шуба соболья одамашкою червоною крыта съ пугвицами; шуба куних горелъ одамашкою гвоздиковою крыта, съ пугвицами; шуба бѣличья, бурнатнымъ атласомъ крыта, съ ткапками. Лѣтникъ оксамиту (бархату) сѣраго съ пугвицами: шуба кунья одамашкою сѣрою крыта; шуба кунья одамашкою черною крыта, съ пугвицами; *шуба* новая *горностайская* голая, съ пугвицами одного золота“.... „сорокъ соболей“ и т. д. Целое состояніе! М. Л. Суд. Д. II, 174 (b).

[1]) Объ этомъ мы заключаемъ: во 1-хъ), что 12 марта 1520 г. Янушъ Костевичъ, явившись къ королю Сигизмунду въ Торнѣ, ходатайствуетъ объ отдачѣ ему въ державу г. Ковно съ волостью, согласно прежнему королевскому обѣщанію, при чемъ объ Аврамѣ Езофовичѣ упоминается какъ о покойникѣ [Зап. Х., 32 (b)] Во 2-хъ) изъ показаній собственныхъ сыновей Аврама Езофовича, данныхъ ими передъ королемъ въ 1535 г. и не опровергнутыхъ противной стороной, что отецъ ихъ „кгды... оный тостаментъ (1519 г. сентября 28) свой у Берести справилъ и всю волю свою остаточную тамъ описалъ, тогды дей до насъ (короля) къ корунѣ польской былъ поѣхалъ и, недоѣжджаючи тыхъ мѣстъ на Ломазу змарлъ“. (Д. и р. т. I, № 159). Между тѣмъ 11 декабря 1519 г. король Сигизмундъ еще находится; въ *Брестѣ*, а 2 февраля 1520 г. даетъ привилей въ Торнѣ (М. Л. Зап. X, 19 (b) ibid., 27 (b).

монетѣ, почомъ золотый въ панствѣ нашомъ, в. княжествѣ литовскомъ, идетъ положить въ костелѣ св. Станислава, въ закристіи, у Вильни", впредь до совершеннолѣтія Василія Абрамовича. Поручая епископу принять эти деньги, король предписываетъ ему пригласить къ этому пріему и двухъ другихъ душеприкащиковъ, т. е. Кгаштолта и Илинича и вмѣстѣ съ ними опечатать хранилище своими печатями. Дѣлая это распоряженіе, король объявляетъ, что, какъ только Янушъ Костевичъ внесетъ деньги, такъ тотчасъ же будетъ введенъ въ управленіе Ковно, „бо вже досыть станетъ привилю нашому, который небожчикъ Аврамъ на Ковенъ мѣлъ" [1]). Черезъ полтора мѣсяца, т. е. 29 апрѣля 1523 г., король посылаетъ изъ Кракова предписаніе виленскому воеводѣ, канцлеру О. М. Кгаштолту, чтобы онъ во время ближайшаго сейма выдалъ маршалку дворному Ю. И. Илиничу 10000 червонныхъ злотыхъ, которые хранятся въ костелѣ св. Станислава въ Вильно, такъ какъ Ю. И. Илиничъ писалъ къ королю и присылалъ вмѣстѣ съ тѣмъ своего зятя Яна (Василія) Аврамовича съ просьбою о выдачѣ этихъ денегъ, такъ какъ Янъ Аврамовичъ, также и невѣста его,—дочь Ю. И. Илинича, уже совершеннолѣтніе. Приказывая выдать деньги, король выражаетъ однако желаніе, чтобы Кгаштолтъ не только взялъ съ Илинича квитанцію за подписью нѣсколькихъ членовъ Рады, но чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ Илиничъ, на случай собственной смерти или же смерти своей дочери, обезпечилъ эту сумму Яну Аврамовичу залогомъ соотвѣтствующаго количества имѣній или совершенной ихъ уступкой [2]). Очевидно, что король, несмотря на гражданское совершеннолѣтіе Яна Аврамовича (15 лѣтъ), не находитъ еще возможнымъ врученія ему такой огромной суммы. Быть можетъ Ю. И. Илиничъ нашелъ неудобнымъ для себя эти условія, но всего вѣроятнѣе, что извѣстіе о признаніи одного изъ наслѣдниковъ Аврама Езофовича совершеннолѣтнимъ и о распоряженіи выдать на его руки огромную сумму наличными деньгами подняло на ноги всѣхъ далеко еще неудовлетворен-

[1]) М. Л. Суд. Д. IV, 26 (b).
[2]) Д. и р., т. I, № 75.

ныхъ кредиторовъ Аврама Езофовича. Такъ заключаемъ мы по распоряженіямъ короля, адресованнымъ ко всѣмъ членамъ Рады, т. е. на сеймъ въ слѣдующемъ же году [1]).

„Жаловался намъ", говоритъ король, „мытникъ Михель Езофовичъ, что покойный подскарбій земскій Аврамъ Езофовичъ, оставшись ему долженъ значительную сумму денегъ за сукно, бархатъ, атласъ и иные предметы, а также и наличными деньгами, въ подтвержденіе чего у него имѣются письменные документы и иныя доказательства, до сихъ поръ не учинилъ ему никакой уплаты". Сверхъ того, Аврамъ Езофовичъ, взявъ въ отсутствіи Михеля сукна, заказанныя въ Познани, поставилъ эти сукна въ счетъ королю. Предписывая Радѣ разобрать основательность требованій Михеля, король относительно послѣдняго долга въ $537^1/_2$ копъ опредѣляетъ, что такъ какъ эта сумма поставлена ему на счетъ, то слѣдовательно отвѣтчикомъ здѣсь является не король, а наслѣдники Аврама Езофовича, на которыхъ и должно быть обращено взысканіе. Въ слѣдующемъ году Михель получаетъ изъ королевской канцеляріи повѣстки для вызова въ судъ („позвы") обоихъ сыновей Аврама Езофовича.

Вѣроятно и другіе кредиторы также предъявляли свои претензіи. Но такъ какъ первымъ кредиторомъ былъ король, и движимое имущество, хранившееся у Аврама въ Вильнѣ въ особомъ помѣщеніи, было частью взято въ казну, частью опечатано, то естественно, что, до опредѣленія и оцѣнки казенныхъ притязаній, распоряженіе короля о выдачѣ 10,000 венгерскихъ червоныхъ злотыхъ было пріостановлено. Подобная пріостановка была тѣмъ болѣе необходимою, что въ то время, какъ завѣщанная часть младшаго сына Аврама Езофовича Константина складывалась главнымъ образомъ изъ долговыхъ требованій на королѣ, завѣщанная часть старшаго сына—Яна слагалась изъ чистыхъ денегъ. Такъ какъ, далѣе, матери ихъ Ганнѣ Васильевнѣ завѣщаны были части изъ доли обоихъ сыновей, то, впредь до разрѣшенія вопроса о количествѣ долговъ, лежащихъ на общей наслѣдственной массѣ, трудно было душеприкащикамъ привести

[1]) Д. и р. т. I, № 83, отъ 1524 г.

въ исполненіе и эту часть завѣщанія. Надо полагать, что въ виду этихъ соображеній выдача денегъ была совершенно пріостановлена, а вмѣстѣ съ тѣмъ, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, измѣнено и мѣсто храненія этихъ денегъ: изъ сакрыстіи св. Станислава деньги переданы на храненіе въ виленскую ратушу, гдѣ онѣ и сохранялись за печатями пановъ Радъ до 1526 г. Въ этомъ году, ноября 7 изъ Кракова король предписываетъ войту, бурмистрамъ и радцамъ г. Вильны, чтобы они выдали „дворянину господарскому, п. Яну Аврамовичу“ 10000 червоныхъ злотыхъ, такъ какъ король убѣдился, „ижъ онъ вже лѣтъ своихъ дорослъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ король пишетъ къ воеводѣ виленскому Кгаштолту, чтобы онъ послалъ вмѣстѣ съ Яномъ Аврамовичемъ и сопровождающимъ его королевскимъ уполномоченнымъ двор. Борисомъ Юрьевичемъ „какого либо человѣка добраго“ для присутствія при передачѣ этихъ денегъ. Въ посланіи своемъ король, между прочимъ, говоритъ, что онъ отмѣняетъ свое прежнее предписаніе, въ силу котораго войтъ съ бурмистрами и радцами не должны были отдавать этихъ денегъ иначе, какъ на основаніи королевскаго повелѣнія за собственноручною подписью. Поэтому, какъ только къ нимъ явится Янъ Аврамовичъ съ королевскимъ дворяниномъ и посланнымъ отъ воеводы лицемъ, то они должны вручить ему упомянутые выше деньги, а отъ него взять росписку за его печатью, которую и сохранить вмѣстѣ съ королевскимъ посланіемъ впредь до востребованія[1]). На этотъ разъ, надо полагать, Яну Аврамовичу удалось, наконецъ, получить завѣщанныя деньги, такъ какъ намъ не удалось встрѣтить о нихъ дальнѣйшихъ упоминаній. При раздѣлѣ наслѣдства Ю. И. Илинича въ 1526 г., Янъ Аврамовичъ покупаетъ половину Шерешева; сверхъ того, въ слѣдующемъ 1527 году король, по ходатайству Кгаштолта, даетъ Яну Аврамовичу въ державу дворъ Утень[2]), а такого рода пожалованіе, какъ мы знаемъ, не могло обойтись безъ значительнаго „челобитья“.

[1]) М. Л. Зап. XIV, 279.

[2]) М. Л. Зап. XII, 357, отъ іюля 11, и то же болѣе подробно f. 368, отъ сентября 11, г. 15.

Однако полученныхъ Яномъ Авра́мовичемъ денегъ оказалось далеко недостаточно для покрытія всѣхъ выпавшихъ на его долю долговыхъ обязательствъ, такъ какъ 29 марта 1530 г. король Сигизмундъ, обращаясь къ „князьямъ, панамъ, земянамъ, и дворянамъ, и мѣщанамъ, и жидовѣ, и всѣмъ тѣмъ, которымъ будетъ осталъ винепъ пенязи и иными речи небощикъ п. Аврамъ Езофовичъ", говоритъ, что Янъ Аврамовичъ, не имѣя чѣмъ заплатить этихъ долговъ, ходатайствовалъ уже раньше объ отсрочкѣ до перваго февраля, но и въ этотъ срокъ не могъ разчесться съ своими кредиторами. Склоняясь на просьбу Яна Аврамовича, а также въ виду того, что у него не окончены еще разсчеты и съ казною, король отлагаетъ срокъ уплаты до праздника Вознесенія Христова въ этомъ же 1530 году.

Если мы припомнимъ теперь, что имущество Константина Аврамовича состояло только изъ долговыхъ требованій на королѣ, то станетъ само собою понятно, что и его наслѣдственная доля должна была значительно пострадать. Этимъ обстоятельствомъ и слѣдуетъ, на нашъ взглядъ, объяснить тѣ факты, что Янъ Аврамовичъ, женатый на дочери Ю. И. Илинича и едва ли получившій за нею значительное приданое, принужденъ вмѣстѣ съ женой продать въ 1536 г. марта 12[1]) за 2000 копъ гр. имѣніе Шерешевъ, такъ какъ для службы государевой и для своихъ нуждъ Яну Аврамовичу пришлось заложить *всѣ свои имѣнія*, т. е. войтовство берестейское, дворъ Корницу и имѣніе Вистичи, не говоря о томъ, что онъ съ женою „на записи... остали винни многую сумму пенязей, якъ *христіянамъ, такъ и жидовъ*".

Дѣла Константина Аврамовича были не въ лучшемъ положеніи. И дѣйствительно, въ 1536 г. іюня 25 король разсматриваетъ жалобы князя Юрія Сем. Слуцкаго, что Константинъ Аврамовичъ заложилъ ему въ 700 копъ гр. имѣніе свое Новый Дворъ, которое, по его увѣренію, было выслужено Аврамомъ Езофовичемъ у короля „на вѣчность", а теперь отказывается уступить ему это имѣніе. Въ виду того, что Константинъ Аврамовичъ представилъ грамоту, изъ которой оказалось, что этотъ

[1]) М. Л. Пуб. Д. XXVIII, В. 38.

дворъ заложенъ его отцу въ 1000 червоныхъ злотыхъ, и что королева Бона, съ согласія короля уплативъ Константину Аврамовичу эту сумму, присоединила Новый Дворъ къ своимъ имѣніямъ; князь Слуцкій ходатайствовалъ у короля, чтобы ему было дозволено „на имѣнія (Константина Аврамовича) шперовати", т. е. „на войтовство его минское и на домъ мурованный въ мести виленскомъ", а равно и на его движимость.

Такимъ образомъ мы видимъ, что, за погашеніемъ отцовскихъ долговъ, у сыновей Аврама Езофовича остались только недвижимыя имѣнія. Обремененіе этихъ имѣній долгами происходило уже не для разсчета съ кредиторами, но, какъ выражается самъ Янъ Аврамовичъ, для „службы государевой и для своихъ нуждъ".

Если мы опредѣлимъ теперь стоимость этой недвижимости, то для насъ явится возможность сказать, что дѣйствительно было пріобрѣтено Аврамомъ Езофовичемъ въ періодъ его подскарбской дѣятельности. Обращаясь къ „тостаменту" Аврама Езофовича, мы видимъ, что онъ завѣщалъ своему старшему сыну: 1) войтовство берестейское, купленное у п. Ивана Сопеги вмѣстѣ съ прикупленными къ нему самимъ Аврамомъ землями, 2) дворъ Жереславку съ Глодковицкимъ дворцемъ и съ пашнею, купленною у Б. Конюскаго, 3) домъ въ Вильнѣ.

Войтовство берестейское было пріобрѣтено въ 1512 г.[1]) Ив. Сопегою у „благороднаго Павла Чорнаго де Витовиче" за 4000 червоныхъ злотыхъ и перепродано Авраму Езофовичу въ 1515 г. за неизвѣстную намъ сумму, но, вѣроятно, не менѣе, какъ за 4000 чер. зл., такъ какъ Сопега не былъ въ нуждѣ. Жереславка пріобрѣтена у Ивана Кобакова за 1000 копъ гр. Цѣнность остальныхъ мелкихъ имѣній намъ въ точности неизвѣстна, но всѣ они не превосходили 1000 копъ гр. такъ какъ изъ позднѣйшихъ свидѣтельствъ видно, что Янъ Аврамовичъ заложилъ свое наслѣдственное имѣніе Корницу, дворъ Буяки и войтовство берестейское за 4,000 съ чѣмъ то копъ грошей[2]).

[1]) М. Л. Зап. VII, 556.

[2]) М. Л Зап. XLIV, 75.

Младшій сынъ Аврама Езофовича—Константинъ получилъ: 1) Новый Дворъ, 2) Гринковскій дворъ, 3) войтовство минское съ людьми Шеничами, 4) фольварокъ подъ Вильною—Азднишки, 5) мѣсто въ Вильнѣ на Нѣмецкой улицѣ.

Новый Дворъ стоилъ 1000 венгерскихъ злотыхъ, такъ какъ въ этой суммѣ перешелъ къ Авраму Езофовичу отъ Ив. Сопеги. Минское войтовство и домъ въ Вильнѣ стоили около 1000 копъ гр., такъ какъ князь Слуцкій получилъ право для обезпеченія взысканія въ 700 к. гр. наложить запрещеніе на эти имущества. Гринковскій дворецъ стоилъ около 1000 копъ грошей. Такъ мы думаемъ потому, что Авраамъ Езофовичъ для уравненія наслѣдственной части Константина съ частью Василія нашелъ нужнымъ приписать Константину 1000 копъ гр. наличными. А такъ какъ недвижимость въ наслѣдственной долѣ Василія равнялась 4000 копъ гр. съ небольшимъ, то, присоединивъ приблизительно цѣнность фольварка Азднишекъ къ общей стоимости недвижимаго имущества Константина, мы получимъ около 3000 копъ гр.

Такимъ образомъ все недвижимое имущество Аврама Езофовича стоило не болѣе 7 или же 8000 копъ грошей.

Если мы припомнимъ, что нѣкоторыя изъ недвижимыхъ имѣній, какъ напр., войтовство минское, имѣнье Войдуны, Валютина гора и другія принадлежали Авраму Езофовичу еще въ царствованіе Александра, что король Сигизмундъ пожаловалъ Езофовичу только домъ въ Вильнѣ, да нѣсколько незначительныхъ землицъ, затѣмъ, если мы припомнимъ, что капиталъ Аврама Езофовича въ 1507 году простирался до 5,000 к. гр., то окажется, что за все время управленія государственнымъ казначействомъ Литвы Авраамъ Езофовичъ увеличилъ свое состояніе на какую нибудь 1000 к. грошей. Такимъ образомъ огромныя суммы, которыя должна была казна Авраму Езофовичу, оказались полученными въ кредитъ отъ разныхъ лицъ. Ликвидація показала, что счеты Аврама Езофовича были въ полномъ порядкѣ: занятыя суммы были покрыты наличными деньгами, товарами и т. д., а наслѣдственный капиталъ Аврама, значительно увеличенный имъ еще до вступленія въ должность подскарбія земскаго, оказался обращеннымъ въ недвижимыя имѣнія. Если

капиталъ Аврама Езофовича и можно считать незначительно увеличившимся за десятилѣтнее управленіе казною в. княжества, то увеличеніе это произошло во 1-хъ отъ доходовъ, поступавшихъ по старинному обычаю въ пользу подскарбія при взысканіи податей, во 2-хъ отъ поступленія въ его пользу нѣкоторыхъ таможенныхъ сборовъ, напр., „обѣстки“, а равно отъ шедшей въ его пользу половины „промыта“, т. е. арестованной контрабанды и т. д., въ 3-хъ отъ обращенія въ пользу Аврама Езофовича доходовъ съ заложенныхъ ему великокняжескихъ имѣній, т. е. Ковно съ волостью и Новаго Двора и, наконецъ, съ 4-хъ отъ нѣкоторыхъ торговыхъ операцій, какъ напр. вывоза заграницу воска, поставки для казны суконъ и т. п. Доходы со всѣхъ этихъ предметовъ были, однако, настолько незначительны, что въ очистку давали круглымъ числомъ въ годъ всего около 100 копъ грошей. Поэтому, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что въ заботахъ объ удовлетвореніи нуждъ государственнаго казначейства, Авраамъ Езофовичъ руководился не своими частными выгодами, а интересами в. князя.

Какъ государственный казначей Авраамъ Езофовичъ считалъ своею обязанностію удовлетворить, въ предѣлахъ возможности, всѣмъ предъявляемымъ къ нему требованіямъ. Обративъ первоначально на удовлетвореніе этихъ нуждъ весь свой наличный капиталъ, онъ организуетъ вслѣдъ за тѣмъ постоянное участіе капиталистовъ въ операціяхъ государственнаго казначейства. Какъ и на какихъ условіяхъ получалъ деньги Авраамъ Езофовичъ, мы не знаемъ, но для насъ достаточно того обстоятельства, что кредитъ, открытый при посредствѣ Аврама Езофовича литовской казнѣ, равнялся половинѣ годоваго дохода в. княжества. Весьма знаменательный фактъ! Въ то время, какъ самъ в. князь съ трудомъ успѣваетъ занять какую нибудь сотню—другую копъ грошей, которую сейчасъ же и предписываетъ уплатить изъ государственнаго казначейства, подскарбій в. князя занимаетъ тысячи копъ грошей и кредиторы ждутъ уплаты съ замѣчательнымъ терпѣніемъ.

Мы видѣли, что Авраамъ Езофовичъ не могъ обойтись безъ кредита, потому что в. князь въ теченіи почти 10 лѣтъ (съ 1507—1516) не возвращаетъ занятыхъ у Аврама 5000 копъ гр.,

а затѣмъ въ возмѣщеніе долга закладываетъ ему Ковно съ волостью. Конечно, отъ пріема въ залогъ Ковно Аврамъ Езофовичъ не только ничего не терялъ, но прямо выигрывалъ, какъ въ служебномъ отношеніи, такъ и въ процентахъ на свой капиталъ, но отъ обезпеченія имущественныхъ правъ Аврама Езофовича ничего не выигрывала казна в. княжества: она по прежнему нуждалась въ крупныхъ наличныхъ суммахъ. Поэтому единственнымъ средствомъ спасенія являлся кредитъ. Понятно само собой, что, организуя правильное удовлетвореніе нуждамъ государственнаго казначейства, Аврамъ Езофовичъ тѣмъ самымъ упрочивалъ и свое личное служебное положеніе. Однако свои личные интересы Аврамъ Езофовичъ никогда не ставилъ на первый планъ: онъ начинаетъ и оканчиваетъ свою службу, жертвуя своими личными выгодами выгодамъ в. князя, — какъ въ 1507 г. онъ отказывается отъ реализаціи въ свою пользу убыточныхъ для казны откуповъ, такъ точно въ 1519 г. онъ поступается в. князю обезпеченіемъ своихъ долговъ на брестской таможнѣ, предпочитая в. княжеское слово солидному реальному обезпеченію. Приведенные нами факты отреченія Аврама Езофовича отъ своихъ выгодъ въ пользу в. князя не могутъ быть объяснены никакимъ инымъ мотивомъ, кромѣ личнаго уваженія къ в. князю, такъ какъ Сигизмундъ I строго держался разъ даннаго имъ обѣщанія:—не отнимать безъ вины должностей, и если крайняя нужда заставляла его отступить отъ этихъ началъ, то дѣлалъ онъ это не иначе, какъ возмѣщая претерпѣвшему наносимый ему вредъ.

Поэтому то мы въ правѣ заключить, что руководящимъ принципомъ служебной дѣятельности Аврама было то исконное уваженіе и преданность в. князю, которыя составляютъ основныя черты литовско-русскаго населенія въ XVI в. Крестьяне показываютъ на судѣ правду „боячись Бога и господаря великаго князя“ [1]). „Земли“, не входя ни въ какія разсужденія, остаются вѣрны тому князю, „который сидитъ на Вильнѣ и на

[1]) М. Л. Зак., VI, 530.

Трокахъ“ [1]). На люблинскомъ сеймѣ 1569 г. большая часть литовской знати даетъ свое согласіе на унію лишь потому, что того желаетъ в. князь.

Аврамъ Езофовичъ въ правѣ былъ произнесть тѣ же слова, которые вырвались изъ самаго сердца у одного изъ его душеприкащиковъ, знаменитаго Ольбрахта Мартыновича Кгаштолта: „лучше мнѣ потерять все мое имущество, чѣмъ милость в. князя!“ [2]).

С. А. Бершадскій.

[1]) Ак. З. Р., т. II.

[2]) М. Л. С. Д., III, 231. Слова О. М. Кгаштолта: „кажете ли ми, Ваша Милость, Господарю, и остатокъ отчизны вѣрно выслуженное вступити, я и то на росказаніе Вашое милости Господарское радъ, хочу выступити, только што быхъ мерзячки В. М. панское на собѣ не мѣлъ, *бо я, Господарю, большей собѣ важу ласку Вашой милости панскую, нежли все то, што маю*“.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 17 ноября 1888 года.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

000217691
ЮФ СПБГУ

I-93645